Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЙНА

ВОЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

№ 9/10

Сборник девятый-десятый.

Отдел военной литературы при Р. В. С. Р.

Редакционно-издательский отдел при Р. В. С. западного фронта.

1921

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и Война

Перед чтением следует исправить следующие опечатки, искажающие смысл:

Стр.	Строка. сверху	Строка. снизу	Напечатано:	Следует читать:
8	10	—	что это должно	что должно
„	27	—	с самой толщи	в самой толще
92	—	7	строительых	строительных
152	5	—	об'ясняет	об'ясняется
189	—	7	не может быть	не может не быть

Отдел военной литературы при Р. В. С. Р.

Редакционно-издательский отдел при Р. В. С. западного фронта.

1921.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и Война

Военно-научный журнал.

Сборник девятый-десятый.

Отдел военной литературы при Р. В. С. Р.
Редакционно-издательский отдел при Р. В. С. западного фронта.

1921.

Содержание.

Боевые действия Красной Армии.

Библиография.

Ф. Огородников.

Военная пропаганда в Красной Армии.

Значение военной пропаганды.

Беспримерная в летописях мира пятилетняя война со всеми орудиями разрушения современной техники, с миллионами человеческих жертв и с развалом экономической жизни целых стран и народов, сама по себе не могла не подействовать на человеческие массы в сторону отвращения и ужаса перед войной с жаждой покоя и мирного строительства.

Для народных масс в России нужен был чрезвычайный революционный под'ем, чтобы после неслыханной мировой войны двинуть их на новые жертвы.

Но вот прошло еще три года непрерывной гражданской войны, которая сопровождалась дальнейшим утомлением и новыми потерями среди наиболее испытанных борцов. Одновременно возрастающая разруха все настойчивее звала к покинутой семье, к заброшенному хозяйству.

Вот почему могут быть достаточные основания к опасениям, что с наступившим увольнением старших возрастов, волна „демобилизационного“ настроения слишком глубоко и широко захватит „всех и вся“, как в широких народных кругах, так и в рядах самой Красной Армии.

Некоторые признаки этого явления уже сказались в ослаблении общего внимания к нуждам армии, в требовательности гражданских учреждений к постановке на первую очередь вопросов мирной жизни, так как „война уже окончилась“ и т. п. Не мало демобилизовалось и демобилизуется таких работников, которые в настоящий момент еще более нужны армии, чем прежде.

Вот почему, именно в данное время—перехода от напряженной боевой работы к затишью—должна возникнуть забота о том, чтобы Красная Армия не только не оказалась расстроенной, но, напротив, укрепилась и улучшилась, что бы „демобилизационный“ дух не проникал в ее ряды, но, напротив, ее кадры мирного времени сделались бы носителями всех необходимых воинских качеств, образуя как-бы сгущенный закал той потенциальной военной энергии, которая необходима для защиты республики.

Все эти мысли могут считаться совершенно элементарными для каждого военного специалиста, но они имеют силу и значение только тогда, когда пользуются широким распространением.

Между тем по условиям пережитого, а отчасти еще и переживаемого времени, специально—военные мысли не пользуются у нас таким значением.

К тому-же постановка Красной Армии на должную высоту в современных условиях встречает на своем пути совершенно особые затруднения прежде всего в области технической, материальной.

Если бы мы имели богатого американского „дядюшку" или такую-же „тетушку" то могли бы устраивать свои хозяйственные и иные дела не слишком заботясь, по крайней мере о том, чтобы наша армия была сыта, обута, одета, вооружена и снабжена всем необходимым и, кроме того, все служащие в ней получали-бы более чем приличное содержание, были бы хорошо обставлены, семьи их обеспечены и т. п.

В таких на вид весьма благоприятных условиях мы могли-бы, вероятно, лицезреть нашу армию во всем новеньком, с блестящим вооружением и даже не слишком заботиться об ее пополнении: при нашей бедноте и неустройстве вероятно нашлось-бы очень много желающих устроиться на хороший казенный паек со всеми к нему дополнениями.

Но таких условий у нас нет, да мы и сами не захотим иметь их по той причине, что от указанного благополучия оставалось бы сделать только один шаг в сторону пополнения командного состава также на средства „дядюшки", и тогда уже прямо бы оказалось „дядюшкина армия", с которой пришлось бы бороться, как с новым, хорошо вооруженным противником.

Но с другой стороны приходится считаться, что в течение некоторого времени наша армия не может быть так хорошо снабжена, как этого хотелось-бы, а это не малое препятствие к тому, чтобы поддержать ее на должной высоте.

Само собой, остаются другие средства.

Военная история знает очень много случаев, когда плохо снабженные и даже голодные войска оказывались сильнее хорошо снабженных и даже более многочисленных. Выручали дух войск и обучение. Чем труднее материальные условия, тем больше силы имеет духовная сторона. Таков закон психологии. Но для под'ема духа, в периоды затишья, нужны особые меры, которых не приходится изыскивать во время войны.

Армию надо воспитать и тренировать в боевом направлении, для чего нужна определенно разработанная система.

В периоды действительного и глубокого мира, с упроченным долголетней практикой государственным аппаратом, с налаженной военной системой,—как материальная, так и духовная подготовка

армии достигается постепенно, из года в год, без особых толчков. Такой пример в недавнем прошлом мы видели в Германии.

Но даже и при такой постоянной и настойчивой работе сосредоточенной не только на непосредственных интересах армии, но на известной милитаризации всего государственного строя, нельзя обойтись без некоторых подсобных мер, чтобы распространить и углубить интерес к военному делу. Такими мерами в Германии служили поощрение промышленности, связанность ее с военной техникой, для которой необходим сбыт не только в Германии, но и за-границей, устройство запасных и резервистов на хороших должностях в гражданской службе и т. п. Но этого мало. Кто не знает, что внимание к военной службе и к военному делу в Германии было доведено до настоящего культа со всеми признаками внешнего поклонения. Все было пущено в ход, чтобы возвысить военное дело в глазах массы и увлечь ее в направлении военного воспитания: литература, наука, музыка, изящные искусства—были призваны для того, чтобы запечатлеть армию и флот в красивых и величавых образах. Короче говоря, велась определенная пропаганда военного дела, которая захватывала решительно все области жизни и проникала всюду: в Парламент, во все учреждения, в школы, в семью, в колыбель младенца, в сердца матерей, которые кормили младенцев.

Мы говорим все это, конечно, не для того, чтобы брать пример с культа прусского лейтенанта или бронированного кулака. Как известно, отдельные выступления социалистов, некоторые скандальные судебные процессы или романы „Из жизни маленького гарнизона“ не раз показывали обратную сторону красивой медали, обнаруживая многие отрицательные стороны прославленной прусской милитаризации.

Но мы хотим сказать, что даже в Германии, т. е., где было много реальных средств для образцовой постановки военного дела, военная пропаганда не только не отходила на последнее место, но работала во всю ширь, лишь возвышаясь и развиваясь по мере развития военного дела до таких пределов, чтобы не оставлять ни тени сомнения в необходимости дальнейшего увеличения военного бюджета и сопряженной с ними тягости.

Нужно ли доказывать, что в наших современных условиях военная пропаганда еще более необходима, чем в Германии или в какой-бы то ни было стране.

При наших затруднениях разного рода многие важные вопросы приходится разрешать не в той постепенности и последовательности, как это надлежало бы сделать по каждому из них в отдельности, но в том размере, как этого требует или допускает общая постановка. Мы действуем, как теперь принято выражаться „ударным способом“ в тех направлениях государственной, экономической и общественной деятельности, где нужда слишком громко о себе заявляет, где нужен сильный толчек, чтобы дело потом пошло в силу инерции некоторое

время не вызывая особого напряжения. В остальных направлениях мы стараемся, по крайней мере, поддержать усилия настойчивым вниманием и одушевлением в работе.

И вот в области военного дела, в частности—в состоянии Красной Армии—наступил, как нам кажется, именно такой период, когда в одних направлениях, нужно, по крайней мере, усиленное, общее внимание, в других—не менее усиленная, общая ударная работа.

И тут и там нужна военная пропаганда, чтобы собрать это внимание, дать ему направление яркими лозунгами и картинами того, что есть и что это должно быть на самом деле.

Дело это, конечно, не легкое. Как недостаток средств, так и общая сложность, как внешней, так и внутренней политической обстановки, требуют подхода с большим разбором. Надо выбрать такое направление, в котором, действительно, необходима неотложная работа и в котором она осуществима. Надо найти способы возбудить внимание и одушевление иногда при самых неблагоприятных условиях. Именно здесь и понадобится наиболее деятельная и искусная пропаганда.

Само собою понятно, что военная пропаганда не может ограничиваться пределами одной Красной Армии или Красного Флота.

Трудно было бы расчитывать на успех подобной пропаганды, имея ввиду, что состояние армии и флота, прежде всего, зависит от источников их образования и снабжения; военная сила есть только продукт всех общенародных сил—физических, материальных, духовных, экономических и пр.,—их производные, их отражение.

Корни пропаганды должны быть поэтому там, где корни вооруженных сил: с самой толщи народных сил, в основных пружинах государственной машины.

Иначе пропаганда может оказаться не только бесплодной, но и вредной, обращая армию в какую-то опричину, в какой то опасный нарост на государственном организме с самодовлеющими целями.

С другой стороны, лучшее средство и орудие военной пропаганды в стране это—армия и флот, поставленные на должную высоту, показатель ее могущества как воплощение высоких качеств социальной массы, как живая сила, готовая по единому знаку к самоотверженной защите ясно выраженных идеалов.

Вот почему, захватывая очень широкие круги и основываясь на общих принципах определенного государственного и общественного строя, военная пропаганда должна проникать своими ветвями в вооруженные силы, проповедуя здесь защиту этих общих принципов и, в то-же время, те особые качества, которые нужны именно от вооруженной силы для их защиты.

Основные и наиболее широкие вопросы военной пропаганды несомненно лежат за пределами армии и флота, в особенности по их мирному составу. В постановлениях Совещания ответственных работников политического и командного состава Западного фронта, кото-

рое происходило в 20-х числах минувшего июля месяца, общие цели военной пропаганды были определены в следующих выражениях: „Распространение идей и понятий и организация общественного мнения трудящихся, способствующие развитию Красной Армии и созданию высоко квалифицированного, хорошо обученного и политически сознательного бойца за коммунистические идеалы“.

Но поставленные в таком масштабе цели настолько неразрывно связаны с вопросами политической пропаганды и настолько широки, что им нужно было бы посвятить особый разбор не только на страницах военного журнала, но далеко за его пределами.

Таким путем, из столкновения и разбора многих авторитетных суждений, можно, вероятно, было-бы вывести и еще более точную, кристализованную, так сказать, формулу для определения общих целей военной пропаганды во всем масштабе Р. С. Ф. С. Р.

Не задаваясь пока такими широкими задачами, мы сосредоточим внимание на более скромной, но тоже не легкой задаче выяснения тех начал, на которых должна основываться военная пропаганда в самой Красной Армии.

Такой подход к общему вопросу о военной пропаганде представляется тем более целесообразным, что таким путем легче выяснить, с одной стороны потребности армии, насколько они могут быть затронуты военной пропагандой; с другой—широкие задачи общей пропаганды и их направление.

Прежде, чем переходить к военной пропаганде в Красной Армии можно было бы отметить хотя-бы важнейшие из тех общих условий, от которых зависит ее успешность, но лучше это сделать после обзора ее задач и методов, чтобы яснее и доказательнее представить эту зависимость.

Общие задачи военной пропаганды в Красной Армии.

Всякая пропаганда (от латинского слова propagatio распространение, в том числе, например, религиозная подразумевает распространение известного рода идей с целью приобретения сторонников или последователей.

Хотя в основе всякой пропаганды лежат именно известные идеи или общие понятия, но не на практике она стремится обыкновенно к распространению не только понятий (в смысле умственных определений или осуждений), но и известного рода чувств, из которых наибольшей силой распространения и заразительностью отличаются различного рода чувства--верования и чувство—желания.

О такого рода чувствах с особенной убедительностью говорит французский психолог Г. Тард.

Как религиозная пропаганда стремится к распространению чувства веры в ее догматы и чувства горячего желания следовать ее правилам веры и нравственности, так и военная пропаганда должна

возбуждать чувство веры в необходимость Красной Армии, в ее высокое призвание защищать интересы всех трудящихся и обездоленных, а также горячее желание служить идеалам, начертанным на красных знаменах, до полного самоотвержения.

По поводу наших политических формул можно лишь заметить, что быть может, они должны более считаться с тем, что армия все же на 90 процентов составлена именно из крестьян.

Уже из этого видно, что военная пропаганда имеет самую тесную связь с политической. Ее основа—социально-политические идеалы. Нужно возбудить веру и стремление не к какой либо армии и не просто к военному ремеслу, *но стремление к Красной армии* и к защите вооруженной силой ее заветов.

С другой стороны нельзя ограничиться одними политическими лозунгами и основать все на единой политической пропаганде.

Политическая пропаганда в периоды революционного порыва имеет несомненно большую силу. Она может не только подготовить настроение необходимое для воинского порыва, и напряжения, но может, непосредственно, увлечь массу в движение, дать воинские подвиги и военную победу на поле битвы. Но такие победы возможны только над слабым, или хотя-бы и сильным количественно, но слабым духовно противником, или не располагающим современными средствами военной техники. В иных условиях они возможны лишь до поры до времени или с чрезмерной затратой сил и средств, с риском потерять слишком много при неудаче.

Необходимо поэтому присоединить к тезисам политической пропаганды еще и тезисы настоящей военной пропаганды, которые в полной мере считались-бы с особыми требованиями военного дела, как в некоторых неизменных или малоизменяемых основах военного искусства и военной науки, так и в приложении этих основ к современным военно-техническим условиям.

Но так как для успеха дела, очевидно, не может быть двух различных пропаганд, то должна быть одна военно-политическая пропаганда с общими, как политическими так, и военными целями.

При таком взгляде на задачи военной пропаганды перед нами неизбежно встанет необходимость разработки тех общих начал или принципов, которыми она должна руководиться, что, в свою очередь, может привести нас к очень трудному вопросу—к „так называемой“ военной доктрине.

Не отрицая желательности и в известной степени необходимости такой доктрины, нельзя однако не заметить, что разработать ее—дело длительное.

Получить общую доктрину военного дела вне времени и пространства не так трудно. Такие доктрины можно найти—у многих военных авторов и у всех великих полководцев. Хотя-бы взять стратегию Суворова „на все времена“, по его собственному выражению. Но ведь дело заключается совсем не в такой академической, но в

практической военной доктрине, которая могла бы служить для современных текущих задач.

Академическая доктрина „на все времена“, может и даже должна заключать всего несколько общих принципов, одинаково важных для всех кругов военного дела и для всех ступеней военной иерархии, в роде того, что на войне нужны находчивость и упорство, что обстановка повелевает, что нужно быть сильнее противника в решительную минуту на решительном пункте и т. п.

Но для практической деятельности подобные принципы дают слишком мало и оказываются, так называемыми, „общими местами“.

Для того же, чтобы выработать действительно, принципы для практической деятельности, надо поставить общие принципы военного искусства в связь с одной стороны—со всей современной военной техникой, с другой—со всеми политическими и экономическими устоями, как данной страны, так и ее противника. При том—вывести таким же способом целый ряд частных принципов для различных областей и отраслей военного дела.

Очевидно, что такая работа не может быть сделана в короткий срок. Практическая доктрина должна выработаться в самом ходе работы, в тесном соприкосновении с фактами, — как говорят англичане. Между тем военная пропаганда нужна уже для самого приступа к работе, для возбуждения энергии в дружной работе.

Поэтому надо приступать к ней не откладывая, не обусловливая разработкой доктрины. Единственно, что нужно—это общность взглядов на те общие направления и методы, в которых должна развиваться военная пропаганда которые, казалось бы, могут быть указаны и до окончательной разработки доктрины.

Главные области военной пропаганды.

Как уже было высказано выше,—военная пропаганда должна основываться на политических мотивах. Они должны, как в музыке, создавать общий, направляющий мотив (лейт-мотив) и давать общий тон всей работе.

Мысль эта, конечно, не новая. Во всех армиях всего света так она и практикуется. В нашем случае речь будет лишь о том, что нужно, именно, Красной армии, определенной классовой организации с определенными также классовыми задачами, которые вытекают из строительства и задач Рабоче-Крестьянской Республики.

Военная пропаганда должна ярко выразить, что армия нужна, что она не может быть ослаблена, что она должна привлекать к себе лучшие силы и вести в своих рядах самую напряженную работу.

Не претендуя на исчерпывающее изложение всех мотивов, которыми должна пользоваться военная пропаганда для проведения этих идей, мы едва ли ошибемся, если во главе их поставим: 1) не-

избежность войны, 2) необходимость защиты приобретений революции, 3) необходимость оправдать уже принесенные тяжелые жертвы.

Каждому должно быть понятно, что, поднимая Красное Знамя, надо ожидать попыток выбить его из рук, а затем преследований и казней. В особенности это относится до Красного Знамени Рабоче-Крестьянской Революции, которая означает всемирную революцию. Раз оно поднято и раз оно уже угрожало и уже угрожает всему буржуазному миру и капиталистическому строю, то контр-атаки неизбежны. Это можно на время забыть, но не понять этого, невозможно. Второе условие,—продолжаемой угрозы, даже не так необходимо. Поднимая Знамя рабоче-крестьянского движения, тем самым уже сделан призыв к этому движению и обещана поддержка тем, которые могут его поднять, хотя-бы и с некоторым запозданием. Не надо также забывать, что громадная площадь России и ее многочисленное рабоче-крестьянское население не могут не создавать угрозы всемирного пожара. Если революция происходит где-нибудь в Португалии, или на острове Сардинии, это одно. Но если она совершается на сплошной территории в $^1/_6$ поверхности всей суши земного шара и охватывает свыше 150 миллионов населения, которое в громадном большинстве составляется если не из рабочих, то из крестьян—это совсем другое. Россия сейчас разорена, но моральные приобретения революции для массы населения очень велики. Столь же велики и материальные блага на территории России и в ее недрах, в разработке которых заинтересован так или иначе весь мир. Само население представляет одного из сильнейших мировых производителей (по крайней мере хлеба и сырья) и потребителей. Какое оно имеет социальное устройство далеко не безразлично для мировых экономических сношений.

Революция потребовала очень много жертв.

Она насчитывает многие тысячи погибших героев. Гибель этих героев будет напрасна, если не будет упрочено то, что они сделали для революции.

Все это очень простые мысли, но военная пропаганда должна придать им образную яркость, должна обратить из простых суждений и силлогизмов в сильные, захватывающие чувства, в привычные устои армии, в твердые линии поведения.

Таково могло бы быть общее направление военной пропаганды в армии; постараемся наметить, каковы должны быть его разветвления.

Главную или основную область должна заполнить общая политическая пропаганда, которая обязана дать известные моральные основы для военного строительства.

Эти основы, несомненно: социальное развитие масс и индивидуальное развитие лиц, ее составляющих.

Среди них необходимы:

1) Сознание в массе, кроме неизбежности и необходимости войны, еще общности классовых, экономических интересов и их противоположности с интересами противника; это необходимо для единой мысли и единого чувства в армии и понимания противника и союзника.

2) Сознание в массах необходимости организации в одно целое, несмотря на разброску сил по огромной территории и затруднительности сообщений, а также ясное понимание, что всякая организация непрерывно связана с дисциплиной, с властью и подчинением, с правами и обязанностями.

3) Развитие личности до понятия не только общности интересов с другими, неразрывности личной свободы с обязанностями перед этими другими членами общества, но до сознания обязанности развивать и поддерживать в других общность интересов, доведенную таким образом до полной солидарности.

4) Высокое развитие чувства личного достоинства, как одного из драгоценнейших завоеваний революции с тем, чтобы оно, в соединении с правильным взглядом на свободу личности, послужило основой для новой дисциплины, в отличие от дисциплины старого режима; иначе неизбежно воздействие через чувство страха наказания и, следовательно, и соприкосновение с некоторыми заветами прусской дисциплины Фридриха Великого, который говорил, что „солдат должен бояться палки капрала, больше чем противника“.

5) Зарождение в каждой личности влечения к развитию своих духовных, умственных и телесных способностей, любознательности, пытливости, предприимчивости, таланта, для которых революция широко раскрывала все пути, а военное дело пред‘являет самые высокие требования в моменты опасности и крайнего напряжения.

Все это также вполне понятно для людей, понимающих военное дело, но военная пропаганда должна сделать это очевидным для широких масс.

Если мы теперь еще несколько глубже опустимся в самую сущность военного дела при том, именно, в современных условиях, то увидим, что для военной пропаганды открывается широкая область преимущественно в двух направлениях: 1) военной организации и 2) военного воспитания и обучения.

В области военной организации она должна подчеркнуть ее особенности по сравнению с любой организацией, не военной;

1) Ее внутреннюю прочность при внешней подвижности и гибкости, без чего невозможно противостоять опасности, часто смертельной, и применяться ко всем колебаниям постоянно изменяющейся и, часто неизвестной заранее, обстановки.

2) Значение основных принципов военной организации выражаемых в строгом порядке для общей согласованности действий по правилам: каждой вещи свое место, каждому делу свое время, ни-

куда не торопиться и никуда не опоздать; значение точности исполнения.

3) Самостоятельность ее единиц и даже отдельных бойцов для решения соразмеренных боевых задач и единства действий значительных сил, даже из разных родов войск, для достижения более трудных и широких целей; соответственно с этим точная постановка задач (приказами) и свобода выбора способов исполнения;

4) Необходимость особых органов разведки, охранение и связи сообразно с требованием особой военной (боевой) обстановки, какой нет в других видах мирной деятельности.

Чтобы сделать все это понятным, военная пропаганда должна дать ясные схемы и яркое изображение военной организации и ее применения и внушить охотное и самодеятельное стремление к порядку, показать его пользу и красоту, доступную непосредственному воспитанию.

В области военного воспитания и обучения военная пропаганда должна:

1) Развивать необходимые военные качества, т. е. смелость, решимость, стойкость, выносливость, чувство товарищества и чувство долга, в сущности необходимые во всяком деле, но имеющие в военном деле ту особенность, что все они должны доводиться до самоотвержения и готовности уничтожить противника; из них чувство долга должно быть тесно связано с понятием об особой военной дисциплине.

2) Содействовать умственному развитию для приобретения необходимого кругозора в познаниях, связанных с военным делом, а также необходимых умственных качеств, таких как: понимание задачи и обстановки, способность к решению, находчивость.

3) Вовлекать в физическое развитие, столь же необходимое в военном деле, как и духовное, в смысле силы, ловкости, выносливости, а также необходимой заботы о чистоте тела и здоровья.

Вопрос о военной дисциплине заслуживает особого внимания по той причине, что наши народные массы, в особенности русской национальности, как известно, и раньше не отличались дисциплинированностью, а революция пока ее не усилила. Мы говорим „пока“ в расчете, что со временем революционный порыв русских рабочих и крестьян также преобразится в дисциплину на новых началах, как это случилось с французским народом во времена Великой Революции. В этом только смысле и можно говорить об особой революционной дисциплине, которой у нас нередко придают другие, произвольные толкования далеко не в пользу дела.

Дополнение эпитета указывающего на связь с революцией вполне понятно. Таким способом стремятся указать, что это не старая, а новая дисциплина, созданная революцией.

Значение новых названий даже и для старых понятий в революционные периоды имеет бесспорно очень важное значение. И не

лучше ли подыскать совсем новое слово для обозначения „дисциплины“, вместо иностранного и мало понятного?

Вопрос о замене слова „дисциплина“ другим словом настолько важен, по нашему мнению, что требует особого обсуждения признанными авторитетами.

У нас также постоянно говорят о „сознательной“ дисциплине в противоположность прежней „палочной“, что опять неверно и подает повод к серьезным недоразумениям.

Настоящая, твердая дисциплина должна быть, конечно, сознательной, но это не значит, что в каждом отдельном случае, выполняя приказание или обязанности, надо подумать и решить, что то или другое подлежит выполнению. Между тем в действительности, это нередко, именно так и делается еще по заветам первых дней революции; это ведет или к неисполнению в разных формах, или к „митингованию“, хотя и не такому открытому, как бывало раньше.

Ничего подобного допускать нельзя. Дисциплина должна быть не сознательная, а убежденная. Надо раз навсегда убедиться человеку, что он должен исполнять требование закона, устава и начальника и уже не раздумывать каждый раз над исполнением.

Такое убеждение, разумеется, должно быть проведено через сознание, и, в этом смысле, дисциплина должна быть сознательной. Но только в этом смысле, а не в другом. Это не исключает случаев частной инициативы, чтобы вместо приказанного или предписанного по букве устава сделать еще лучше, не исключает также и указаний на ошибочность требований или распоряжений. Не даром еще Петр требовал применения устава „с рассуждением“ под страхом жестокого истязания „за нерассуждение“... Но надо строго отличать разумное рассуждение от уклонения.

Есть еще одно недоразумение с „сознательной дисциплиной“. Оно заключается в том, что сознательная дисциплина, как будто требует участия сознания не только в каждом сложном поступке, но в каждом шаге, в каждом движении. Между тем это противоречит основным задачам каждого воспитания, а в, особенности, военного.

В настоящей небольшой статье было бы неуместным слишком долго останавливаться на этом вопросе, но достаточно напомнить, что важнейшая задача каждого воспитания и обучения заключается в приобретении так называемых навыков, т. е. обращения некоторых поступков и движений из сознательных в подсознательные или рефлекторные. Сознание участвует только в самом допущении такого обращения, а затем движения совершаются без его непосредственного участия: сознание освобождает себя от других более важных работ, где требуется особое внимание и где участие сознания незаменимо.

Вот почему в военном деле в мелочах надо требовать не сознательного, а привычного исполнения, из которого вырабатывается одно из самых ценных качеств—исполнительность.

Наконец, нельзя не упомянуть еще об одном обозначении новой дисциплины, под именем „товарищеской“. По общему духу наших современных понятий и даже по складу нашего народа такое обозначение является очень подходящим, но нельзя упускать из виду, что оно все же не обнимает всего круга понятий, связанных с дисциплиной.

Уклонение от исполнения обязанностей части нарушает товарищество, ибо требует наряда другого товарища или создает общую опасность. Но неисправный часовой у склада народного достояния в очень отдаленной связи нарушает товарищеские обязанности. Кроме того, неразвитые товарищи подчас могут разделять отказ от исполнения приказания и тогда отказавшийся может оказаться до некоторой степени „героем“.

Военная пропаганда очень много сделает, если возмется за разъяснение всех этих недоразумений с дисциплиной и поможет выработать не только сознательное, но убежденное и привычное исполнение.

Ее задача—создать такое же чувство дисциплины, как и чувство долга, к чему, между прочим, недисциплинированность нашей народной массы не может служить препятствием, так как при всем недостатке настоящей дисциплины, та же народная масса отличается именно послушанием. Это похоже на парадокс, но это должно быть хорошо известно всем, кому приходилось иметь с ней дело. Все зависит от того, как подойти и взяться за дело.

В области умственного развития, которое также составляет одну из задач как воспитания, так и образования, по крайней неразвитости народных масс предстоит наиболее трудная работа.

Чем ниже уровень общего развития, тем шире, деятельнее и настойчивее требуется пропаганда.

Малоразвитый рабочий и крестьянин неохотно подчиняется даже „сознательной“ дисциплине, которая, как ему кажется, уничтожает и порабощает его личность, „отзываясь старым режимом“. Между тем он находится во власти несравненно более суровой, беспощадной и нередко бессмысленной дисциплины: своих наследственных инстинктов, привычек и страстей, сам того не замечая.

При слабом развитии сознания можно воздействовать на человека словом, образом или примером, но трудно расчитывать, чтобы это воздействие оставило глубокий след и обратилось в самодействие на все последующее время. Вот почему красные командиры говорят о необходимости зажигательного слова перед каждым боевым действием, об известном понукании при исполнении всех служебных обязанностей. Неразвитый человек, освобожденный революцией от всякого гнета, боится механического исполнения полезных, разумных и необходимых распоряжений, но, в сущности, во многих отношениях изображает машину на постоянном заводе инстинктов и страстей. Чтобы направить его куда нужно, по обстоятельствам, требуется в некотором смысле, новый завод на каждый отдельный случай. А так

как случаев таких бесконечное множество, то может потребоваться, так сказать, беспрерывная военная пропаганда.

Однако, такая пропаганда едва-ли возможна и даже едва-ли действительна. Повторение некоторых основных мотивов, в военной пропаганде, как увидим ниже (в методах пропаганды) полезно и необходимо. Но надо делать это в меру и в разнообразных формах. К тому же повторять надо именно основные мотивы, не гоняясь за всеми мелочами с риском обратиться в надоедливого педанта. Чтобы достигнуть сразу целого множества мелких целей остается один путь—общего умственного развития, расширения кругозора и углубления важнейших понятий. На этом пути неизбежна встреча с постоянным спутником неразвитости—с умственной ленью (инерция неразвитого ума) и неохотным восприятием каких бы то ни было суждений и умозаключений,—резоны не сопровождаются непосредственным чувством удовольствия.

Но вот именно в точке этой встречи и нужна военная пропаганда, чтобы облегчить пути для образования, сделать их очевидными и заменить удовольствие—потребностью в образовании, любознательностью и сметливостью.

Сама по себе пропаганда не может принять на себя ни расширения, ни углубления познаний, но она должна наглядно показать пользу и необходимость того и другого, научить чувствовать удовольствие от познания, как от удовлетворения потребности и таким путем поднять уровень того, что называется общим сознанием человека в окружающей обстановке и в том деле, к исполнению которого он призван.

Здесь было бы неуместно и излишне останавливаться на более подробном изложении программы познаний, необходимых для распространения в Красной Армии.

Но военная пропаганда должна приготовиться к тому, что круг этих познаний, при всей неразвитости обучаемых, должен быть все же шире, чем это требовалось в старой армии, в которой одни области познания были закрыты по политическим соображениям, другие—по недоразумению. К первым относятся—политико-экономические познания, ко вторым—более широкие познания в тактике, стратегии и вообще в военном искусстве, в том числе в истории русской армии.

Можно и сейчас встретить многих противников такого расширения познаний красноармейца, которые будут говорить, что неразвитый человек никогда не поймет такой премудрости и что такие премудрости только собьют его с толка и оторвут от прямого дела. В доказательство обыкновенно приводят самомнение не малого числа молодых краскомов, которые на лету схватили некоторые более высокие познания, но не умеют командовать взводами и не знают самых элементарных требований устава. С этими явлениями надо бороться, что может также войти в задачи военной пропаганды, но не надо, забывать, что они суть последствия неверного, слишком академичес-

кого и, в то-же время, слишком поспешного обучения, но это нисколько не может поколебать верности общего принципа.

А для того, чтобы убедиться в возможности подобного расширения кругозора достаточно, например, познакомиться с Суворовской наукой побеждать, с его стратегией „на все времена“, семью правилами войны и пр., в которых он передавал очень широкие взгляды на военное дело в пословицах, поговорках и загадках. Между тем в Суворовские времена русский солдат был не образованнее современного рабочего и крестьянина.

В области политических наук теперь делается уже много, но все же есть области еще мало затронутые, как например,—экономическая география, самые элементарные познания в которой совершенно необходимы для успеха всей политической пропаганды и могут дать лучший материал для развития любознательности.

В области физического развития задача и роль военной пропаганды настолько очевидны, что едва-ли об них стоит распространяться. Можно лишь напомнить, что наш народ в массе со времен старого режима далеко не пышет здоровьем; не только недостает физического развития, но не мало признаков настоящего вырождения под соединенным воздействием невежества, грязи и болезней. Поэтому эта область военной пропаганды заслуживает особого внимания. Чем скорее, под действием военной пропаганды установится в армии широкое здравоохранение и все виды здорового спорта,—тем лучше. Можно только одно сказать: время не терпит, и многие недостатки нравственного и умственного развития до тех пор неустранимы, пока элементарное физическое развитие не будет поставлено как следует.

Чтобы закончить обзор направлений, или областей (предметов) пропаганды, остается сказать несколько слов еще об одной области специально-военного обучения.

Должна-ли военная пропаганда простираться также и на эту область? На первый взгляд может казаться, что ей нечего здесь делать. Но это не так и вот по каким соображениям.

При всей важности специально-военного обучения, т. е. стрелкового дела, рассыпного строя, тактической подготовки, в основе их должны лежать военно-нравственные и, скажем мы, военно-умственные и военно-физические основы. Сверх того во всех занятиях должно быть проведено начало строгой и точной организации. Вообще, обучение должно воспитывать, должно составлять продолжение воспитания на деле. Кроме военно-технических соображений, которые ни в каком обучении не могут исключать из программы упражнений в мужестве, выносливости, смелости, ловкости, к подобным же упражнениям побуждают соображения глубокого психологического характера, которые лежат в необходимости просто связать духовные и умственные упражнения с физическими, закрепить внимание и память физическим, мускульным чувством. Это необходимо по свойству

человеческой природы, в особенности же для людей с мало развитым сознанием, которое во многих случаях неразрывно связано с непосредственными ощущениями. Для военной пропаганды все физические, строевые и тактические упражнения должны играть роль культа,—внешнего выражения внимания к тем идеалам, к которым эта пропаганда призывает. Чтобы яснее понять эту мысль достаточно бросить взгляд на весь культ, связанный с религиозной пропагандой во всех религиях, а в особенности в православной и католической: торжественность богослужения, свечи, поклоны, целование креста и икон и пр.

Во всех этих действиях скрывается особый психологический смысл. Такой же смысл для военной пропаганды имеет организованность учений, стройность и ловкость движений, напряженность действий и пр.

Одна особенная черта всех военных упражнений, а именно: действие на психику противника и противодействие ему в том же смысле, должны также интересовать военную пропаганду, как тесно связанные с ее основными задачами.

Общий характер или общий смысл участия военной пропаганды в военно-технических упражнениях должен выражаться в том, чтобы с одной стороны помочь их связи с общей идеологией красноармейца, как ее будет рисовать пропаганда, с другой—сделать очевидными их пользу и значение, вызвать к ним интерес, пробудить соревнование и увлечение.

Какое значение могут иметь некоторые из военных упражнений лучше всего видно на занятиях стрельбы. В Швейцарии эти упражнения имеют самое широкое распространение, далеко за пределами армии, причем для швейцарца хороший стрелок олицетворяет одновременно и национального героя Вильгельма Теля. Но в Германии при организации штюцферейнов обошлись и без национального героя, сделав из стрельбы не только технически необходимое, но и морально очень важное, национальное упражнение.

У нас это упражнение особенно необходимо, чтобы вызвать уверенность в своих силах и стойкости, которой нередко недоставало для красноармейцев.

Суворов практиковал штурмы настоящих укрепленных позиций, со всеми препятствиями, а также сквозные атаки с холодным оружием пехоты на конницу и конницы на пехоту в сомкнутых строях, что одновременно подсказывалось не только практическими соображениями, но и всей идеологией Суворовского режима.

Для Рабоче-Крестьянской, революционной армии подобное значение могли-бы иметь упражнения, связанные с представлением о противнике со всех сторон, с внезапными, неожиданными действиями, с требованиями большой выносливости на которую могут оказаться неспособными буржуазные армии и т. д.

Есть очень распространенная игра в „палочку—воровку“ которая при более серьезной постановке может обратиться в очень полезное упражнение для сторожевой службы и налетов, т. е. для отдела обучения особенно необходимого для Красной Армии. В Швеции в числе военных упражнений практикуется словесная передача донесений и распоряжений через „посты бегунов“, расставляемые на самой пересеченной местности, причем каждый пост первоначально знает лишь направление и приблизительное расположение соседних постов. Это упражнение может иметь для Красной Армии также очень важное значение: связь у нас постоянно хромает, а словесная передача встречает много затруднений.

Развивая подобные упражнения и внося известный дух в техническое военное обучение, военная пропаганда должна осмыслить и оживить занятия и придать им иногда недостающий интерес.

Этим же путем она опрокинет всякие шаблоны, с которыми надо бороться всеми способами.

Методы военной пропаганды.

В сжатом виде, в рамках небольшой статьи, трудно изложить все частные задачи военной пропаганды с достаточно ясной и определенной полнотой, тем более, что это вопрос, в сущности, слишком новый и в совершенно новых условиях. Можно опасаться, что от сделанного краткого очерка остается несколько пестрое впечатление. Похоже на то, что автор слишком разбрасывается в задачах пропаганды. Поэтому изложение ее методов начнем с того, что такого разбрасывания не должно быть. В то же время военная пропаганда должна сократить свою широту, свойственную широте военного дела, которое соприкасается со всеми видами человеческой деятельности и имеет чрезвычайно разносторонее, как психическое, так и материальное содержание.

Для согласования этих двух противоположных требований надо всю пропаганду вести так, чтобы от основания до конца всех разветвлений ее проникал один и тот же основной мотив.

Этот мотив—особенность состава Красной Армии и ее назначения, на определенной социально-политической основе уже изложенной в предшествующей главе.

Мотив этот неизбежно будет и *должен повторяться*. Таково основное требование всякого воспитательного воздействия. Подобным образом в любой армии постоянно повторяется национальный гимн, а у нас музыка „Интернационала“. Но одного простого повторения еще недостаточно.

Надо сделать так, чтобы через всю пропаганду сквозила одна и таже красная нить, чтобы, одновременно, главное не заслоняло второстепенного, основное—придаточного. Надо, чтобы пропаганда разра-

сталась как дерево от одного и того-же ствола, расширяясь бесчисленными ветвями и побегами и покрываясь зеленой листвой.

В предыдущей главе мы уже достаточно говорили о различных областях военной пропаганды, а потому не будем повторять. С методологической точки зрения важно лишь указать, что в каждой из областей должны быть свое главное и основное, чего не надо затемнять никакими мелочами.

Пропаганда не должна иметь вид калейдоскопа или разрезных картинок по частям.

Можно, конечно, и на мелочах развивать очень широкие горизонты, таковы были, знаменитые в свое время „История кусочка хлеба“ или „Капля воды“. Но не всякая мелочь годится для такой цели и не каждый с'умеет развить широкие понятия на мелочах. А без этого условия сосредоточение на них внимания может навлечь скуку или привести к шаблонам, которые в военном деле опаснее всякой заразы, в особенности с неопытным командным составом.

Шаблоны в Красной Армии настолько опасны и, к сожалению, настолько уже успели утвердиться, что в число задач военной пропаганды надо прямо включить борьбу с шаблонами.

Переходя собственно к методам пропаганды надо начать с того, что методы эти не могут быть одинаковы уже в зависимости от того, будет ли она иметь массовый или индивидуальный характер.

Пропаганда должна проникать всюду и под всеми видами. Где нужно и возможно, она должна разливаться широким потоком, где не нужно широких размеров—она должна проникать тонкими струями или падать по каплям, но так, чтобы эти капли были способны продолбить камень.

Трудно было бы дать рецепты и инструкции для пропаганды на все случаи. Самый худший способ состоит в том, чтобы наделать множество плакатов с зазубренными и давно известными цитатами и рассылать их десятками и сотнями пудов, не особенно интересуясь, кто и как ими воспользуется: лишь бы были розданы и расклеены.

Пропаганда должна достигать цели. Она должна считаться с восприимчивостью тех, на кого направлена. Она должна отыскивать эту восприимчивость, пользоваться благоприятным настроением или искусно создавать его, заменяя нередко действительные, непосредственные ощущения—лучшими, воображаемыми.

С верным подходом можно достигнуть больших результатов при самой небольшой затрате средств, с неверным можно затратить много средств не только впустую, но во вред делу, так как неискусная пропаганда надоедлива и смешна. При всем, сравнительном, однообразии нашей Рабоче-крестьянской массы не надо упускать из вида, что она лишь в незначительной степени изменилась в сторону несколько большего однообразия по сравнению со старой армией. Так называемых превилигированных сословий и интеллигенции в нашей старой армии было так мало, что их исключение из рядов Красной Армии

очень мало на ней отразилось. Зато эта армия осталась, по прежнему, неоднородной в смысле расового состава. К тому же нельзя терять из вида разнообразие наших климатических и бытовых условий на широком пространстве Республики, которое, как показывает статистика, именно для России является характерным, по сравнению с Западной Европой.

Методы и подходы с пропагандой, скажем к белорусской малоустойчивой народности, могут не подойти к великороссам,—или к сибирякам. Подобным же образом слова убеждения, обращаемые к нашим крестьянам беднякам, или к рабочим, не могут быть в точности повторены и для более обеспеченных украинцев.

Необходимо найти общий язык. В сущности он более или менее найден. Но он может и должен выражаться в общих политических формулах, но не в дальнейших мотивах убеждения.

Само собой понятно, что методы индивидуальной пропаганды должны отличаться еще большим и даже несравненно большим разнообразием. Может, пожалуй, явиться вопрос, нужна ли и возможна ли индивидуальная пропаганда? Но достаточно припомнить в этом отношении прославленные методы иезуитской, да и вообще, религиозной пропаганды, чтобы утвердиться в положительном ответе на этот вопрос. Пропаганда должна направляться на более сильных и влиятельных, на более податливых, как и на более упорных.

Что же касается до методов подхода с пропагандой, то основные, возвышенные мотивы, конечно, наиболее важны и должны составлять настоящую цель пропаганды. Но это еще вопрос, можно-ли с ними прямо подходить, не разбирая ни характера, ни настроения тех, к кому обращаются. Без такого разбора пропаганда может легко оказаться гласом вопиющего в пустыне.

Чтобы расчитывать на успех надо вызвать сочувствие, а для этой цели лучше всего сперва выразить сочувствие, разделять чувства убеждаемых, хотя бы иногда именно для того, чтобы затем через новые, яркие образы направить их чувства совсем в другую сторону.

Помимо того главный интерес к военному делу должен основываться на общих и глубоких принципах строительства Республики и альтруистических, классовых чувствах, но он может начинаться со многих других более частных интересов, свойственных людям по их понятиям и привычкам. Одни могут заинтересоваться военным делом прямо по призванию, другие из любознательности, третьи из жажды подвигов и приключений, четвертые из некоторых выгод, пятые из соревнования, шестые из подражания и т. д. И пропаганда не должна пренебрегать этими частными мотивами, хотя бы сперва для того, чтобы наладить дело и вызвать подражание, а затем переработать частные мотивы в более общие. Нельзя не указать также, что методы пропаганды должны также сообразоваться с местной средой, как и всякий режим. Как известно, военный режим основывается

обыкновенно на двух началах: строгости, или требовательности и заботливости; при этом склоняется более то в одну, то в другую сторону, в зависимости от обстоятельств. Подобным же образом и пропаганда может выступить то с более повелительными, то с более бодрящими и утешающими обращениями.

Среди важнейших методов или форм военной пропаганды, как вероятно и всякой иной, можно подчеркнуть следующее: 1) сочувствие, 2) простота и яркость образов, 3) героизм, 4) красота, 5) авторитетность, 6) повторение, 7) популяризация знаний и навыков. Такая последовательность перечисления вовсе не означает непременно такой же последовательности в приложении на деле, а также не указывает степени важности. Педантизм в этом смысле был бы вреден. Начинаем с сочувствия, так как о нем только что упоминали и так как без сочувствия к убеждаемым и без их сочувствия трудно вести дело пропаганды. В современных условиях такое сочувствие необходимо к тяжелым материальным условиям, но это вовсе не значит, что пропаганда должна быть связана с немедленным улучшением их или с обещанием немедленного улучшения. Вернее, до возможной степени отвлечь внимание от некоторых неустранимых явлений действительности другими яркими образами, но подойти без сочувствия все же невозможно.

Создание этих ярких и, при том, простых образов, составляет самую трудную, но, вместе с тем, и самую благодарную из задач пропаганды.

Нельзя не отметить, что простые, яркие образы имеют значение помимо какой бы то ни было связи с психологией толпы, т. к. большинство людей думает не мыслями (отвлеченными понятиями), а образами (конкретными представлениями).

Символ это и есть образ (конкретный предмет или его изображение за которым подразумевается ряд отвлеченных понятий).

Отсюда такое распространение символистики, какое мы замечаем, например, в религиях и не замечаем в повседневной жизни. Яркий и простой образ имеет в этом смысле неотразимую силу.

При этом простота неразрывно связана с яркостью. Поэтому одна из задач пропаганды именно и заключается в упрощении всех необходимых понятий, в их популяризации.

Героизм дает прежде всего, именно яркие образы, откуда его совершенно особое значение для пропаганды. Именно герои во время массовых движений своим примером увлекают массы на подвиг даже после того, как сами перестали существовать. Народные массы ищут таких героев, чтобы за ними следовать. Постоянно оживляемая память об уже погибших героях как бы обещает появление новых. Говорят, война родит героев, но и всякая опасность, всякое народное движение также родит их. В революционные периоды все это имеет особенно жизненное значение. Революционный порыв порождает энтузиазм, восторженность, доходящую до некоторого, как бы, экстаза. Восторжен-

ная фантазия еще легче создает героев, а широкие врата, которые открывает революция для таланта и энергии, влечет представление о постоянной возможности их появления. В периоды революции остается поддерживать эту восторженность, что вызовет героические поступки, на которые становятся способными самые обыкновенные люди под действием общего возбуждения. В военном деле героизм, разумеется, играет самую выдающуюся роль. Отсюда особые награды за военные подвиги, наш прежний Георгиевский крест, теперешнее Красное Знамя. Замечательно, что выдающиеся полководцы стремились внушить, так сказать, общедоступность героизма.

Суворов называл своих солдат не иначе, как „чудо—богатырями". Он постоянно твердил: „где проходит олень, там пройдет и солдат". Солдатский ранец он называл „ветром" даже в официальных распоряжениях. О рукопашной схватке говорил: „богатырь заколет полдюжины, а я видал и больше".

Красота имеет такое же значение, как яркие образы. В сущности, это очень близкие понятия. Красота имеет для пропаганды то значение, что производит часто безотчетное влечение, т. е. как раз именно то, что входит в задачи пропаганды. Но одновременно, она способствует усвоению иногда очень сложных, отвлеченных понятий. По одному из более точных определений, красота—это соответствие формы с назначением. Улавливается при этом не самое назначение, иногда не легко передаваемое словами, и не самая форма, в которой не так легко указать, что именно и почему в ней красиво, но только отношение формы к назначению, которое выражается краткой формулой: красиво и некрасиво.

В военном деле не нужно доказывать значение красоты. В старой армии весьма ошибочно относились к этому вопросу. Во времена Ванновского всю армию, из соображений простоты и экономии, одели в однообразные, и довольно безобразные, укороченные халаты без пуговиц и без талии. Некоторые гусарские полки демонстративно похоронили тогда свои ментики и венгерки. Позднее вспомнили о красоте, но преимущественно для гвардии и кавалерии. Главный род оружия—пехота, долго оставался менее красивым. Разумеется, здесь играли роль сериозные экономические соображения, но нельзя все приносить им в жертву.

В данный момент пока не приходится говорить о красоте одежды, но не в ней одной можно искать красоты; в физическом складе людей, в их движениях и действиях, в организации и постановке занятий и упражнений, в устройстве жилищ и всего уклада жизни. Если нет средств и способов осуществить красоту, то всегда есть средства не допустить уродства и безобразия, которое проявляется в грязи, неряшестве, распущенности с точки зрения общественных нравов и т. п. Наконец, всегда остается широкое поле для внутренней или нравственной красоты, для красивого замысла и исполнения, для красоты изображения и слова; нужно только, чтобы люди поняли

некрасивость и красоту замыслов и поступков слов, и видели яркие образцы того и другого. Как известно, наша лихость слишком часто проявляется в сквернословии и неприличии, а сквернословие обратилось прямо в обычный способ „красивого“ выражения; самое слово „выражаться“, т. е. говорить выразительно, по меткому замечанию. Чехова, означает ругаться. Если пропаганда добьется на первых порах, хотя бы устранения этого обычая, то пробьет уже широкую брешь в понятиях с ними связанных.

Собственно в укладе военной жизни и службы большое значение имеет особая, красивая торжественность утренней и вечерней зори, развода и смены караулов, вообще движений по городу или через населенные пункты и т. п. Именно в этих случаях армия должна быть красива, т. е. вид ее должен отвечать ее назначению, а отношение к торжественности должно отвечать пониманию, почему это требуется.

Авторитетность пропаганды, т. е. признание истинности ее без особых доказательств, имеет такое же значение, как авторитетность слов и действий вожаков толпы. Сделаться вожаком толпы не всякий может, но раз только это удалось,—слова и действия вожака приобтают силу абсолютного закона. Пропаганда не может заменить вожаков, но она подготовляет почву для вождения масс, а потому должна руководствоваться тем же принципом. Она должна овладевать умами и сердцами, хотя бы и не так решительно и абсолютно.

Ссылка на признанный авторитет имеет бесспорно большое значение, но нужна известная осмотрительность, чтобы она пришлась к месту и ко времени. Иначе можно оказать плохую услугу и самому высокому авторитету.

Надо угадывать настроение, прислушиваться к биению пульса, сперва овладевать вниманием, а потом уже направлять его, куда следует.

Если речь идет о толпе, а во многих случаях военная пропаганда имеет перед собою именно толпу—то задача облегчается естественным состоянием каждой толпы, которая ищет не свободы, а подчинения, ищет вожака, ищет слов и образов, которые вели бы ее за собой. Найти эти слова и образы—это и есть задача авторитетной пропаганды. Мы уже упоминали о том, что повторение известных мотивов должно составлять один из методов пропаганды. Таким способом содержание пропаганды, как бы врезывается в подсознательную область духовной деятельности, даже против воли тех, на кого обращено это повторение.

В этом смысле у пропаганды должно быть сродство с ораторским искусством. Когда Наполеона спросили, какой прием он считает наиболее важным для речи оратора, он, не задумываясь ни минуты, ответил: повторение.

Само собой повторение не может доходить до мелочей, не рискуя обратиться в скучный педантизм; но известные мотивы должны повторяться даже с буквальною точностью. Ведь повторяются же

слова молитв и разного рода чтений в религии и это никого не удивляет. В военном деле должен быть своего рода культ, а потому повторение.

В соединении с авторитетностью слова, повторение может создать то, что называется „ходячими мнениями“. Ими-то и должна управлять пропаганда.

Между прочим Суворов, на которого уже приходилось ссылаться, требовал, чтобы после каждого развода и ученья его катехизис произносился громко, наизусть (не по записке) одним из штаб-офицеров полка; в нем напоминалась Суворовская тактика,—глазомер, быстрота, натиск; затем перечислить пороки и достоинства; солдату надлежит быть здорову, храбру, тверду, решиму, правдиву, благочестиву...., в заключение краткий перечень требований: субординация, экзерциция, дисциплина, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа, слава, слава, слава.

Это может показаться педантизмом, но Суворов, как мы знаем, менее всего был похож на педанта. Формулы его теперь требуют изменения, но здесь важен метод, а не содержание формул.

Остается сказать несколько слов о популяризации знаний и навыков.

Что такое популяризация знаний,—всякому понятно. Мы уже говорили, почему это необходимо в военном деле в современных условиях и в каких размерах. Менее распространены понятия о популяризации навыка, хотя в области гигиены и санитарии они давно практикуются.

Между тем популяризация знаний без популяризации навыков не достигает цели. Центр тяжести лежит именно в навыках. Никакой багаж знаний, никакое зазубривание, не может принести пользы, если знания не переводятся в практические навыки.

Под навыками в педагогике подразумеваются волевые сознательные действия, которые от многократного повторения обращаются в подсознательные или безсознательные. О них мы уже говорили выше, по поводу сознательной дисциплины. Здесь мы добавим только, что в сущности, главные задачи воспитания и заключаются в искусстве превращать сознательные действия в безсознательные или под‘сознательные, заменяя ими бесполезные или вредные наследственные (врожденные) или благоприобретенные привычки.

В военном деле такие навыки имеют особенно важное значение, ибо, во-первых, они редко могут совпасть с врожденными, а во-вторых, стихии опасности и быстрых перемен в обстановке, среди которых совершается военная деятельность, требует именно, во многих случаях, не рассуждений и умозаключений, а навыков в исполнении. Это, в особенности, относится до актов военной дисциплины и затем до большинства актов собственно военного ремесла: стрельбы, строевой службы и т. п.

Как мы уже говорили, военная пропаганда не должна чуждаться даже и области технического, военного обучения. Но необходимые для военного дела навыки могут и должны приобретаться не только в об'еме программы этого обучения, но и вне этих сравнительно узких рамок. Вне программ обучения остаются многие навыки физического развития (спорта) и гигиены, нравственного воспитания в продолжении всей вообще военной службы в отношениях к командному составу, к товарищам, к семье, к населению, к Республике, а также и умственного развития в различных областях общественной деятельности. А есть ли, спросим мы себя, такой вид этой деятельности, который, так или иначе, не связан с военным делом?!

Не будем задерживаться на разных, так сказать, внешних формах пропаганды, к которым относятся: живое и печатное слово, картины, кинематограф, театр, спорт, торжества, осмотр памятников и полей сражения и пр.

Эта область, при всей ее важности, имеет, все же, второстепенное значение по сравнению с принципиальными вопросами.

Подчеркнем только одно обстоятельство, необходимое для общих заключений, а именно, значение для пропаганды живого слова, которого ничто не может заменить. Это вытекает из необходимости того сочувствия, того знакомства с настроением и чувствами на местах, того ощущения биения пульса, о которых уже выше не раз говорилось. Только живое незаученное и непредвзятое слово может найти наверняка ту восприимчивость, которая нужна для пропаганды. Все остальные способы могут только усиливать и повторять.

Этими деятелями могут быть: *1) особые агенты пропаганды, 2) личный пример начальника, 3) участие в пропаганде красноармейских масс и товарищества, 4) окружающая обстановка, 5) внешнее воздействие.*

Все эти элементы, кроме первого, являются, как известно, одновременно деятелями (факторами) воспитания, откуда и следует их значение.

Агентами пропаганды могут быть или политработники или командный состав, причем, как те, так и другие, должны вести одну и ту-же военно-политическую пропаганду, выполняя, быть может, лишь разные части одной и той-же программы, но даже и такое разделение не всегда возможно.

Значение личного примера понятно само собой. Этот способ несомненно должен быть первым, главнейшим и обязательным. Как в боях многое держалось преимущественно примерами командного состава и политработников, так и в подготовке мирного времени главная тяжесть остается на них.

Привлечение к активному участию в пропаганде красноармейских масс и товарищества—это бесспорно один из этапов успешной пропаганды, который дает не только восприимчивость, но уже отзвук и более обеспеченное сочувствие. Таким способом пропаганда не только глубже проникает в массы, но воля массы начинает работать

в определенном направлении. Могут сказать, что такое активное участие масс в пропаганде требует основательной подготовки и организации, но это верно лишь, например, для таких ее видов, как коллективная, импровизированная театральная обстановка, занятие некоторыми видами спорта, доклады по военным вопросам с оппонентами и т. п. Но во многих случаях особой организации не потребуется: достаточно ясных требований, что именно должны распространять и чему противодействовать участники пропаганды. Таким способом можно, например, бороться со сквернословием, неряшеством, халатностью, небрежностью и усиливать точность, исполнительность, мужество и т. п. Товарищеское воздействие несомненно играет в этих случаях очень большую роль. Одновременно будет вырабатываться настоящее товарищество и спайка, вместо случайной группировки по личным отношениям. Наконец, таким способом можно облегчить слишком большую работу командного состава и комиссаров.

Дисциплинирующее и воспитательное значение окружающей обстановки особенно велико именно для мирного времени, когда люди не только исполняют службу, но и живут. Обстановка складывается во-первых, из людей, командного состава и товарищей, во-вторых, из помещения, пищи, одежды, и т. п., в третьих, из всего распорядка и уклада службы и жизни.

Все вместе взятое может создавать порядок и беспорядок, удобство и неудобство, закалять или распускать, развивать или притуплять, быть привлекательным или непривлекательным.

Военная пропаганда должна быть направлена, конечно, на усиление положительных и ослабление отрицательных сторон; большая часть работы будет лежать вне пределов военной пропаганды, но и во внутреннем укладе войсковой службы и работы остается еще много сделать, чтобы, по крайней мере, не уничтожалось и не портилось то, что есть, и была бы забота устроить, как можно лучше жизнь и работу для себя и для других, не смотреть на свою казарму или стоянку, как на постоялый двор и т. п.

Внешнее воздействие может быть со стороны семьи и дома, а также со стороны местных учреждений, с которыми приходится иметь дело красноармейцам, и со стороны населения.

Военная пропаганда должна проникать во все эти условия жизни, а иногда и службы (например: караульной или службы посыльных), чтобы всюду создавать по возможности наиболее благоприятные условия для своего развития или противодействовать вредным влияниям.

Организация и условия успешности военной пропаганды.

Общее заключение. Для организации военной пропаганды прежде всего необходимо установить центральные органы при штабах фронтов, округах и дивизиях, чтобы пропаганда развивалась по одной и той же программе и по одному плану.

На такие центральные органы надо возложить: составление указанных программ и планов, инструктирование комсостава и комиссаров, соответствующую издательскую деятельность, ходатайства о пособиях, выдачу премий и призов за разного рода состязания и т. п.

При штабе фронта мог бы образоваться подобный орган, если бы был более сильный орган по надзору за обучением войск в виде, например, об'единенной инспекции для всех родов войск.

За отсутствием такого органа можно образовать временные комиссии из ответственных работников политического и командного состава или возложить работу на политотделы, и привлечением военных специалистов, пользуясь уже готовыми аппаратами и значительной долей опыта.

Так предположено сделать по постановлению фронтового совещания ответственных работников политического и командного состава Западного фронта.

Так, или иначе, к общей работе должны быть привлечены инспекции, различного рода курсы и военно-учебные заведения.

В войсках, военная пропаганда должна итти прямо по строевой линии.

Программы и планы занятий должны до возможной степени распределить работу между командным составом и политическими работниками, но как командный состав должен быть вовлечен в политико-просветительную работу, так и политический состав должен быть хорошо ознакомлен с военными вопросами.

Дальнейшие подробности могли бы установить проэктируемые центральные и руководящие органы, которые должны проявить широкую инициативу.

В условиях, которые могли бы обеспечить успешность военной пропаганды, приходится, прежде всего, остановиться на войсковой организации и материальной стороне дела.

В старой армии был хронический недостаток командного да и вообще строевого состава при больших нарядах на службу. Отсюда постоянные жалобы ротных командиров, что у них „нет людей“. Можно с уверенностью сказать, что в этом обстоятельстве скрывалась одна из основных причин коренных недостатков нашей прежней боевой подготовки.

Другая причина той же слабой подготовки лежала в недостатке подготовки самого командного состава и его недостаточной обеспеченности.

Распространяться на эту тему в настоящей статье не приходится, но никто вероятно не решится утверждать, что подготовка красных офицеров выше, чем офицеров старой армии; между тем этого необходимо достигнуть.

Если не будет хорошо подготовленного командного состава, то не будет и военной пропаганды.

Чтобы иметь хороший командный состав нужно обеспечить как командиров, так и их семьи, избавить от хозяйственных забот, дать возможность воспитания детей, обеспечить будущее. До настоящего времени в этом направлении сделано еще слишком недостаточно. Равенство в военной службе может быть только в одинаковой доступности самых высоких должностей для каждого красноармейца и в устранении всяких различий, не вызываемых требованиями служебного положения. А затем уже дело идет по известному изречению: „плох тот солдат, который не хочет быть генералом“.

Во всяком случае не может быть терпимо такое положение, при котором даже и „генерал“ не хочет быть „генералом“, а предпочел бы быть „солдатом“.

Вопрос о материальном положении красноармейской массы с точки зрения военной пропаганды также имеет весьма важное и притом не только материальное, но и глубоко моральное значение.

При современных условиях нельзя смотреть на красноармейца иначе, как на члена общества („социальную дробь“) и гражданина Республики, который находится лишь при исполнении особых обязанностей. Это положение ограничивает его в некоторых очень существенных правах, в особенности серьезных в настоящих экономических условиях: в праве свободного приложения труда, и праве продажи носимого платья и обуви, в праве свободного выбора жительства и перемещения. Все эти утрачиваемые им права должны быть возмещены соответственным устройством его жилища, обеспечением другими предметами первой необходимости (пищей, одеждой), заботами об его семье и даже об его хозяйстве, чтобы оно не упало и не расстроилось. Надо пристально взглянуть на дело с этой простой и ясной точки зрения, чтобы понять, насколько невыгодные последствия могут иметь нарушение указанного равновесия, которое тотчас же создает то или другое бесправие, а затем может вызвать и преступление, если несознательный красноармеец сам начнет осуществлять свои утраченные права, уже не разбирая законности или незаконности путей.

А между тем в наше революционное время, с очень широкими взглядами на „революционную законность“ подобный выход из положения может представиться неразвитому красноармейцу вполне естественным.

Нужно ли говорить, что при нарушенном равновесии прав и обязанностей, положение военной пропаганды становится слишком невыгодным.

Но пойдем дальше и представим себе, что красноармеец стесненный в своих естественных правах и недостаточно обеспеченный, задумается над таким положением и увидит в нем недостаток общей заботы о нем, а также признак неважности того дела, исполнять которое он призван. Нужно ли особенно удивляться, если он начнет халатно относиться к своим обязанностям? Но наиболее трудные

условия для военной пропаганды могут сложиться, если красноармеец будет обставлен, одет и накормлен хуже, чем окрестное население. Тогда уже придется принимать особые меры, чтобы он не шел к этому населению, как говорится, за куском хлеба, который может обойтись в слишком дорогую цену.

Пропаганда может, конечно, и должна бороться с упадком настроения при временных затруднениях в устройстве красноармейцев и их снабжения, но хронический недостаток в этом направлении может обессилить даже и самую деятельную пропаганду.

По обстоятельствам текущего времени необходима не только текущая военная работа, но пропаганда военного дела.

Эта пропаганда имеет свои основные задачи за пределами армии и должна вестись в обще-республиканском масштабе, но военная пропаганда должна развиваться также и в самой армии.

Ее нельзя откладывать по каким-бы то ни было соображениям.

Для ведения ее должны об'единяться все силы, как политического, так и командного состава.

Деятели военной пропаганды должны иметь общее руководство и должны быть хорошо проинструктированы.

Одновременно с началом пропаганды, должны быть приняты все необходимые меры для обеспечения ее успешности с точки зрения организации армии и ее снабжения.

Настоящая статья представляет только попытку более или менее систематично изложить, в чем должна проявляться военная пропаганда в Красной Армии и куда она должна быть направлена, чтобы помочь разобраться в этом вопросе.

Но вопрос этот настолько нов и настолько сложен, что автор нисколько не претендует на безошибочность своих выводов.

Возможно, что вопрос покажется недостаточно разработанным. Возможно, что он поставлен слишком широко.

Главная цель статьи,—притти на помощь строевым работникам. Пусть они выскажутся и внесут свои ценные поправки. С этой целью и самая программа изложения была взята такая широкая.

Единая военная доктрина и Красная армия.

Под приведенным заглавием в первом номере нового журнала «Армия и революция», издаваемого штабом командующего всеми вооруженными силами на Украине, появилась статья тов. М. В. Фрунзе, заслуживающая самого серьезного внимания.

Как справедливо замечает тов. Фрунзе, мы действительно „до сих пор не только не имеем систематических учений о нашей военной доктрине, но и самое содержание понятия является в достаточной степени смутным и неопределенным".

Как говорит сам т. Фрунзе, на его статью надо смотреть только как на попытку поставить вопрос. Так же точно надо смотреть и на эту заметку, которая, вместе с тем, написана не для того, чтобы критиковать изложение т. Фрунзе по самому трудному, сложному из современных военных вопросов, но вызвать дальнейший обмен мнений.

Т. Фрунзе совершенно правильно исходит из положения, что военная доктрина—это общность взглядов, как на характер строительства вооруженных сил, так и на характер военных задач и способы их разрешения.

Не претендуя на безупречность, т. Фрунзе определяет военную доктрину, как—„*принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск, их вождение на основе господствующих взглядов в государстве, на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и определяемые уровнем развития производительных сил страны*".

Не отвлекаясь в сторону создания всеобщей военной доктрины, как военно-философского учения (по примеру Клаузевица, Блюма, Леера), т. Фрунзе ставит перед собой задачу практического разрешения вопроса о военной докрине именно для нашей Рабоче-Крестьянской Красной армии. Он подходит к ней через обстоятельный краткий разбор сущности военных докгрин трех государств с ярко выраженными чертами военной идеологии (которая есть та же военная

доктрина)—Германии, Франции и Англии, приходя таким путем к выводам, что:

1) Военное дело данного государства целиком определяется общими условиями его жизни.

2) Характер военной доктрины определяется характером общей политической линии господствующего общественного класса.

3) Жизненность этой доктрины заключается в ее строгом соответствии с общими целями государства и его материальными и духовными рессурсами.

4) Разработка доктрины состоит не в ее изобретении, но в отыскании ее элементов, уже данных в окружающей среде, для сводки их в систему и приведения в соответствие с основными положениями военной науки и требованиями военного искусства.

5) Собразуясь с этим, основной задачей должно быть изучение окружающей нас общественной среды, определение задач, вытекающих из существа государства и материальных и духовных условий, обеспечивающих их исполнение, изучение особенностей строительства Красной армии и ее методов борьбы и согласование этих особенностей с требованиями военной науки и военного искусства.

Эти положения т. Фрунзе, при всей их основательности, можно однако принять лишь с некоторыми оговорками, которые сделаются понятными, если ближе познакомиться с его изложением доктрины иностранных государств, в особенности Германии, в которое, как нам кажется, надо также внести некоторые поправки.

Военную доктрину Германии т. Фрунзе выводит из захватной политики ее правящего буржуазного класса, в борьбе за мировое экономическое положение с другими странами—конкурентами; отсюда эта доктрина, созданная в атмосфере всеобщего преклонения перед армией и флотом, на основе активнейшей внешней политики, имеет чрезвычайно ярко выраженный наступательный дух, стремление навязать свою волю противнику, не считаясь с его волей. Смелое и неуклонное наступление,—по выражению т. Фрунзе,—проникает во все германские уставы и наставления для высших начальников.

Военная доктрина Франции,—по определению т. Фрунзе, сложилась под воздействием менее развитой промышленности и остановки в приросте населения, что вынуждало французский капитал, вместо открытого захвата чужих территорий, искать более спокойным путем эксплоатации чужого труда, идя на сделки всякого рода с иностранным капиталом; отсюда—неуверенный характер французской военной политики,—стремление разгадать план противника, занять выжидательное положение и, лишь по выяснении обстановки, искать решения в наступлении. Таким образом, как говорит т. Фрунзе, французская доктрина, несмотря на богатейшие военные традиции, начиная с Тюренни и кончая Наполеоном, далеко уступала германской.

Военная доктрина Англии выразилась в краткой формуле господства на море, на мировых путях.

В этом изложении, в видах строгой об'ективности, необходимой при разборе таких важных вопросов, следует отметить то некоторое несоответствие, что признавая зависимость военной доктрины от всей жизни государства, т. Фрунзе в изложении отдельных доктрин выдвигает только воздействие правящих классов, т. е. буржуазии.

Об'ективно рассуждая, захватная политика Германии диктовалась, несомненно, большим приростом населения, чрезвычайной напряженностью труда, быстрым ростом промышленности и, добавим еще,—малоземельем, которое уже слишком трудно было покрывать дальнейшею интенсивностью труда. Правящие классы воспользовались этими условиями, но ими же обусловливается и то, что им удалось сделать.

Во Франции были другие условия, т. е. другие массовые побуждения и другие средства, а потому и политика была иная.

Здесь нам хотелось бы подчеркнуть именно значение массовых средств и побуждений данной страны, кроме политики правящих классов, о которых, впрочем, говорит и сам т. Фрунзе в п. 3 вышеприведенных тезисов.

Затем, казалось бы, надо провести все же некоторую грань между военно-политическими и собственно стратегическими принципами. Политика может быть ярко наступательная, но это еще не значит, что и стратегия должна быть ярко и безусловно наступательной.

Чтобы подтвердить, что даже и германские военные авторитеты не решались на такое безусловное наступление, достаточно сослаться на подлинную германскую военную доктрину, выраженную в „Основах высшего командования" (Grundzüge der höheren gruppenführung), которая имеется в русском переводе, изд. 1912 года бывш. Варшавского военного округа.

Эти основы впервые были изложены творцом германской стратегии Мольтке, а затем в дополненном и исправленном виде были розданы лично императором Вильгельмом на новогоднем приеме корпусных командиров 1-го января 1910 года.

Содержание основ составляют общие положения, управление войсками, боевая организация полевой армии, связь штабов с войсками, отдача приказаний, разведка и охранение, марши, расположение по квартирам и бивак, продовольствие и боевые припасы, санитарная служба, железные дороги и водные пути, охрана границ, крепости.

Вот главнейшие принципы общих положений, с которых начинаются основы и которые, в видах об'ективности, приводятся ниже, придерживаясь редакции германского подлинника.

1) Среди неизвестности (которой отличается обстановка на войне) по меньшей мере, вполне определенно одно—это собственное решение; простое решение, последовательно приводимое в исполнение, вернее всего ведет к успеху.

2) Принципы стратегии мало превосходят первоначальные понятия здравомыслящего человека; вся ценность их в применении. Это значит правильным чутьем понять обстановку и привести в исполне-

ние наиболее простое и естественное решение с твердостью и предусмотрительностью.

3) Оставаться, насколько возможно долго, врозь во время операции и своевременно сосредоточиваться для ее решения; в этом искусство вождения больших масс.

Для боя должны быть сосредоточены все войска, откуда бы их ни пришлось стягивать.

4) Победа или решение боя оружием всего важнее. Не занятие территории или укрепленного пункта, а одно лишь уничтожение боевых сил противника является решающим на войне. В этом главнейшая цель операции. Плоды победы пожинаются лишь преследованием.

5) Характер современного ведения войны отличается стремлением к более полному и быстрому решению. Призыв всех способных носить оружие, трудности продовольствия, расходы, нарушение экономической жизни, все заставляет быстро кончить войну.

6) Только право и готовность начальников всех степеней—к самостоятельным действиям дают возможность даже при тяжести движения больших масс действовать единодушно.

7) Залогом исполнения предначертаний начальника служит военная дисциплина. Если же при трудностях походной жизни и будут кое какие отступления от парадной выправки, то это должно делаться согласно приказания или разрешения начальника. Неустойчивость дисциплины распространяется как зараза. Поддержание дисциплины—это благодеяние для всех.

8) Сохранение с самого начала единства действий в операциях должно иметь решающее значение.

9) Не следует расчитывать, что в будущей войне мы можем быть в превосходных силах и лучше вооруженными, чем наши противники. Только превосходное управление и хорошие качества войск и материальной части могут обеспечить нам победу.

10) Задачи и способы управления большими и малыми отрядами представляют значительные отличия. Пространство и время для малых отрядов имеют иное значение, чем для больших (т. е. для малых не требуется много пространства и времени); подвижность же и личное воздействие начальника имеют большее, а местность—решающее значение в малых отрядах.

11) Там, где не имеется точного приказания о предстоящей задаче, нельзя вообще в годной на все случаи форме дать ответ: следует ли вести оборонительный бой или наступательный? В одном только не может быть сомнения: раз желают атаковать, то это должно быть решительно приведено в исполнение.

12) Если обстановка не ясна, как это часто и бывает на войне, то всегда предпочтительнее действовать активно и обеспечить себе свободу действий, чем ожидать указаний противника.

13) Преимущества наступления известны. Оно предписывает противнику образ действий, за него—все моральные факторы и оно яв-

ляется единственным средством действительного поражения противника. Благодаря усовершенствованию огнестрельного оружия, стало гораздо труднее вести наступление. Однако же дисциплина, высокая подготовка наших войск, а также привычка частных начальников к самостоятельным действиям дают нам право расчитывать на успех. Твердая уверенность в этом, вера в моральное превосходство наступления, правильная оценка значения огнестрельного оружия также и для наступающего, желание победить—преодолеют трудности.

14) Оборона находится в неизвестности о намерениях противника, должна изыскивать способы парировать его действия. Поддержку себе в этом отношении она найдет в разведывательной службе.

15) Раз возможно занять позицию, которую противник по военным, политическим, или другим соображениям будет, вероятно, атаковать, то можно посоветовать в этом случае сначала использовать преимущества обороны и только потом переходить в наступление. При этом следует однако взвесить, не сопряжена ли даже столь непродолжительная отсрочка с невыгодами, которые сведут на-нет выгоды тактической обороны.

16) Чисто оборонительный образ действий не может быть рекомендован даже и тогда, когда не имеется средств для общего наступления. Следует всегда предпочитать комбинирование обоих форм сражения. Только гибкостью в деле ведения войны можно надеяться оказать более продолжительное сопротивление превосходному в силах противнику.

Здесь умышленно приведено цельное, хотя и краткое изложение германской военной доктрины, чтобы читатели могли судить об ее общем характере, а также о месте и значении некоторых отдельных принципов.

Как видно, основными принципами могли бы считаться: решимость, сосредоточение всех сил для боя, быстрота, инициатива, дисциплина, единство действий, превосходное качество войск и материальной части, активность, преимущества наступления, невыгоды обороны, необходимость комбинированных действий.

Если вдуматься в общую совокупность этих принципов, то, пожалуй, на первое место выдвинется только один из них: отличная подготовка армии и превосходное командование.

За ним всюду в „основах высшего командования" просвечивает другой,—особенность управления массовыми (миллионными) армиями.

Все остальные, как решимость, инициатива, активность, наступательный дух, а также указания о том, чтобы ходить врозь и драться вместе и т. п. выводятся из этих двух основных начал.

Принцип наступательных действий занимает видное место (да, иначе и не могло бы быть), но не исключительное.

Напротив, успех наступления обусловлен целым рядом требований. Оборона не только не исключается, но даже определенно гово-

рится о выгодах тактической обороны. Лишь вместо „чистой“ обороны рекомендуется комбинированный способ действий.

Единственное место в изложенной выше германской доктрине может, действительно, оправдать вывод о ее преимущественно наступательных началах или наклонностях (тенденциях). Это—пункт 5-й, о том, что характер современной войны требует полного и быстрого решения. Его содержание уточняется другим местом в „Основах“, а именно:

„Надо сказать, что столкновение армий, о силе которых не имела понятия прежняя военная история, должно последовать очень скоро после окончания их сосредоточения. Результат его будет иметь решающее значение на ход всей войны“.

Но надо обратить внимание, что требование быстрых решений обусловлено вовсе не военными, а политическими и экономическими соображениями.

Именно в этом пункте проходит упомянутая выше, незаметная на первый взгляд, граница между политическими и стратегическими принципами.

Политика ставит стратегии определенвые задачи и некоторые условия исполнения.

Это верно.

Но стратегия имеет свои способы исполнения, свои средства и соответственно—свои, не политические, а стратегические задачи. Важнейшая из них, армия противника, его живая сила, иногда—крепости, административные центры, оборонительные линии. Если политика начинает указывать эти стратегические цели, она легко впадает в ошибку и может поставить стратегию в очень трудное положение.

Это тоже один из принципов, который должен входить в военную доктрину.

В связи с известными уже в общих чертах политическими задачами, военная доктрина может наметить общие или ближайшие способы исполнения.

Такова английская доктрина: искать вообще решения на море.

Такова и германская, которая определенно имеет ввиду развернуть сразу вооруженные силы до наибольшего напряжения и начать с нападения, чтобы использовать превосходство своей армии и быстроту ее готовности. План войны Мольтке в 1870 году сводился к короткой формуле: отыскать и разбить противника. Тоже и в 1914 г.

Но дальше этого вступления германская доктрина не шла, определенно расчитывая на решительный бой, за который не могут простираться никакие решения до его исхода.

В дальнейшем она в одинаковой мере предвидит как наступательные, так и оборонительные бои. Она знает невыгоду оборонительных боев, и, именно, для своей превосходной армии, особенно пригодной к тому, чтобы использовать время, но она признает их не-

обходимость и целесообразность даже для себя, при известной обстановке.

Если бросить самый общий взгляд на последнюю мировую войну, то мы увидим, что Германия так именно и действовала: она произвела колоссальный и стремительный удар в одном направлении где расчитывала добиться скорой и решительной развязки, но на другом она оборонялась.

Эта оборона, на нашем фронте, была активной. Как известно, Гинденбург оставил наступать на армию Ренненкампфа и обрушился на Самсонова,—потом опять на Ренненкампфа. Но это не было только наступление во чтобы то ни стало; это были «комбинированные» действия, о которых говорится в п. 16-м нашего изложения германской доктрины. Несколько позднее германцы отошли за линию озер и эвакуировали всю пограничную полосу Восточной Пруссии, до последнего человека, перейдя к «чистой обороне».

Наконец, вся позиционная война была ничто иное, как оборона до перехода в наступление или «чистая» оборона.

Из этих рассуждений можно, казалось бы, сделать вывод, что как «вообще наступательной», так и «вообще оборонительной» военной доктрины быть не может.

Возможно, что т. Фрунзе вовсе не хочет сделать такого вывода, но иной читатель, пожалуй, может его сделать из краткого обзора иностранных военных доктрин, на которых останавливается тов. Фрунзе.

Отметим также проскользнувшее у т. Фрунзе утверждение, что французская доктрина далеко уступала германской.

Во-первых—это фактически неверно, так как германская доктрина в своем основном пункте (быстрого решения) оказалась побежденной; во-вторых—надо сравнивать военные доктрины различных стран только по степени соответствия их с задачами и средствами своих стран. В этом смысле французская доктрина была, вероятно, не хуже германской.

Обратимся теперь к наиболее важной и интересной части его исследования, которая касается доктрины нашей Рабоче-Крестьянской Армии.

Автор, совершенно правильно, стремится вывести ее из особенности нашей страны и государственного строя.

Первый вывод, который он делает из особенности этого строя, отмечает вызов, создаваемый этим строем всему буржуазному миру, это—необходимость всенародного сознания неизбежности и важности военных задач, сознание положения страны в положении осажденной крепости.

Отсюда, по мнению т. Фрунзе следуют: необходимость расширения и углубления военно-политической пропаганды и приобщения к красноармейской массе командного состава, чтобы покончить со всеми остатками политической раз'единенности.

Казалось бы к этому выводу надо добавить еще один—постоянной боевой готовности Красной Армии, которая уже по этой одной причине не может носить характера милиции, но должна быть постоянной армией, как об этом говорит и т. Фрунзе в конце статьи.

Что же касается до командного состава, то, казалось бы, надо также принять меры к скорейшему росту командного состава из самой красноармейской среды.

Вслед за этим т. Фрунзе переходит к вопросу о характере военных задач, могущих встать перед Красной Армией, т. е., должны ли они быть строго оборонительного характера, или Красная Армия должна быть готова в случае нужды к переходу в наступление?.

Т. Фрунзе дает утвердительный ответ, дополняя его пояснением, что с одной стороны, политика рабочего класса стремящегося к завоеванию всего буржуазного мира, не может не быть активной, с другой стороны—возможно, что считаясь только с рессурсами своей страны, активно-революционная энергия рабочего класса в течение некоторого времени не будет направлена на достижение целей внешнего порядка.

В этом пояснении политика снова ничем не отделена от стратегии, а потому остается впечатление, что при активной политике стратегия должна быть всегда наступательной а при „достижении цели внутреннего порядка",—оборонительной. Между тем такое заключение, как об'яснено выше, было бы неверным. Затем, не развивая указанного общего положения в конкретных предложениях, т. Фрунзе выводит из него „необходимость воспитывать нашу Армию в духе величайшей активности, подготовлять ее к завершению задач Революции путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций".

В этих словах требование подготовки Красной Армии к наступательным операциям еще не выражено категорически, но как-то осторожно проведено через задачи Революции, но из последующих строк можно, пожалуй, заключить, что сам т. Фрунзе склоняется именно к такому мнению.

Он говорит, что по существу Красная Армия давно уже действует именно в этом духе, в духе активности и инициативы. „Порой,—говорит он,—эта активность переливалась у нас через край, гранича с неумением учесть данные конкретной обстановки и не подвергнуться опасности чрезмерного риска". Но, заканчивает он, „все это совершенно естественно, ибо в армии, создаваемой и руководимой пролетариатом, иного настроения, кроме активного и быть не могло".

Может быть, мы ошибаемся в предположении, что этими словами указывается подготовка к наступательным операциям, как одно из главных начал военной доктрины Красной Армии, но тем более они нуждаются в пояснении.

Если отсюда надо сделать вывод, что армия должна подготовляться в духе активности и инициативы, то с этим нельзя не согла-

ситься. Но если требуется подготовка к наступательным и только к наступательным операциям, то такое требование не может быть принято безусловно. Активность, инициатива и наступление—понятия близкие, но не тождественные. Можно проявлять очень широкую активность и инициативу и все же не вести наступательной войны и не только стратегически, но даже тактически обороняться и даже отступать, завлекая противника в приготовленную ловушку.

Можно основывать подготовку войск на готовности к наступлению и, в то же время, не включать в военную доктрину наступательных стремлений в слишком безусловной форме.

Чем сильнее армия в количественном отношении, чем лучше она подготовлена, вооружена и снабжена, тем шире и безусловнее могут быть эти стремления, тем проще могут быть стратегические и тактические задачи.

Суворов основывал свое требование „ничего кроме наступательного" на высокой подготовке войск во всех тогдашних отношениях.

То же сделали и немцы в своей доктрине.

В этих строках нет никакого намерения приписывать т. Фрунзе включение в доктрину безусловное, или как у нас принято говорить, беззаветное наступление, но надо с достаточной силой обрушиться именно на подобную „доктрину", которую надо назвать самым опасным доктринерством, создавшим уже в Красной Армии очень вредный шаблон—решения всех задач наступлением без оглядки, не считаясь ни с сущностью задачи, ни с обстановкой. Хуже того: безотчетное наступление, без настоящей инициативы, уже не раз обращалось в Красной Армии в движение на поводке у противника, и с такой скоростью, какая ему желательна.

О том, какими условиями может быть обставлено наступление, уже было говорено выше, но всего опаснее также и эти условия выставлять слишком безусловно. Иногда наступление может потребоваться даже, казалось бы, вопреки основной задачи. Например, для арриергарда—при необходимости во что бы то ни стало задержать противника, хотя-бы ценой собственной гибели, когда нет подходящих условий для упорной обороны.

Лучше одновременно с требованиями подготовки войск к смелым и решительным наступательным действиям, провести в военной доктрине, как требование упорной обороны, которой недостает в Красной Армии, так и требований преднамеренно—отступательных действий.

На последних стоит несколько остановить внимание, ввиду противоречия взглядов, которые были по этому вопросу в старой армии и до сих пор продолжают существовать.

В нашей старой армии было много противников такого образа действий, между тем его надо считать особенно свойственным не русским войскам, но русской военной доктрине, основанной на тесной связи с особенностями нашей страны и ее состоянием. Обширные пространства, болота и леса, недостаток дорог и грязь, которую На-

полеон называл в России „пятой стихией“, создают, как давно известно, трудные условия для наступления значительных сил. Этими обстоятельствами, между прочим в связи с противоположными условиями на Западе, об'ясняется нападение главных германских сил в минувшей мировой войне не на нас, а на Францию.

В военной истории России было достаточно достопамятных примеров, в которых действия русской армии, уступающей числом и подготовкой неприятельской, были направлены на то, чтобы подставить ему пространство и бездорожье, утомить маршами, расстроить транспорт и пополнение армии с целью перехода в наступление. Достаточно вспомнить войну 1812 года.

В последнюю мировую войну нас учили уже такому способу немцы в Восточной Пруссии. Но и Красная Армия уже имела такой опыт в войне с Польшей, но, к сожалению, им воспользовался именно противник.

Особенность применения этого способа в современных войнах заключается в том, что ему можно придать еще большую преднамеренность, чем прежде. Можно, до известной степени, создать благоприятную для него обстановку даже там, где недостает необходимых естественных условий. Это достигается разрушением железных дорог и полной эвакуацией всех средств страны, как сделали немцы в Восточной Пруссии.

Такой способ как будто несовместим с тенденциями быстрого и решительного наступления, но, как известно, по старой французской пословице: противоположности сходятся. Немцы с'умели совместить. Теперь им остается только внести некоторые редакционные поправки в свою военную доктрину.

Но нам в нашу доктрину следует сразу включить более широкие размахи.

Если попробовать задать себе задачу, выразить самой короткой формулой сущность стратегии, которой должна держаться Красная Армия, то я предложил бы назвать ее стратегией—упругой, как пружина. Представим себе очень упругую пружину, которую надо согнуть, чтобы добраться до ее точки опоры. Она далеко отбросит слабую попытку нажима, согнется под сильным, но в состоянии также отбросить и этого сильного, если он окажется недостаточно сильным, чтобы ее сдержать.

Вот почти все соображения, которые нам хотелось высказать по поводу интересной статьи тов. Фрунзе.

Мы вернемся еще к этой теме в специальной статье, чтобы развить изложенные соображения до еще более конкретных предложений, но пока считаем необходимым указать на два, казалось бы, особенно важных пункта именно: для красноармейской доктрины, которых

т. Фрунзе мало или вовсе не касается. Это во-первых—некоторые особенности классовой войны, в широком масштабе, во-вторых—некоторые особенности стратегических и даже тактических положений (обстановки) вытекающие из первых.

Мы не будем останавливаться на всех особенностях классовой войны, которые изложены, например, в брошюре т. Тухачевского „Стратегия классовая и национальная".

Напомним такие, как: сложность переплетающихся операционных направлений и иногда вынужденная разброска сил, „жизненные" и „мертвящие центры", возможность полной смены театров войны (в зависимости от политического состояния), более частая возможность найти в ближнем тылу даже пополнение и, таким способом, приблизить тыл.

Нам могут указать, что некоторые из них, например, последнее,—можно встретить также и в национальных войнах, с указанием на наполеоновскую эпоху. Но при этом упускают из вида, что наполеоновские войны не были вполне национальными. В основе их лежала тоже классовая борьба: французы находили себе союзников в „третьем сословии". Завоевания Наполеона сопровождались изменением политического строя.

Из условий обстановки, вызываемых классовой войной, надо в особенности оттенить значение принципа: противник со всех сторон. Между прочим, этот важнейший принцип до сих пор совершенно упускается из вида при подготовке Красной Армии.

Все особые принципы действий малых отрядов, на которых бегло останавливается германская доктрина, имеют также для Красной Армии особенно важное значение.

Наконец, из области действий больших отрядов для классовой войны очень типичны случаи, когда, выражаясь стратегическими терминами, база оказывается на фланге при себе или впереди, что также вызывает особые выводы для приемов действий.

Трудно согласиться с т. Фрунзе, что инженерная атака и оборона отошли для нас на задний план. Возведение сплошных укрепленных линий действительно маловероятно и крайне затруднилось. Но укрепленные тет-де-поны и лагерь (вроде Плевны) могут сыграть видную роль.

Атаку неприятельских крепостей также не всегда можно будет миновать.

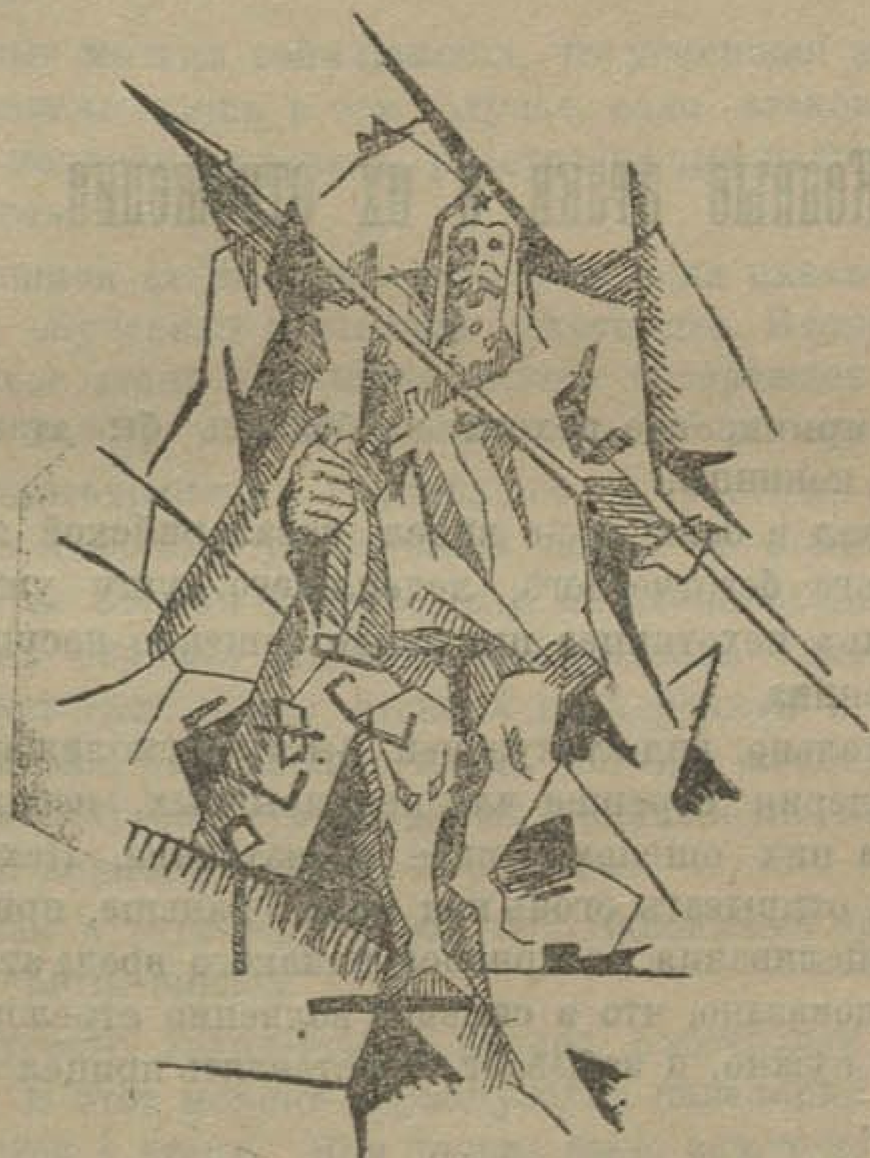
Волее подробное изложение этих вопросов отложим до другого раза.

В заключениях, возвращаясь к изложению т. Фрунзе, остановимся еще на одном чисто редакционном замечании.

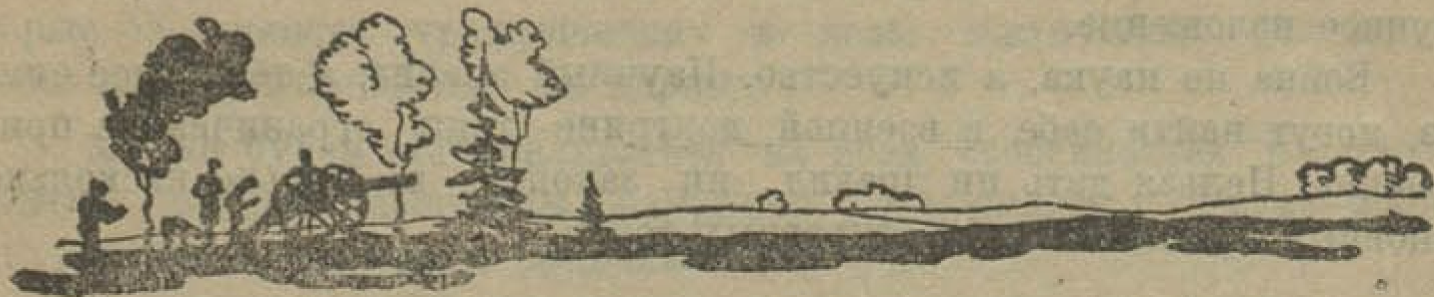
Давая определение „единой военной доктрины", т. Фрунзе называет ее „учением".

Вернее назвать ее сводкой принципов, об'единяющей взгляды. Слово „учение" предполагает слишком точное и, пожалуй, слишком научное изложение.

Война не наука, а искусство. Научный анализ, а тем более синтез, могут найти себе в военной доктрине лишь ограниченное применение. Нельзя дать ни правил, ни законов, но только несколько основных принципов или отправных точек.

В. Латынин.

Конные атаки и их отражение.

I.

Нет такой армии, где пехота не боялась бы атаки и налетов неприятельской конницы.

Кто не бывал в боях и не видел кавалерийской атаки, тот не может понять того безотчетного, леденящего душу ужаса, который охватывает сердца пехотинцев при виде бешенно несущейся на них конницы противника.

И действительно, вид атакующей, быстро приближающейся грозной массы кавалерии страшен для непривычных, неопытных солдат и производит на них ошеломляющее впечатление. Пехотинцы начинают суетиться, открывать огонь как можно раньше, причем стреляют наугад, без прицеливания, не принося никакого вреда атакующей коннице. (Опытом доказано, что в сильном волнении стрелок всегда стреляет выше, чем нужно, и забывает переставлять прицел по мере приближения цели).

Преждевременное открытие огня пехотой и отсутствие его дисциплины настолько уменьшают поражение, что атака конницы сулит для последней несомненный успех...

Видя, что огонь не останавливает несущуюся вперед конницу, пехота начинает волноваться все больше и больше и, наконец, не выдерживает—бежит... Этот момент только и ожидается конницей: бегущая нестройная масса пехоты—это легкая добыча лихой кавалерии. Опьяненная безудержной атакой, ободренная видом убегающих в панике пехотинцев, конница безнаказанно рубит направо и налево обезумевших людей, не оказывающих ни малейшего сопротивления атакующим.

При конной атаке пехота всегда испытывает непреодолимый преувеличенный страх. Этот страх усиливается еще одним обстоятельством. Как известно, лошади вообще сильно сопротивляются ранам и во время атаки падают только пораженные в голову или сердце, или

получившие раздробление костей ног. Остальные лошади, часто по несколько раз раненые даже смертельно, в пылу стремительного бега порывисто несутся всей массой вперед со всадниками и без них. Издали этот видимый недостаток потерь производит впечатление, что огонь пехоты безрезультатен, и это обстоятельство дезорганизует пехоту до такой степени, что большая часть пуль, как уже сказано, летит выше и начинается лихорадочная безтолковая стрельба; в решительную же минуту часто пехота бросает оружие и просит пощады. или обращается в беспорядочное бегство, которое для нее является верной гибелью.

Однако, опыт многих войн показал, что успешная атака конницы на пехоту возможна лишь в том случае, если атакованная пехота плохо обучена, недисциплирована, расстроена предыдущими боями и панически настроена.

Картина конной атаки резко меняется, если кавалерия наскакивает на хорошо обученных и стойких пехотинцев. В этом случае чуть не в самом начале атаки кавалерия быстро соображает с каким противником имеет дело и сплошь и рядом не доводит атаки до конца...

Чувство самосохранения, граничащее с чувством страха, заставляет всадников невольно укорачивать повод, и столкновение происходит или на не полном карьере, или не всеми всадниками. Чаще же всего в таких случаях атакующая кавалерия колеблется, расстраивается и „дает тыл“ перед стойкой и уверенной в себе пехотой. Задержка, остановка, осаживание назад, поворот коней, общая сумятица и растерянность вовсе упраздняют столкновение с пехотой, обращая атакующую конницу в быстрое бегство...

По разсказам в 1812 году в бою под Бородиным произошел следующий характерный эпизод.

Один из русских гвардейских полков, расстреляв все патроны, начал отходить. В этот момент французская кавалерия бросилась за отходящей пехотой в атаку... Как только было замечено угрожающее движение неприятельской кавалерии, командир пехотного полка быстро построил карре и приказал изготовиться к стрельбе по атакующей коннице...

Безмолвно, стеной стояли наши пехотинцы, вставив приклады в плечо и как-бы застыв на месте в ожидании своей участи...

Вид стройной, дисциплинированной массы солдат, спокойно встречающих смерть и, казалось, столь уверенных в своей непобедимости, настолько поразил французскую конницу, что она, не достигнув 200—300 шагов до цели, замешалась, затопталась на месте и затем, по почину отдельных всадников повернув обратно, в панике отступила к своим...

Атакующая кавалерия на этот раз была не в состоянии выдержать сильного впечатления от внушительного стройного вида молчаливо—грозной пехоты, как бы застывшей на месте и ежесекундно грозившей сотнями смертей приближающемуся противнику. Француз-

ским кавалеристам и в голову не пришло, что атакованная русская пехота не имела ни одного патрона.

Такова сила морального воздействия стройной, дисциплинированной, выдержанной пехоты на атакующую конницу!

II.

Сила морального воздействия как конницы на пехоту, так, и наоборот, увеличивается или уменьшается в зависимости от предшествовавших успехов или неудач. Потрясенная неудачами пехота, бежит при виде нескольких неприятельских всадников; побитая хотя однажды пехотой, кавалерия в другой раз смело в атаку не идет...

Кроме подавленного нравственного состояния, вызванного предшествовавшими неудачными боями, крайне гибельно влияет на исход столкновения пехоты с конницей полная неожиданность, внезапность появления атакующей конницы...

Насколько силен страх, внушаемый пехотинцам внезапно появляющейся конницей, показывает следующий эпизод из русско-японской войны.

25 февраля (10 марта) 1905 года войска I армии, с артиллерией и обозами, отходили от Мукдена в северном направлении вдоль железной дороги. Войска отступали толпой, без всякого строя, вперемежку с санитарными и полковыми обозами, дивизионными транспортами, легкими и мортирными батареями. К западу от железной дороги слышались близкие орудийные выстрелы и ружейная трескотня... Настроение солдатской массы было тревожное, нервное...

Когда день клонился уже к вечеру, в районе ст. Хушитай с западной стороны послышалась близкая ружейная пальба и, казалось, над головами отступавших прожужжало несколько пуль... В это время кто-то громко крикнул: „японская кавалерия"!.. Слова эти как эхо были подхвачены другими солдатами и мгновенно произвели страшный переполох среди отступающей живой массы. Испуганно озираясь по сторонам, солдаты бросились бежать. Местами офицеры закричали; „стой!.. что вы делаете?.." Словами и жестами они хотели задержать бегущую массу на месте. Но напрасно: никто из солдат их не слушал. Повторяя слова офицеров: „стой, стой", солдаты продолжали в панике бежать, сбрасывая с себя излишние вещи; некоторые же бросали даже винтовки. Обозные и артиллеристы с остервенением стегали лошадей, которые безудержно понеслись галопом.

Поднялся невообразимый шум, крик, давка... Часть солдат была сбита с ног батарейными лошадьми и попала под колеса орудий и зарядных ящиков. Послышались стоны и проклятия смятых и раздавленных. Некоторые повозки и орудия попадали в канавы и ямы, и тогда солдаты быстро соскакивали с лошадей или повозок, с лихорадочной поспешностью обрезывали ножом постромки, садились снова на лошадей и галопом неслись дальше...

Мелкая пыль, поднявшаяся от движения густой массы лошадей, повозок и людей, буквально скрыла все вокруг на расстоянии нескольких десятков шагов...

А нестройная, обезумевшая толпа все бежала и бежала... Какая-то стихийная сила заставляла всех стремительно бежать вперед. Толпа не отдавала себе ясного отчета в происходящем вокруг: панически настроенная, она вся была под властью инстинкта самосохранения и, кто попытался бы приостановить ее стремительное движение вперед, тот был бы раздавлен на месте.

К довершению ужаса беглецов, впереди и справа от них также начали раздаваться ружейные выстрелы. Казалось, что толпа беглецов окружена японской кавалерией отовсюду...

Впоследствии выяснилось, что эта стрельба производилась своими же солдатами, повидимому, со страху, инстинктивно...

И только спустя полчаса толпа стала наконец немного успокаиваться и пошла шагом.

Никто из бежавших на этот раз не видел ни одного японского кавалериста, никто не видел раненых японскими пулями...

Панику, невообразимую суматоху произвел один только крик: „японская кавалерия"!

Подогретому предыдущими неудачными боями солдатскому воображению при словах: „японская кавалерия" живо нарисовалась картина действительной конной атаки и, дезорганизованная масса солдат, как один человек, в панике бросилась бежать, не давая себе отчета в происходящем...

Вспоминается мне другой характерный случай неожиданного нападения конницы на пехоту.

Это было в мае 1915 года в Галиции. 327 пех. Корсунский полк, после успешного отражения нескольких ожесточенных ночных атак немцев, был спешно направлен из района м. Соколов (юговосточнее г. Стрыя) к м. Жидачов. На пути к Жидачову, по выступлении с большого привала, командир полка получил от начальника дивизии полевую записку, из которой было видно, что вся 82 дивизия совершала фланговое движение в северном направлении и что 327 полк назначен левым боковым авангардом дивизии.

Стоял томительный жаркий день. Шоссейная дорога шла полем. Слева, параллельно шоссе, тянулся лес, то отступая от дороги, то приближаясь к ней на расстояние 1—1½ верст.

Колонна полка сильно растянулась. В голове колонны двигалась приданная полку казачья полусотня, следом за ней—весь полк с батареей и обозом 1-го разряда. По шоссе вперед на расстояние 1—1½ верст был выслан небольшой казачий раз'езд. Никаких боковых застав для обеспечения марша, никаких дозоров или раз'ездов для разведки выслано не было.

Как впоследствии выяснилось, командир полка не принял надлежащих мер охранения и разведки потому, что движение полка

совершалось под прикрытием наших войск на фронте и, следовательно, трудно было ожидать внезапного нападения противника на походе.

Такое легкомысленное и даже преступное отношение командира полка к требованиям устава полевой службы было вскоре строго наказано.

Около 2 часов дня со стороны леса совершенно неожиданно для всех раздалось несколько ружейных выстрелов. Пули прожужжали над самой колонной... Еще несколько секунд—и послышалась равномерная стрельба пулемета.

Весь отряд невольно остановился, люди растерялись и не знали, что делать. Некоторые солдаты, не ожидая команды, залегли. Послышались стоны раненых. Сам командир полка был ранен в руку.

Через минуту из-за опушки леса стройно вынеслась немецкая кавалерия, силою не менее одного эскадрона и, развернувшись в строй для атаки, бросилась на полк. За первым эскадроном показался другой...

При виде атакующей кавалерии всем отрядом тотчас же овладела страшная паника. В первую очередь галопом бросилась в сторону батарея, за нею побежали пехота и казаки. Полное смятение и беспорядок!.. Все смешалось в кучу, в беспорядочную толпу обезумевших людей.

Казалось, все погибло и отряд сделается легкой добычей немецкой кавалерии.

Но в момент, когда пехота бросилась от шоссе вправо, один из ротных командиров штабс-капитан Р. сумел взять в руки свою роту, быстро привел ее в относительный порядок, кое-как построив для встречи атакующей кавалерии, которая была уже почти в полверсте от шоссе. Из всей роты в руках штабс-капитана Р. оказалось приблизительно 50-60 человек, и с ними он твердо решил помериться с кавалерией...

Раздалась команда: «пли!»... Получился нестройный первый залп, град пуль с визгом и шипеньем понесся навстречу атакующей кавалерии. Видно было, как часть лошадей шарахнулась в сторону, часть упала и забарахталась на земле; два-три всадника мешком свалились с лошадей. В рядах кавалеристов произошло замешательство: они как будто задержались и затоптались на месте.. Второй залп, на этот раз уже более выдержанный (пехота почувствовала уверенность в себе)—и еще большее замешательство и потери, в результате чего первый эскадрон быстро повернул назад и в беспорядке скрылся в лесу.

Второй эскадрон, следовавший за первым в расстоянии около 400 шагов, также не выдержал огня и еще раньше первого повернулся и скрылся за опушкой леса.

Однако, немцы этим не ограничились. Не прошло несколько минут, как из-за опушки леса снова появилась кавалерия силою не менее эскадрона и крупной рысью направилась на роту.

Подпустив атакующего на $^1/_3$ версты, штабс-капитан Р. снова открыл залповый огонь. После первого залпа кавалерия быстро скрылась и больше не появлялась...

Вскоре часть разбежавшихся солдат была приведена в порядок и, рассыпавшись в цепь, завязала перестрелку с немцами (повидимому, с спешенными кавалеристами), занявшими опушку леса. Затем прибывшим на помощь казачьим полком немцы были прогнаны.

Потери в Корсунском полку оказались значительными: около 25% выбыло из строя убитыми, ранеными и без вести пропавшими, причем среди убитых оказалось много умерших от разрыва сердца...

В данном случае большую роль сыграл элемент неожиданности, внезапности. О нападении противника вовсе не думали, и это можно было видеть из того, что, как уже было сказано, почти никаких мер охранения и разведки не было принято.

Развитию паники в отряде способствовало то обстоятельство, что солдаты минувшей ночью только что вынесли ряд упорных ночных боев; сильно устали, изнервничались, ослабели физически и морально. К тому же (и это, быть может, самое главное) со стороны командного состава не было проявлено управления своими частями, умения держать людей в руках. Пример штабс-капитана Р. показывает, что даже при общей панике и растерянности, владеющий собой начальник всегда сумеет оказать отрезвляющее влияние на своих подчиненных и заставит их исполнить свой долг.

III.

Кажется, что кроме кавалерии нет другого рода оружия, относительно применения которого существовала-бы такая неустойчивость и неопределенность взглядов.

Усовершенствование огнестрельного оружия и развитие искусственных преград явились противовесом основному свойству конницы — подвижности, сильно затруднили ее действия и создали разногласия по вопросу о применении кавалерии на театре военных действий.

За последние десятилетия в военной литературе часто поднимался вопрос, может-ли иметь успех атака конницы на пехоту в нынешнее время при существовании скорострельных, метких, дальнобойных орудий, винтовок и пулеметов?

Некоторые военные писатели, занимавшиеся этим вопросом, в своих трудах решили его отрицательно и допускают успешные конные удары только против физически и морально потрясенной пехоты.

В особенности, русско-японская война способствовала появлению взглядов отрицательного свойства на значение кавалерии в современном бою.

В самом деле, в рядах русской армии тогда была многочисленная конница, по праву заслужившая громкую славу в прежних войнах. Казалось, русская армия в лице многочисленной, храброй и

хорошо обученной конницы имела свою сильную сторону в сравнении с японской армией и этой сильной стороной, казалось бы, должна была и пользоваться. Однако, последовавший ход операций на манчжурском театре военных действий показал слабость, неустойчивость и неподготовленность конницы к боевым действиям против пехоты.

Наша конница била японскую конницу, но каждый раз терпела неудачи в столкновениях с японской пехотой.

Знаменитые конные набеги генерала Мищенки также были проведены неумело, с забвением основных правил применения конницы в набегах, с непониманием условий боевых действий конницы вообще. Эти набеги Мищенки были не только бесполезны, но и вредны, так как, во-первых, причиняли лишние потери коннице, во-вторых, лишили конницу заслуженного ею в прежних войнах ореола славы и, в третьих, еще более подняли своими неудачами дух японской армии.

Не вдаваясь в детальное изучение причин неудачных действий нашей конницы в русско-японскую войну, замечу только, что неуспеху конницы в значительной степени способствовало то обстоятельство, что во главе наших кавалерийских частей стояли лица, мало соответствующие своему назначению. Как известно, от кавалерийского начальника требуются высокие качества: широкий военный кругозор и глазомер, уменье верно оценить обстановку, способность быстро решаться на самые смелые предприятия, инициатива, предприимчивость, находчивость, храбрость, граничащая с дерзостью и т. п. Но начальников с такими качествами у нас тогда повидимому не было, а если и были, то они не принимали участия в войне, оставаясь в России. Сам генерал Мищенко был только старым артиллеристом, и кавалерийской жилки, если можно так выразиться, в нем вовсе не замечалось.

Войны второй половины 19-го и начала 20-го столетий нам показали, что удары, производимые конницей на пехоту, бывают удачны и неудачны, в зависимости от многих, часто сложных условий и причин.

Общепризнано, что одним из необходимых условий успеха конной атаки, между прочим, является правильный выбор момента для атаки. От удачного выбора времени зависит многое. По словам генерала Драгомирова, „конница может сделать все, если минута для атаки выбрана удачно, и гибнет в обратном случае“. . .

Наиболее удобное время для конного удара, когда кавалерия захватила пехоту врасплох, подошла к ней неожиданно, и она почему-либо неготова для встречи атаки. Такой момент может перевернуть всю обстановку, но необходимо пользоваться им мгновенно. . .

Мгновения, удобные для удара конницы, всегда были и будут. Нужно только, чтобы кавалерийский начальник имел терпение дождаться их, умел схватить их, что зависит от глазомера, выдержки и решительности кавалерийского начальника.

Если время выбрано удачно, то даже небольшая часть конницы может достичь весьма крупных результатов.

Об этом лучше всего свидетельствует известный пример ротмистра Бехтольдсгейма в бою под Кустоцной 12 июня 1866 года.

Австрийская пехотная бригада генерала Бенко, занимавшая правый фланг боевого порядка, была сбита итальянской бригадой Пизо. К этой последней подошла еще бригада До, которая окончательно должна была подавить австрийцев. Тогда ротмистр Бехтольдсгейм во главе 3-х взводов улан, подкравшись незаметно к итальянцам на 200 шагов, пронизывает на карьере боевой порядок колонны Пизо и врубается в голову колонны бригады До. Бригада эта следовала беспечно в походной колонне. В голове колонны ехали генерал со штабом, непосредственно за ними 2 орудия. Неожиданная атака улан произвела в рядах итальянцев страшную панику. Генерал был ранен, орудия захвачены, четыре баталиона рассеяны, и только пятый баталион, шедший в хвосте колонны, сохранил порядок и отбил атаку огнем.

Хотя ротмистр Бехтольдсгейм вернулся с 17 всадниками (из 100), но последствия его атаки были громадны: целая бригада пехоты приведена в беспорядок, наступление итальянцев задержано, время выиграно, и австрийцы, получив подкрепление, сами перешли в наступление.

Припомним теперь пример другой конной атаки, предпринятой несвоевременно и в таких формах строя, которые не соответствовали современным условиям ведения боя.

В январе 1905 года Дагестанский казачий полк в районе дер. Сандепу бросился на японскую пехоту с целью облегчить отступление своей батареи, которой сильно угрожали японцы. Удар не удался—и дагестанцы понесли крупные потери. Причина неудачи заключалась в том, что наступление было начато слишком спешно и в беспорядочной куче, так как пространство для развертывания было крайне ограниченным. Благодаря этому японский огонь имел весьма сильное действие—и полк в несколько минут потерял более 300 всадников*).

Опыт показал, что пехота, атакованная конницей, часто теряет голову. Это дает некоторым повод утверждать, что хорошая конница победит любую пехоту. С таким парадоксальным мнением однако согласиться нельзя: победа зависит от многих условий и в том числе от нравственного элемента. . .

Правильный удар конницы против пехоты для удачи нуждается в соответствующей силе, так как силы сопротивления пехоты не следует умалять. Некоторые тактики полагают, что баталион пехоты, целесообразно построившийся и достаточно снабженный боевыми припасами, вряд-ли может опасаться удара одного конного полка.

---

*) Дагестанский казачий полк был составлен во время японской войны из охотников, освобожденных от воинской повинности, а потому не получивших военной подготовки в мирное время.

Мы должны считаться с фактом, что конница боится пехоты (или, вернее, пехотного огня) не меньше, чем пехота конницы.

Следует также помнить, что идти на перестроенную пехоту может заставить конницу только крайность, например, когда необходимо выручить своих, жертвуя собой, подготовить, обеспечить и решить общий удар.

При наступлении конницы на пехоту, приготовившуюся к ее встрече, главным средством для достижения успеха конницы является выполнение удара с *быстротой* и *внезапностью*.

Если же, благодаря вялости своих действий, конница дает пехоте опомниться и последняя будет иметь время подготовиться к предстоящей атаке, то вероятие успеха совершенно исчезает.

Кроме того, если первый удар конницы отбит пехотой, то это сильно поднимает дух последней, а потому при атаке от конницы требуется в высокой степени решимость довести атаку до конца, на что не всякая конница способна...

Наступление на хорошо обученную пехоту, которая, веруя в свое оружие, готова встретить противника огнем и хладнокровно ждет удара, несомненно является одной из самых трудных задач, которые могут выпасть на долю конницы. Самым опасным при этом является время до подхода вплотную к линиям пехоты, ибо если коннице удалось прорвать эти линии и она осталась между частями пехоты еще боеспособной, то употребление в дело огнестрельного оружия становится положительно невозможным даже для наиболее удачного расположения пехоты, так как при стрельбе в разных направлениях одна часть пехоты может вредить своим огнем другой. В последнем акте борьбы—единоборство между всадниками и пехотинцами—физическое и нравственное превосходство окажется на стороне первых.

Нынешние бои, столь жестокие в отношении потерь, ослабляют конницу в гораздо большей степени, чем пехотные части. Это обстоятельство значительно умеряет стремления конницы к атакам на пехоту.

Хотя современное меткое дальнобойное оружие наносит жестокие потери атакующей коннице, но последняя, сама работая огнем и маневром, в искусных руках талантливого, смелого и решительного начальника, всегда сумеет найти подходящий момент для нанесения пехоте сокрушительного удара, сумеет воспользоваться всеми невыгодными сторонами нынешних колоссальных, наскоро обученных, армий, с их хрупким и глубоким тылом, с затяжными многодневными утомительными боями, и создаст себе славу не меньшую, чем слава кавалерийских начальников времен Фридриха Великого, Цитена и Зейдлица.

В нынешнее время такой именно всесветной славой покрыла себя конница Буденного, явившаяся истинной грозой для деникинской

и польской армий, а на запфронте не малой боевой славой покрыл себя конкорпус Гая.

Как известно, главный залог успеха действий конницы—это ее подвижность, место действий конницы—по преимуществу фланги и тыл противника.

Конные налеты в глубокий неприятельский тыл страшны по своему воздействию на войска теперь также, как и в седой древности.

Современные налеты конницы Буденного и Гая в тыл противника, налеты, производящие подавляющее моральное впечатление на последнего, ничем не отличаются по духу и сущности от налета конницы Кира на египтян под Кимврами в 541 году до Р. Хр. и от бессмертного подвига конницы Аннибала под Каннами в 216 году до Р. Хр., сначала сковавшей левый фланг римлян, а затем раздробившей триариев в тот самый момент, когда чаша весов победы начала склоняться на сторону римлян.

Изменилась, усилилась, усовершенствовалась чрезмерно техническая сторона, изменились отчасти методы действий, но люди с своими нервами, впечатлительностью и инстинктами остались одни и те же, основные принципы войны остались вечны и непоколебимы...

IV.

Как уже было сказано, конная атака на пехоту, вообще, является весьма трудным предприятием для кавалерии.

Трудность эта обусловливается следующими причинами:

1) Сильным, дальним и метким ружейным и пулеметным огнем пехоты, а также могущественным огнем артиллерии, придаваемым пехоте.

2) Большой разбросанностью и расчлененностью боевого порядка пехоты, большой приспособляемостью пехоты к местности (укрытие местностью), малой досягаемостью пехоты, так как она прикрывается местными преградами или искусственными препятствиями, занимает сплошь и рядом местные предметы, рубежи, мало доступные для кавалерии.

Препятствия, внезапно вырастающие перед атакующей конницей, могут иметь для нее самые печальные последствия. Такими препятствиями движению конницы являются скаты, топи, болота, овраги, пни, канавы, заборы. Искусственные препятствия и некоторые труднодоступные естественные преграды способны даже совсем задержать атакующую конницу.

17 октября 1904 года сотня донских казаков под начальством есаула Косоротова атаковала японцев с целью захватить их орудия. Несмотря на сильный огонь, казачья лава лихо устремилась вперед. Всадники перенеслись через два ряда окопов, из которых один был занят японской пехотой. До орудий оставалось не более 150 шагов,

и к ним уже под'езжали передки. Но в это время часть лавы наткнулась на проволочные заграждения. Произошла заминка, атакующие остановились в 100 шагах от орудий... и—порыв не терпит перерыва—казаки повернули обратно, потеряв при отступлении $^2/_3$ всего состава.

Однако, одни и те же препятствия неодинаково задерживают конницу. Лихая, хорошо обученная конница легко преодолевает то, что останавливает слабую.

3-го июня 1877 года под Аравартаном (в окрестностях Карса) наш Северский драгунский полк атаковал 8 таборов (баталионов) турецкой пехоты. В 60 шагах перед фронтом турок полк нарвался на топкий ручей. Препятствие это однако было успешно преодолено, и лихая атака драгун принудила турок к поспешному бегству. Драгуны понесли незначительные потери, несмотря на огонь турецкой полевой и крепостной артиллерии...

Трудность конной атаки пехоты значительно ослабляется в следующих случаях:

1) Когда пехота сильно расстроена нравственно и материально предыдущими операциями (устала, понесла крупные потери от огня противника, расстреляла патроны и т. п.).

2) Когда пехота в беспорядке отходит после неудачного боя.

3) Когда фланги и тыл пехоты не обеспечены ни местными предметами или искусственными препятствиями, ни достаточными мерами охранения.

4) Когда внимание пехоты отвлечено атакой других соседних частей.

5) Когда конница сумеет появиться совершенно неожиданно и одним своим появлением внесет панику в ряды пехоты и т. п.

При наличии близкого присутствия неприятельской конницы, для пехоты бывают опасны некоторые положения, например:

1) Когда пехота не может ввести в дело (или не имеет) орудий.

2) Когда конница может прижать пехоту к препятствиям или преградам, в роде рек, болот и т. п.

3) Когда конница угрожает с флангов или тыла пехотным поддержкам или подходящим подкреплениям.

Относительно флангов надо всегда помнить, что они самое уязвимое и слабое место во всех родах оружия. Всем известно изречение Фридриха Великого: „10 кавалеристов, несущихся на фланг, гораздо опаснее 50-ти, нападающих с фронта“...

Вспоминая, как в 1813 году под Лейпцигом победоносное наступление 8.000 всадников Мюрата на тот холм, где стояли три государя: Александр I-й, Прусский король и Австрийский император,—было остановлено Орловым-Денисовым с двумя слабыми лейб-казачьими сотнями, ударившими Мюрату во фланг. И вот, блестящая победа, сулившая захват в плен трех государей, обратилась в поражение конницы Мюрата, а за ней и всех сил Наполеона.

На походе можно считать опасным положение пехоты и обозов если:

1) Колонна слишком растянулась и следует в беспорядке.

2) Колонна не имеет достаточного охранения, или слабо и небрежно несется разведывательная служба.

3) Следующие в колонне орудия по условиям местности не могут быстро развернуться и открыть огонь.

4) Обозы сильно отстали от колонны главных сил, растянулись, имеют слабое прикрытие и т. п.

V.

Перейдем теперь к способам и средствам отражения конной атаки.

Я усиленно подчеркиваю здесь положение, что пехота *может и должна* успешно отразить конную атаку, в особенности, если пехота привыкла к виду атакующей конницы еще при упражнениях мирного времени и соответственно обучена искусному отражению кавалерийской атаки.

Само собой разумеется, что здесь точных рецептов на все случаи боевых столкновений дать нельзя, так как военная обстановка никогда в деталях не бывает похожа одна на другую. Тем не менее, на основании опыта многих столкновений пехоты с кавалерией можно легко составить себе более или менее ясное понятие о правилах и условиях, которые необходимо соблюдать пехоте, чтобы успешно отразить конную атаку.

Главнейшие из этих правил следующие:

1) При боевой обстановке всегда считаться с возможностью появления конницы противника и поэтому нужно быть всегда готовым к ее встрече.

2) Необходимо своевременное предупреждение пехоты о появлении неприятельской конницы. Поэтому следует тщательно вести непрерывную разведку и наблюдать за флангами и тылом, а также поддерживать непрерывную связь с соседями.

3) Нужна привычка пехотинцев к виду несущейся на них кавалерии, что достигается соответствующими упражнениями („сквозные атаки“).

4) Начальникам всех степеней сохранять полное, невозмутимое хладнокровие и принять быстрые энергичные меры к успокоению своих подчиненных.

5) Нужна уверенность пехоты в самой себе, в своих силах, в своем превосходстве над конницей в бою, нужна вера пехоты в свои винтовки и пулеметы.

6) Для отражения конной атаки лучший строй тот, который дает возможность наибольшему числу стрелков принять участие в огне. Чем строй короче по фронту, тем лучше, так как прорвать и

опрокинуть его гораздо труднее, особенно если фланги обеспечены уступами.

7) Сомкнутые части отражают атаку в том строю, в каком она их застигла. Если позволяет время, то быстро сделать необходимые перестроения. Важно, чтобы все перестроения делались без суеты, ибо крайне необходимо встретить атаку спокойно и в порядке.

8) Пехота, рассыпанная в цепь и находящаяся под огнем, ни в коем случае для встречи конницы не собирается во взводы или отделения. Лучше оставаться в прежнем положении и, сохраняя полное спокойствие, встретить в свое время атакующих метким огнем.

Если у неприятельской кавалерии нет пик, то лучше ложиться и стрелять лежа до последнего момента, лошадь на лежащего человека и на штык не идет...

Если цепи не удалось остановить конницу, то в последний момент, когда всадники окажутся в 20—30 шагах, остаться в положежении лежа, стреляя до последней возможности.

Пропустив кавалерию, повернуться и снова открыть по ней огонь если нет опасения причинить потери своим поддержкам.

9) Пехотинцу всегда оставаться лицом к атакующей кавалерии. Пока он стоит лицом к всаднику, он может защищаться, он мало уязвим; но если повернулся спиной, то погиб.

В одиночном бою пехотинец должен стать для принятия удара так, чтобы быть впереди и справа от лошади, так как кавалерист рубит слева направо, а справа налево только колет.

10) Открывать огонь только залпами, с выдержкой, с дистанции прямого выстрела. Точку прицеливания лучше назначать не в голову, а в ноги лошади (как уже было сказано, в волнении стрелок всегда стреляет выше, чем нужно). Слишком поздно открывать огонь не следует, так как можно в этом случае не достигнуть результата; смертельно раненые лошади некоторое время (несколько секунд) скачут, а всадники в увлечении атакой и вследствие шума могут залпа не услышать.

11) Помнить, что все спасение в дисциплине огня. Спокойная, выдержанная пехота, всегда готовая послать навстречу коннице залпом целый град пуль и самое ожидание этого смертоносного залпа производят на атакующих весьма удручающее впечатление. Наоборот, при беспорядочном одиночном огне конница привыкнет к трескотне стрельбы, и она только ободрит атакующих.

12) Помнить, что самое сильное впечатление на пехоту производит первый удар. Если пехоте удастся отразить огнем атаку конницы, то она сразу почувствует свою силу и все последующие удары будут легче отражаться пехотой, так как, во-первых, с каждым разом спокойствие и самоуверенность пехоты будут возрастать, во-вторых, перед пехотой образуется скопление убитых и раненых, сильно стесняющих последующие удары кавалерии.

13) Не забывать, что особенно могущественным средством для отражения конной атаки являются пулеметы, на которые не влияет волнение стрелков. Пулемет, как машина, в этом случае незаменим. Нужно только основательно обучить прислугу при пулеметах и воспитать в ней дух самообладания. На позиции пулеметы располагать так, чтобы они могли обстреливать местность не только перед собою, но и по сторонам. Пулеметам открывать огонь с дистанции 1500 шагов

14) Если конница ведет атаку на один участок, соседние участки должны всемерно содействовать отражению атаки косым и фланговым огнем, стараясь не причинить потерь своим войскам.

* * *

Теперь мимоходом несколько слов о конных атаках на артиллерию. Особенно опасно положение артиллерии в смысле атаки конницей в следующих случаях:

1) когда артиллерия выезжает на позицию,

2) когда артиллерия находится в походном порядке,

3) когда занимает слишком выдвинутую вперед или к флангу позицию,

4) когда артиллерия расстроена или расстреляла снаряды. Если коннице не удалось врасплох захватить артиллерии, обладающей достаточным обстрелом в районе своего расположения, то шансы на успех конной атаки с фронта крайне малы, хотя удары, наносимые с флангов и тыла все же могут обещать некоторый успех, если только кавалерии удастся стать в выгодное исходное положение для атаки.

При отражении конной атаки на артиллерию нужно помнить, что самое слабое место артиллерии—ее фланги и что поэтому кавалерия всегда принимает меры, чтобы направить главные силы для атаки артиллерии во фланг или в косом направлении, так как в этом случае сильно затрудняется для артиллеристов стрельба по движущейся цели.

Кроме того, при атаке артиллерии конница будет искать мертвых пространств, чтобы с меньшими потерями подойти к артиллерии. Поэтому артиллерия должна принять меры к охранению и наблюдению своих флангов и к обстреливанию близлежащих мертвых пространств при помощи пулеметов и приданного ей пехотного прикрытия.

Если прикрытие артиллерии довольно сильно и предусмотрительно в свое время подтянуто на случай неожиданной конной атаки, то успех нападения конницы на артиллерию весьма сомнителен.

Следует помнить, что при атаке артиллерии кавалерия для сближения с противником будет избирать складки местности и другие укрытия с целью избежать губительного действия артиллерийского огня. Сверх того, кавалерия постарается искусным маневрированием

принудить прикрытие артиллерии занять расположение между артиллерией и атакующей конницей.

С другой стороны, прикрытие должно предоставить своей артиллерии возможность как можно дольше обстреливать атакующую конницу артиллерийским огнем...

* *
*

В заключение считаю необходимым еще раз обратить внимание читателя на то обстоятельство, что в боевых столкновениях пехоты с кавалерией громадную роль играет моральный элемент, действие на воображение солдатской массы.

Кавалерия больше всего и чаще всего производит панику в рядах неприятельской пехоты. Чем менее солдатская масса обучена, менее дисциплинирована, тем скорее можно ожидать паники в случае нападения кавалерии.

Мы знаем, какое фатальное впечатление производят на войска слова: „мы обойдены“, „нас окружают“, „кавалерия в тылу“ и т. п. Этих слов сплошь и рядом бывает достаточно, чтобы прекрасно дравшаяся перед этим пехотная часть позорно бежала с поля сражения в страшной панике.

С таким позорным явлением панического бегства целых частей необходимо бороться всеми доступными мерами. Как-бы ни была плоха пехота, необходимо обучить ее основным приемам встречи неприятельской кавалерии и внушить ей веру в свои силы, в свое оружие, в своих начальников, наконец, в свою непобедимость. Надо показать и доказать солдатам, что „не так страшен черт, как его малюют“...

Каждый начальник должен помнить, что не кавалерия страшна сама по себе, а страшна по своим последствиям паника, порождаемая в солдатской массе при виде конной атаки или только при одном слухе о ней...

Часто говорят, что бороться против паники на войне очень трудно, что ею время от времени бывают заражены даже лучшие, дисциплинированные и блестяще обученные войска и что причины паники в точности не выяснены. Однако, бросается в глаза факт, что паника возникает большей частью при известных условиях, из которых укажем хотя на следующие:

1) физическое и моральное потрясение войск после неудачи,

2) полная неосведомленность солдатской массы и зачастую начальников о положении на фронте,

3) отсутствие управления лиц командного состава, их растерянность, нерешительность и, вообще, малое влияние начальников на своих подчиненных и неуменье держать последних в постоянном повиновении,

4) отсутствие начальников на своих местах,

5) малая обученность частей, их недисциплинированность, слабая сколоченность (отсутствие товарищеской спайки), слабое знакомство с условиями ведения современного боя (в частности, незнакомство с условиями боевых столкновений пехоты с конницей).

Все неизвестное, незнакомое бывает гораздо страшнее, чем есть на самом деле. На войне незнание обстановки, полная неосведомленность о происходящем вокруг нас в связи с нашей слабой обученностью и недисциплинированностью чаще всего создают благоприятную почву для развития паники в частях. Как известно, панике больше всего подвержены обозы, разные тыловые и вспомогательные части и учреждения, т. е. менее всего осведомленные об истинном положении вещей на фронте и менее дисциплинированные.

Зная хотя отчасти условия развития паники, мы должны принять самые решительные меры к их парализованию.

Е. Шиловский.

Заметки об управлении артиллерией в полевом бою.

(По поводу статьи М. Волчанецкого: „Управление артиллерией в полевом бою").

В восьмом сборнике журнала „Р. и В." помещена статья М. Волчанецкого „Управление артиллерией в полевом бою". В этой статьэ автор устанавливает руководящие основания для управления артиллерией, вынесенные (как он утверждает) из опыта трехлетней вооруженной борьбы Красной Армии и, в частности, из опыта на Западном фронте. Автор взял эпиграфом к своему исследованию меткое выражение Ланглуа: „Необходимо всегда отыскивать перемены, происшедшие от изменения условий, чтобы не застыть в формулах прошлого, некогда справедливых, в настоящее время ложных".

Но это несовсем спасло его от поклонения „формулам прошлого", и мысли т. Волчанецкого носят на себе сильный отпечаток тех идей, которые утвердились в наших оффициальных артиллерийских кругах к концу войны 1914-1917 г.г.

В целях справедливости следует отметить, что по нашему мнению, труд т. Волчанецкого обладает большими положительными качествами: автор несомненно хорошо знает тот вопрос, о котором говорит; изучил литературу; в его исследованиях нет и помина о той отдельной, не связанной с действиями других войск, артиллерийской доктрине, которую нам пытались подносить узкие специалисты—артиллеристы; в технической части очень много разумного и дельного. Но с чисто тактической частью мы позволим себе несколько не согласиться; именно, не согласиться с постановкой того основного вопроса, который доминирует над другими—вопроса об"единенном управлении артиллерией.

Идея об"единенного управления, как *один из способов* использования артиллерии, дающий возможность *при наличии благоприятной обстановки* достигнуть максимальных результатов,—бесспорно жизненна и правильна. Только при об"единенном управлении старший общевойсковой начальник получает полностью в свои руки то могучее средство, которое дает современная артиллерийская техника—средство, позволяющее наносить сосредоточенные огневые удары на важнейших участках. Только в этом случае можно добиться надле-

жащего применения косого и флангового огня, превосходящего во много раз фронтальный огонь, как в смысле материального поражения, так и в смысле воздействия на психику противника. Практика прошлой (империалистической) войны показывает, что при искусном применении массового артиллерийского огня можно достичь огромных результатов; он может обратиться из средства подготовительного в средство решающее бой.

Но следует помнить, это лишь один из возможных способов применения артиллерии. Для *целесообразного* использования об“единенного управления необходимы определенные „условия“, нужна благоприятная *тактическая обстановка*.

Если же смотреть на этот прием, как на единственно правильный в современном в высшей степени маневренном бою, то мы несомненно впадаем в заблуждение; впасть в такое заблуждение тем более легко, что позиционный период империалистической войны, который у нас еще в памяти, наталкивает на него.

Сплошные линии сильно укрепленных позиций при современной силе огня, достаточной выучке и хороших боевых качествах войск приводили к тому, что бои развивались медленно в пространстве и во времени, нося упорный характер. Массовые армии позволяли сосредоточивать на важных направлениях большое количество войск (в частности артиллерии) на очень узких фронтах (в сравнении с нынешними); сплошь и рядом вся дивизионная артиллерия, усиленная тяжелыми дивизионами, развертывалась на участке 2-3-5 верст.

Все это благоприятствовало об“единенному управлению артиллерией, делая его нормальным приемом данного периода. Мы знаем из опыта и по военной литературе, как мощные артиллерийские об“единения (до полусотни и более пушек), руководимые талантливыми артиллеристами (например, Кирей и ряд других), сметали все на своем пути, давая возможность пехоте итти в атаку с ружьями за плечами и почти без сопротивления занимать позиции противника, где уже ничто не было способно к защите. Наш противник (германцы), располагая многочисленной артиллерией, еще чаще и в большем масштабе чем мы применял массированный артиллерийский огонь, достигавший невиданной до того силы. Эти потрясающие картины недавнего прошлого действуют на нас и сейчас, заставляя иногда забывать, что характер войны уже не тот.

Весьма опасно поддаваться исключительному влиянию лишь одной идеи, как бы она ни казалась заманчивой. Необходимо широко подходить к вопросу, освещая его всесторонне и памятуя, что военное дело—дело практическое; те „условия“, о которых говорилось выше, могут сильно изменить формы применения к жизни общих принципов. В этом отчасти и заключается трудность выработки правильной единой военной доктрины.

Обжегшись на опыте Русско-Японской войны, увидев воочию, что для победы нужна решительность и энергия в наступательных действиях, что обороной, даже искусной, больших результатов не достигнешь—мы ударились в другую крайность. „Ничего, кроме наступательного“ было основным мотивом нашей военной доктрины к началу войны 1914-1917 г.г. Участники войны помнят, какой дорогой ценой мы заплатили за столь простое понимание военного искусства; сколько непоправимых ошибок было сделано; сколько человеческих жизней было принесено в жертву наступательной идее, бесспорно одной из главенствующих идей военного искусства, но применявшейся часто без соответствия с обстановкой сплошь и рядом тогда, когда нужно было отойти или обороняться на месте.

Позволив себе это маленькое отступление, вернемся к управлению артиллерией. Конечно, в этом частном вопросе возможные увлечения не так опасны, как в приведенном примере из области общего управления войсками, но все же и здесь они могут принести существенный вред.

Основания для выводов будем стараться брать не из какой либо одной предвзятой идеи, а из природы современного боя.

Поскольку мы стараемся найти поправки, которые вносит в управление артиллерией опыт классовой войны на Польско-Русском фронте (термин „гражданская война“, по нашему мнению, не совсем правилен для всего периода 1918—1920 годов, ибо здесь мы имели периоды, как чисто гражданской войны внутри государства, так и периоды классовой войны, так сказать, интернационального характера, каковою была, например, кампания 1920 года против Польши. С военной точки зрения эти периоды отличаются друг от друга в смысле общей обстановки и приемом управления. В дальнейшем мы будем строить выводы на опыте войны с Польшей; (к ней, вероятно, новая война будет ближе подходить нежели к первым периодам гражданской войны),—мы должны отметить те особенности этой войны, которые могут отразиться на применении в бою данного рода войск и попытаться проанализировать, в чем же именно они выражаются.

Т. Волчанецкий хотя и говорит об особенностях нынешней маневренной войны, но, как нам кажется, недостаточно останавливается на их значении. Это первое.

Для нас кажется ясным, что поскольку мы хотим перейти от общего рассмотрения к конкретным положениям, нельзя ограничиваться постановкой вопроса об управлении артиллерией вообще в полевом бою без указания, какой же род полевого боя мы именно хотим разбирать. Если военная наука, построенная на опыте многих войн, указывает нам, что для встречного, оборонительного и наступательного боя существуют свои, отличающиеся от других, приемы управления, вытекающие из природы данного боя то, естественно, что из этих приемов и следует исходить, разбирая частный вопрос об управле-

нии одним из родов войск в этом бою—в нашем случае артиллерии. Между тем т. Волчанецкий мало учитывает сказанное, разбирая и довольно детально вопрос об управлении артиллерии вообще в полевом бою. Это второе. Сначала вкратце рассмотрим первое, а затем перейдем к обзору встречного, наступательного и оборонительного боев с точки зрения интересующего нас вопроса об об'единенном управлении артиллерией.

Особенностями войны на русско-польском фронте в области тактики, оказавшими влияние на применение артиллерии, по нашему мнению, являются: малочисленность войск при очень широких фронтах; неустойчивость боевой линии (как следствие вышеуказанного, так и неустойчивости самих войск этого периода); разреженность боевого порядка с большими промежутками между составными его частями; вытекающий отсюда в высшей степени маневренный, подвижной характер войны (бои разыгрываются и решаются не в сравнительно узкой полосе, где столкнулись противники, а на большом пространстве в глубину); скоротечность частных боевых эпизодов.

Как же эти об'ективные „условия" отражаются на управлении артиллерией? Благоприятствуют ли об'единению артиллерии?

Совсем нет. Для об'единенного управления огнем нужна личная тщательная разведка старшего артиллерийского начальника и изучение местности, в соответствии с общей тактической обстановкой. На основании заданий обще-войскового командования и результатов разведки он должен решить на местности задачу о группировке артиллерии и ее будущих действиях; указать районы позиций и наблюдательных пунктов; выбрать свой наблюдательный пункт, откуда обязательно был бы хотя общий обзор важнейшего участка поля боя; организовать надежную телефонную связь с непосредственно подчиненными ему артиллерийскими начальниками; установить связь со своим общевойсковым начальником и, вообще, связь артиллерии с пехотой; разобравшись на местности, условиться о целеуказании и т. д.

Только при выполнении этих необходимых условий об'единение артиллерии будет полезно; но их еще недостаточно, что мы и постараемся показать в дальнейшем изложении.

Для всего перечисленного старшему артиллерийскому начальнику нужно время, и тем больше, чем большее количество артиллерии об'единено; однако современный бой скоротечен. Широкие фронты затрудняют выбор наблюдательного пункта, откуда можно было бы хотя в общих чертах охватить глазом важнейший участок; это часто удается только при особо благоприятных условиях местности. Быстрое колебание боевой линии в ту и другую сторону требует частой перемены артиллерийских позиций и наблюдательных пунктов, что затрудняет поддержание телефонной связи; без наличия же телефонной связи управление будет в значительной степени парализовано, тем более при быстро меняющейся обстановке и смене боевых эпизодов. Кому приходилось в бою устанавливать связь артиллерий-

ского начальника, руководящего действиями более или менее значительного количества артиллерии, тот знает, каких трудов это стоит, и что значит переезд с одного наблюдательного пункта на другой.

Кроме того, вообще—то целесообразно об'единять действия артиллерии лишь на том фронте, на котором батареи или группы батарей смогут сосредоточивать свой огонь, содействуя одна другой в разрешении огневых задач. Считая, что полезное действие полевой 3-х дм. пушки (основной нашей системы) не превосходит 5—6 верст и что в маневренном бою удаление батарей от передовой пехотной линии будет около 1—2 верст, получим, что фронт об'единения не должен превосходить 3—5 верст. Если по старому масштабу это был фронт дивизии, то по нынешнему это фронт полка (в лучшем случае—бригады). Если раньше здесь действовало не менее 6 батарей, которые возможно было об'единить в руках начартдива (по старой терминологии ком. арт. бригады), подчиненного непосредственно начальнику дивизии, то теперь здесь обычно будет (кроме особо важных участков) 1—2—3 батареи; и начальник этой артиллерии (ком. батареи или в лучшем случае ком. дивизиона), должен быть подчинен командиру полка (или бригады, если указанный фронт занимается бригадой).

В нашу войну с Польшей стрелковые дивизии Красной Армии сплошь и рядом занимали участки, измерявшиеся десятками верст; если в наступательном бою нам удавалось на направлениях главного удара иногда достичь относительно плотной группировки войск и узких фронтов, то при обороне нередкость было встретить участок дивизии в 30—50 и более верст.

Итак, много говорить об об'единении артиллерии дивизии в руках начартдивов не приходится--(по крайней мере до тех пор, пока вновь не изменится характер войны). Конечно, и сейчас могут быть случаи, вроде того, который приводит М. Волчанецкий (2 дивизия под Варшавой), но этот случай скорее исключение, чем правило и строить на нем общие выводы не следует. Обычно начартдивы не в состоянии об'единить артиллерии при всем желании, и требовать этого,—значит требовать не только невыполнимого, но и вредного. Если путем больших трудов начартдиву удалось бы об'единить артиллерию на обширном нынешнем фронте дивизии,—спрашивается—какая и кому будет польза?

Польза сомнительная, а вред несомненный, ибо опыт показывает нам, что всякая об'единенная артиллерия отрывается от своей пехоты (рекомендуемые меры против этого, не более, как паллиативы) и не так приспособлена к решению частных задач, от которых зависит исход боевого столкновения в том или другом пункте. Это будет даже при правильном понимании старшим артиллерийским начальником, что значит об'единение артиллерии.

При неправильном же (а с этим также нужно считаться) могут получиться совершенно отрицательные результаты. Нам вспоминается пример из действий 2 армейского корпуса летом 1916 года в боях

на р. Коропец (в Восточн. Галиции). Дивизии (в том числе 43 пех. дивизия) около двух недель занимали позицию по реке Коропец. Получив приказ перейти в наступление, начальник 43 дивизии в соответствии с принятым решением и намеченной группировкой войск для удара, наметил также перегруппировку аритиллерии дивизии. Но инспектор артиллерии корпуса, который „об'единял" действия артиллерии двух дивизий, воспротивился перегруппировке, мотивируя свой отказ тем, что батареи уже долго стоят на своих позициях, хорошо пристрелялись, построили наблюдательные пункты и блиндажи, наладили связь и пр. С доводами начальника дивизии, что раньше батареи были расставлены для обороны, а теперь они получают совсем другую, активную задачу, почему и необходима перегруппировка,—инспектор артиллерии корпуса не согласился. Начальник дивизии имел слабость уступить, однако, за неудачный исход этой операции ответственность легла на него, а инспектор артиллерии корпуса остался в стороне.

В настоящих условиях войны толковый начартдив не будет мудрствовать лукаво и не будет писать таких оперативных приказов по артиллерии дивизии, которые рекомендует М. Волчанецкий; они лишь создадут путаницу в параллельных распоряжениях начдива и комбригов с одной стороны и начартдива с другой и, возможно, вызовут то недружелюбное отношение к старшим артиллерийским начальникам со стороны командования, на которое так жалуется М. Волчанецкий. Начальник артиллерии дивизии ограничится лишь техническими указаниями в дополнение к общему оперативному приказу по дивизии; этот приказ, конечно, должен быть разработан при его деятельном участии.

Не будет и начальник дивизии (как правило) давать в своем приказе такие указания для артиллерии, как рекомендует М. Волчанецкий на стр. 69 в п. п. 2 и 3. Они были хороши для позиционного периода, а теперь без нужды свяжут командиров бригад. Районы расположения артиллерийских позиций для подчиненной им артиллерии и срок готовности к открытию огня—это дело командиров бригад. Начальник дивизии укажет лишь те главные задачи, которые лягут на артиллерию, и даст распределение ее по бригадам.

В течении боя, находясь при начальнике дивизии, где он будет в курсе всей оперативной обстановки и, периодически выезжая на важнейшие боевые участки, начальник артиллерии дивизии своими ценными указаниями и докладами несомненно окажет больше влияния на ход боя, чем сидя все время на наблюдательном пункте, как ему рекомендует М. Волчанецкий. Специально-технические указания начальник артиллерии может отдавать непосредственно; имеющие же обще-оперативное значение (например, перегруппировка артиллерии, постановка новых задач и пр.) обязательно проводить через начальника дивизии, который отдает соответствующее прика-

зание командирам бригад. Последнее необходимо во избежание лишних недоразумений и путаницы; и без того их много в бою.

Что касается управления артиллерией в рамках бригады, то здесь условия современного маневренного боя дают гораздо большую возможность об'единения артиллерии, и уклоняться от этого командиры дивизионов не имеют права. Но, опять таки, не следует считать, что всегда артиллерия бригады должна быть об"единена. Правильная оценка обстановки подскажет надлежащее решение; шаблонов быть не должно. Здесь, на ряду с другими соображениями, не следует игнорировать элемента местности; на нашем Белорусском театре, большие закрытые пространства (лесные группы) часто дают весьма ограниченный обзор (иногда и обстрел) и только в определенных направлениях; в этих случаях едва ли следует об"единять артиллерию даже на фронте 3—5 верст; лучше придать батареи непосредственно к тем пехотным частям, которые будут здесь действовать.

Кроме того, нужно иметь ввиду, что со времени позиционной войны изменился и характер целей; если раньше в полевом бою для достижения необходимого разрушения и поражения часто требовался комбинированный огонь тяжелой и легкой артиллерии (напр. разрушение сильных оборонительных сооружений и поражение выбегающих защитников и вообще появляющихся живых целей), то теперь, во многих случаях одна легкая батарея с успехом решает те задачи, которые ей поставлены. Дело командира бригады и его ближайшего помощника по артиллерийской части—командира артиллерийского дивизиона—разобраться в данном частном случае и решить, что выгоднее: об"единить-ли артиллерию, или раздать батареи по полкам?

Если об"единение артиллерии не сулит особых выгод, то распределение батарей по полкам не будет ошибкой. В войне на Польско-Русском фронте полки получали значительные задачи по цели действий и по участку местности. Раз командиру полка ставится подобная задача, за выполнение которой он ответственен, нужно дать ему в руки и все средства; из них артиллерия является одним из самых могущественных.

Теперь остановимся в общих чертах на том, как обстановка встречного, наступательного и оборонительного боев сказывается на управлении артиллерией.

Встречный бой характеризуется ожесточенной борьбой за инициативу обоих противников с первых же моментов столкновения. Кто раньше возьмет верх в этой борьбе и заставит другого подчиниться своей воле, тот получает свободу действий, получает большие шансы на окончательный успех.

Встречный бой по внешнему своему проявлению самый, так сказать, неупорядоченный, сумбурный, если можно так выразиться, род боя. Он развивается в большей степени, чем все другие, по инициативе частных начальников. Он наиболее трудно поддается методическому управлению, особенно в первые периоды.

Старший обще-войсковой начальник (в нашем случае начальник дивизии), определив группировкой колонн и постановкой им общих задач свое воздействие на ход боя, принужден на некоторое время до крайности ограничить свое руководство им, пока не выяснятся результаты столкновения колонн. А в нынешнем бою это даже не бригадные, а сплошь и рядом полковые колонны.

Сколько здесь случайностей! Сколько зависит от инициативы, правильной оценки обстановки, энергии в действиях, связанной с осмотрительностью начальников колонн. Обстановка меняется с каждым часом, события развертываются с неимоверной быстротой.

Между тем начальник дивизии часто лишь к концу дня сможет выяснить результаты боев на фронте дивизии и взять вновь управление войсками в свои руки, поставив новые задачи боевым участкам и направив свой резерв туда, где он будет добиваться решения.

В этот первый период встречного боя по большей части придется предоставить инициативу действий частным артиллерийским начальникам в рамках указанных им общих задач.

Командир батареи сплошь и рядом должен будет маневрировать, переносить огонь и, вообще, разрешать все назревающие вопросы по собственному разумению, руководствуясь основной мыслью: всемерно помочь нашей пехоте, на участке которой он работает.

Необходимой силы огня на важнейших участках придется искать не столько в об"единенном управлении артиллерией на поле боя, сколько заблаговременным, соответствующим идее предстоящего боя, распределением батарей по походным колоннам.

Раз будет удачно решена первая задача встречного боя—захват инициативы в свои руки и принуждение противника к обороне—явится возможность *при благоприятных условиях* об"единить управление огнем в руках командиров дивизионов. Это дает несомненные выгоды; их нужно использовать в полной мере в последующие фазисы боя для решения очередной общей задачи: принудив противника к обороне в неблагоприятных условиях, не дать ему произвести перегруппировки и воспользоваться выгодами местности для возвращения свободы действий, и разбить его.

Наступательный бой (бой против остановившегося противника, занявшего позицию) более благоприятствует об"единению артиллерии, чем встречный. Здесь нет той спешки, которая так характерна для последнего. Наоборот, есть время на подготовку, часто весьма значительное, измеряющееся не только часами, но иногда и днями. Является большая возможность расчета. Можно заранее наметить более подробно об"екты действий, произвести обстоятельную разведку, планомерно наметить группировку артиллерии, организовать связь—вообще сделать все то, что нужно, чтобы об"единение артиллерии было полезно. В этой обстановке артиллерийская группа (дивиизион, а в особо благоприятных случаях и больше) будет в состоянии выявить всю мощь своего огня, не разбросанного более или менее случайно по

различным целям, а разумно направленного единой волей именно туда, куда хочет старший начальник.

Наступление удалось. Сбитый с позиции противник отходит, стремясь скорее выйти из под ударов, прикрываясь арьергардами, местами переходя в контр-наступление. Боевые действия принимают настолько маневренный характер, что об"единенному управлению артиллерией за ним не угнаться. Опять на сцену появляется участковая артиллерия, приданная непосредственно пехотным частям (полкам, даже может быть баталионам).

Итак, и здесь никаких шаблонов. Полная гибкость в вопросах подчинения артиллерии, основанная на правильной оценке данной тактической обстановки.

Формы оборонительного боя подверглись большим изменениям за время, истекшее с конца войны 1914—1917 г. г. При словах „оборона", „позиция" невольно рисуются укрепленные полосы, мощная артиллерия, заблаговременно расставленная на позиции и мгновенно открывающая по данному сигналу днем и ночью заградительный огонь по определенному квадрату. Теперь этого нет. Сплошных укрепленных линий не строят, а где сохранились старые (напр. русско-германские позиции) они не имеют того значения, которое имели раньше. Фронты так широки, войск так мало, что упорно оборонять их нет возможности. Современную оборону приходится строить на маневре. Наша линия обороны периода 1919—1920 г. г. несколько походила на линию прежнего сторожевого охранения, только в большем масштабе. Ряд местных предметов (иногда приспособленных к обороне), занят небольшими группами войск. Между этими группами большие промежутки, не только никем не занятые, но иногда и не обстреливаемые За линией расположения передовых частей (групп) ряд участковых резервов и, наконец, общий резерв.

При таких обстоятельствах естественно, что бой за первую линию не может быть упорным. Неприятель может прорвать ее в любом направлении. Но этим только начинается бой, решается же он маневром и ударом резервов. Таким образом, здесь оборона ведется не на линии или узкой полосе местности, а на большом пространстве в глубину.

Где же место артиллерии?

Артиллерия общего резерва дивизии (напр. одна—две бригады) должна находиться также в резерве при своей бригаде.

Артиллерия боевых участков может находиться на позиции или в резерве. Последнее вызывается тем соображением, что при обширном фронте оборонительного боевого участка наличное количество артиллерии не сможет его обстреливать; всегда будут непоражаемые участки; ими противник и может воспользоваться для выхода в наш тыл, тем более, что промежутки между пехотными группами, как сказано, бывают весьма значительны. Оборона же боевых участков также основывается на резервах (полковых, бригадных). Поэтому до-

пустимо и артиллерию боевых участков держать не на позиции, а при соответствующем полковом или бригадном резерве, дабы она могла вместе с ним принять участие в нанесении противнику решительного удара. Но подобно тому, как артиллерия обороны позиционного периода для достижения максимальных результатов должна была произвести большую подготовительную работу на позиции,—аналогичную же работу должна выполнить артиллерия современной обороны для успеха своих маневренных действий. В соответствии с планом обороны обще-войскового начальника, существенную часть которого составляет вопрос о том или другом направлении резервов в случае наступления неприятеля,—в соответствии с этим должен быть разработан план маневрирования артиллерии. Тщательная разведка и изучение местности района будущих столкновений с нанесением на карту возможных позиций и наблюдательных пунктов, дадут старшему артиллерийскому начальнику ту канву, на которой будет основываться этот план.

Расположение батарей при резервах, удаленных друг от друга, равно как и маневренный характер действий едва ли позволят об'единить работу артиллерии непосредственно в бою, и чаще батареи будут действовать самостоятельно, приданные полкам.

Все это говорится про случаи, когда дивизии приходится оборонять участок, измеряющийся десятками верст. Чем уже будет фронт, чем плотнее группировка войск,—тем больше расположение артиллерии, ее управление и характер действий будут приближаться к приемам войны 1914—1917 г. г.

Теперь несколько заметок по другим вопросам, затронутым М. Волчанецким:

1) Положение: „организация не терпит импровизации“ имеет большое значение при решении боевых задач. Искусное управление войсками требует, чтобы оперативные соединения по возможности совпадали с административно-организационными. Конечно, если обстановка заставляет нарушить это правило, следует не колеблясь так и поступать, но каждый раз необходимы достаточные основания. Поэтому, разделение артиллерии на „группы“, в которых без нужды перепутаны батареи различных дивизионов—характеризует невысокие организационные способности старшего артиллерийского начальника.

Нельзя, например, согласиться со схемой № 2, предложенной т. Волчанецким. Исходя из расчета двух трех-батарейных дивизионов, не входящих в состав бригад (дивизион 48 лн. гаубиц и тяжелый дивизион), он распределил их так, что ни один командир дивизиона не имеет в своем подчинении всех своих батарей. Одной бригаде придано две 48 лн. батареи и одна 6 дм.; другой бригаде одна 48 лн. и одна 6 дюймовая батарея; третьей бригаде—42 лин. батарея. Мы не возражали бы против включения в группу 48 лин. гаубиц батареи 42 лин. пушек тяжелого дивизиона. Это имеет смысл. При той же группировке, которую нарисовал т. Волчанецкий, проще было бы

иметь при первой бригаде целиком весь дивизион 48 лин. гаубиц, а при второй бригаде—две шести дюймовых батареи. С точки зрения задач, которые приходится разрешать в современном бою, разница между 48 лин. и 6 дюйм. гаубицами не столь велика, чтобы стоило перемешивать эти батареи.

2) Вопрос о „правилах вызова огня", имевший существенное значение в позиционном периоде, слишком теоретичен для маневренного боя. Конечно, желательно предоставить пехотному начальнику право вызова огня артиллерии следующего высшего соединения. Но, мы сомневаемся, чтобы в обстановке нынешних боев оно приносило практические результаты.

3) Для парализования недостатков, которые свойственны об‘единенной артиллерии, М. Волчанецкий указывает также на батареи ближнего содействия. Теоретически быть может наиболее правильное решение о подчинении артиллерии заключается в том, чтобы одну часть батарей об‘единить в группы, а другую придать непосредственно пехоте.

Но жизнь не всегда позволит сделать это. Если бы наши дивизии были полного состава, дрались на небольших фронтах и имели ту артиллерию, которая им была положена по приказу № 220 1918 г. (без последующих изменений и сокращений), это было бы возможно. При сокращенной же норме артиллерии придется в наших условиях обычно выбирать для каждого данного случая что либо одно.

4) „Непонимание командованием свойств артиллерии". При мало подготовленном командном составе с данным обстоятельством приходится считаться, но не следует придавать жалобам специалистов черезчур большого значения. Они не всегда справедливы; мы их слышали и в войну 1914—1917 г. г. Мы не думаем, чтобы в понимании свойств артиллерии была бы особая трудность. Причина этих жалоб в некоторой степени зависит от того, что обще-войсковому начальнику приходится примирять различные требования всех родов войск в соответствии с обстановкой. Часто ни один из родов войск (особенно специальных, играющих подчиненную роль) не чувствует себя удовлетворенным в полной мере принятым решением; не всегда достаточно широко смотря на дело, он упрекает обще-войскового начальника в „непонимании свойств" его специальности.

Кроме того, к сожалению, это обычная жалоба инертных и мало знающих людей. Мы могли бы привести ряд примеров, когда при появлении живого, энергичного, опытного и знающего специалиста дело сразу налаживалось и жалобы на „непонимание" обще-войскового начальника прекращались.

5) Неиспользование командованием сведений артиллерийской разведки.

На это нужно обратить внимание. Действительно, мы мало используем те ценные сведения, которые имеют артиллеристы.

Достаточно хотя раз внимательно сравнить, как ведет разведку в предвидении боя или в бою пехота и артиллерия, чтобы понять, насколько одна дополняет другую.

Заканчивая эти беглые заметки, мы хотели бы указать, что в эпоху революционной войны значение артиллерии уменьшилось в сравнении с позиционным периодом империалистической войны. Если в последнем артиллерия была „царицей полей сражения", то теперь таковое значение вновь перешло к многострадальной пехоте и к коннице, которую в позиционной войне посадили в окопы. Наоборот, наиболее могучие артиллерийские средства (как например, дивизионы ТАОНА) оказались малоприменимыми на Польско-Русском фронте.

Мы не думаем, что сказанное в этих заметках окажется вполне справедливым для будущего, но считаем, что оно соответствует обстановке недавно закончившейся войны на западном фронте. Условия последующих войн могут быть иные. Поэтому-то необходимо стараться „всегда отыскивать перемены, происходящие от изменения условий, чтобы не застыть в формулах прошлого, некогда справедливых,—в настоящее время ложных".

Б. Добротворский.

Связь в первую польскую операцию.

(С 14 мая по 2 июня 1920 года).

Введение. Вопрос о связи в первую польскую операцию является крайне интересным и поучительным, так как во время этой операции ярко выявились многие недочеты как в общей организации службы связи в Красной Армии, так, в частности, в организации связи на западном фронте, и, главным образом, по этой операции и предварительной работе можно составить некоторое представление об отношении к службе связи высшего и строевого командования и штабных работников, теснее всего соприкасавшихся со связью. До сих пор еще, надо сказать, взаимоотношения „начальства и связи" заставляют желать лучшего,—нет еще общего и одинакового понимания задач и особенностей службы связи со стороны первых, нет и правильного понимания своих обязанностей и требований, пред'являемых к связи военной обстановкой, со стороны работников военной связи. В настоящей статье, использующей довольно богатый, но сырой и неразобранный материал по данному вопросу, а также личные воспоминания участников работы по организации связи в период последних операций на западном фронте, будут по возможности освещены все стороны и дана более или менее полная картина состояния связи в нашу первую польскую операцию.

I.

Состояние связи на западном фронте до 14 мая. После известного об'единения во второй половине 1919 года управления и руководства всеми видами и средствами военной связи в одних руках, а именно, в управлении связи Красной Армии, на западном фронте в октябре месяце того же года было заложено начало этого об'единения путем сближения работы почтово-телеграфного отдела при упвосозап и отдела связи штаба западного фронта, при чем к 20 декабря эти два органа слились в одно управление связи западного фронта.

С самого начала своей деятельности на молодое управление легла очень тяжелая работа. Если так называемая „тяжелая связь", т.-е. организация связи между крупными штабами по постоянным проводам правительственного телеграфа была так или иначе налажена и действовала, особенно в период неподвижного и длительного стояния фронта на одном месте, безотказно, то положение и состояние чисто войсковой связи на фронте было мало известно: как она была организована в войсках, каковы ее средства и силы, каковы недостатки— об этом никаких сведений не было, так как до этого времени никто войсковой связью в целом не руководил и никто ею особенно не интересовался. Поэтому, сразу же пришлось взяться за освещение всех вопросов войсковой связи, а затем и за организационную работу. Необходимо было срочно произвести точный учет всех частей связи фронта, их имущества и специалистов и принять меры к устранению некомплекта в личном составе, материальной части и обозе.

Выяснявшаяся постепенно картина состояния войсковой связи к началу 1920 года была довольно безотрадна. Некомплект штатного имущества в частях связи, как то: в баталионах связи дивизий, ротах связи бригад и полковых командах связи достигал 60—75%, при чем особенно остро ощущался первое время недостаток в кабеле и элементах. Снабжение носило полуслучайный и бессистемный характер; учета в израсходовании имущества не велось почти никакого, мер к подготовке специалистов никаких не предпринималось, пользовались немногочисленным кадром специалистов, оставшихся от старой армии и привлекаемыми на службу работниками почтово-телеграфного ведомства. Не было также на западном фронте и опытных начальников связи всех степеней, особенно начальников связи дивизий; про полки и говорить не приходится; зачастую на должностях начальников команд связи полков сидели бывшие телефонисты или даже совсем не специалисты, от которых, понятно, нужной в то время организационной работы ждать не приходилось.

Все эти данные, а также и сравнительная заброшенность западного фронта в первые два года (1918 и 1919 г. г.) гражданской войны, оказали свое влияние на общее состояние связи и крайне затрудняли на первых порах организационную работу вновь сформированных аппаратов управления связью. Особенно ярко это сказалось на вопросах снабжения специальным имуществом. Отсутствие точного учета имущества на складах и его разбросанность в различных местах, в ведении многих ведомств и учреждений, как военных, так и гражданских, приводило к тому, что приходилось отказывать частям в снабжении специальным имуществом связи. А между тем запасы имущества где то были, но где, этого почти никто точно сказать не мог, так как точного учета имущества не было и дело снабжения не было в достаточной мере организовано. Приходилось принимать героические меры по урегулированию этих снабженческих вопросов,

вступая в споры с ГВИУ и другими органами и заводить междуведомственную волокиту.

Время с января по март—апрель с этой стороны может быть охарактеризовано, как период борьбы против бессистемности и неплановерности снабжения специальным имуществом, исканий новых способов и средств к пополнению недостатков в имуществе и организации ремонта, приходившего постепенно в неисправное состояние наличного количества.

К этому времени на складах фронта запасов имущества было по расчету:

Аппаратов Морзе хватало для снабжения 10 дивизий, при минимальном расчете средств и не учитывая при этом нужд более крупных штабов и тыловых частей и учреждений. Телефонов фоничееких хватало на 2 дивизии, индукторных на 3 дивизии, запаса элементов, считая по два элемента на телефон и не учитывая необходимости их запаса для телеграфных батарей, хватало на трех-месячный срок на 5—6 дивизий, кабеля телефонного на снабжение 10 дивизий, железного провода на постройку линий общим протяжением на 2410 верст, изоляторов на подвеску одного провода на 2.000 верст, крючьев к изоляторам на 700 верст.

Некомплект же в частях, судя по далеко неполным и наспех собранным сведениям на 1 апреля 1920 года, в процентах выражался на всем фронте в следующих цифрах:

	В 15 армии.	В 16 армии.	
Аппаратов Морзе	—	—	Благодаря самоснабжению частей на местах за счет местных почтово-телегр. учрежд.
Телефонов фонических . . .	3%	23%	
" индукторных . . .	23%	36%	
Элементов	75%	69%	
Кабеля телефонного	20%	14%.	

На первый взгляд кажется, что вопрос с имуществом кое-как наладился и уже обстоял не так остро. Но нельзя забывать, что все эти цифры некомплекта относятся еще ко времени неподвижности фронта, когда части совсем обжились на местах стоянок, наладили по возможности прочную связь. При первом же сдвиге, при первом

начале операций процент некомплекта должен был (что и случилось на самом деле) значительно повыситься, так как войска при переходах быстро истратили бы и, главным образом, износили и без того уже потрепанное и требующее ремонта имущество. Поэтому—все эти запасы для фронта были крайне ничтожны, что учитывало управление связи фронта, которое, говоря тривиально, все время теребя центр неустанными мольбами о помощи имуществом, посылая туда ходоков, надоедая своими жалобами и командованию фронта... Еще не был в точности известен характер и план предстоящих операций, а недостаток имущества уже сказывался, и фронт расчитывать на свои силы совершенно не мог.

Все вышесказанное относится, главным образом, к имуществу основных видов военной связи, телеграфа и телефона. Посмотрим теперь, как обстояло в этом отношении дело с имуществом и средствами других видов связи, как радиосвязи и живой связи.

К началу операций на фронте было радиостанций:

Мощных	1
Приемных	5
Пеленгаторных	2
Полевых	16

Состояние их, вследствие крайней изношенности имущества и приборов, оставляло желать много лучшего, запасных радиостанций не было.

Радиомастерские фронта к этому времени находились в стадии формирования и были перегружены ремонтом неисправных радиостанций, при этом, оборудованные в здании, они лишены были подвижности, чем крайне замедлялась работа и затрудиялось обслуживание фронта.

Армейские радиомастерские находились в самом зачаточном состоянии, лишенные какого бы то ни было оборудования и личного персонала.

Для них частично приобретался мелкий столярный и слесарный инструмент, что было связано с большими трудностями, ввиду невозможности получения его от довольствующих снабженческих органов и отсутствия необходимых инструментов на рынке. Естественно, не имея в своем распоряжении самых необходимых станков, при наличии лишь мелкого ручного инструмента, армейские мастерские, как таковые, пользы приносили мало, вследствие чего мелкий ремонт почти целиком производился средствами самих радиостанций, для среднего же ремонта радиостанции направлялись в мастерскую фронта, что, безусловно, в значительной мере тормозило ремонт и перегружало последнюю работой. Говоря про радиосредства, пришлось сразу начать с мастерских, так как никаких отдельных складов радиоимущества на фронте не было, приходилось лишь чинить старое, посылая за каждой мелочью в центр.

„Живая связь“ в войсках западного фронта, из за недостатка имущества и средств, влачила жалкое существование. В отношении наличия и состояния автосредств (легковых и грузовых автомобилей и и мотоциклов) западный фронт безусловно занимал самое последнее место наряду с другими фронтами. Имея второстепенное значение, до начала активных операций, западный фронт определенно и сознательно обходился центром в отношении снабжения его автосредствами и поэтому все заявки и требования оставались безуспешными. Всегда получался ответ, лишний раз подтверждавший второстепенное значение фронта и подчеркивавший необходимость направления всех имеющихся наличных, ограниченных, к тому же, средств, на более активные фронты. В результате, к началу операций на западном фронте—имевшиеся в распоряжении центра незначительные средства были израсходованы. Помимо этого, медвежью услугу оказывал еще не изжившийся, к сожалению, у нас „местный патриотизм“ тех фронтов и армий, откуда перебрасывались на западный фронт части войск. Это уродливое явление заключалось в отбирании имущества, и особенно, автомобильного у уходивших из состава армии или фронта частей. Так напр., от одной из дивизий, переброшенной на западный фронт, армией перед отправлением дивизии были отобраны 16 мотоциклов, 7 грузовиков, 30 самокатов и 1.500 пуд. бензина.

Вот цифры наличия к 1 мая 1920 года на всем западном фронте в частях и учреждениях связи автосредств. По ним можно судить насколько беден был фронт этими средствами, особенно если мы их сравним с цифрами наличия автосредств, хотя бы 5 и 7 армий, не входивших в состав фронта.

НАИМЕНОВАНИЕ.	Автомобилей.		Мотоциклов		Самокатов.	Примечание.
	Легковых.	Грузовых.	Без колясок.	С коляской.		
Западный фронт в составе 15 и 16 армий .	63	57	86	47	114	
5 отдельная армия .	53	73	48	23	36	
7 „ „ .	64	34	30	18	158	

При всем этом необходимо добавить крайний недостаток горючего и неудовлетворительное состояние всех вообще автомашин.

Что же касается других видов живой связи, то говорить про них почти не приходится,—ни один скарм и ни один скадив не имели в начале 1920 года в своем распоряжении более 10—15 конных ординарцев на заморенных лошаденках, которых, по большей части, как это пришлось наблюдать в районе Витебска в конце марта 1920 года

ординарцам приходилось водить большую часть дороги в поводу, так как даже шагом на таких лошадях нельзя было ездить.

И вот с такими то средствами связи пришлось фронту подготовляться к операциям. Так обстояло дело с имуществом и материальной частью, не говоря уже об обозе, который был также в самом жалком виде, но на него даже не приходилось обращать и особенного внимания, уповая на „местные транспортные средства".

С личным составом картина была также довольно безотрадна. Малоопытный, особенно в войсковых частях, состав специалистов, как комсостава, так и телеграфистов, радиотелеграфистов, надсмотрщиков и телефонистов, значительный некомплект их, отсутствие обмундирования и снаряжения для личного состава частей связи,—все это в значительной степени отражалось на службе связи и, следовательно, на взаимоотношениях с командованием, еще не отвыкшим, к сожалению, замечать только недочеты и недостатки связи, а не работу связи. Ожидать пополнений было неоткуда, привлеченные к военной службе гражданские потельработники обычно рассасывались по тыловым и крупным штабам, предпочтительнее в местах своего постоянного жительства и, таким образом, в чисто боевых частях приток этих сил на деле поднятия на большую высоту специальной работы почти совершенно не отражался. Поэтому, с первых же дней управлению связи пришлось принимать меры к налаживанию дела подготовки из сырого материала специалистов различных категорий, как то: механиков, надсмотрщиков, телеграфистов, телефонистов, радио-специалистов и пр. В некоторых дивизиях при частях связи были созданы свои учебные команды и школы, подготовлявшие преимущественно телефонистов и надсмотрщиков; при штармах и штабе фронта были открыты учебные команды (при штабе фронта телеграфно-телефонная учебная команда и радио-телеграфная) для подготовки специалистов высшей квалификации. Эти меры дали возможность фронту немного удовлетворить нужду в специалистах, хотя, по сравнению с требованиями, помощь фронта была очень и очень незначительна.

В частности, в конце марта 1920 года из телеграфной учебной команды при управлении связи фронта было выпущено по экзамену:

Механиков телеграфа	21
Надсмотрщиков	15
Телеграфистов-юзистов	23
Телеграфистов-морзистов	37

После этого выпуска немедленно был произведен новый набор, но учебный план и программы были изменены. К этому времени наметилась необходимость формирования новых частей связи, именно, шестовых, телеграфно-строительных, эксплоатационных рот и армейских батальонов связи, для чего необходимо было значительное количество специалистов, главным образом линейных надсмотрщиков и

телеграфистов. Поэтому учебной команде пришлось изменить несколько свои программы и подготовлять не столько специалистов для полевых телеграфных контор с полугражданской структурой и характером работы, сколько специалистов связи для чисто войсковых частей связи.

На второй прием в учебную команду фронта поступило для подготовки:

Шестовых надсмотрщиков	56 чел.
Надсмотрщиков	72 „
Телеграфистов-морзистов	38 „
Телеграфистов-юзистов	30 „

Фронтовая радио-телеграфная учебная команда в течение 1920 г. до начала 1 польской операции произвела три выпуска специалистов, причем эти три выпуска дали:

Радио-телеграфистов	27
Радио-механиков	27

В армейских и дивизионных школах за этот период было выпущено тоже незначительное количество специалистов для пополнения своих частей.

Но всего этого было крайне недостаточно и управление связи, учитывая потребности фронта, поскольку они выяснились в связи с предполагаемыми активными операциями на фронте, на основании крайне общих и неопределенных указаний командования, приняло меры к массовой подготовке телефонистов и линейных рабочих в 6 запасном телеграфно-телефонном дивизионе и при всех запасных полках фронта. Общее количество подготовляемых и предназначенных к подготовке специалистов доходило до следующих цифр:

В 6 зап. телегр.-телефон. дивизионе	1.500
В частях запасной армии фронта: телефон. .	2.000
„ „ „ „ „ лин. рабоч.	3.000

В Смоленском милитаризован. Политехникуме:

Морзистов	100
Надсмотрщиков	100
Линейных монтеров	100
Линейных рабочих	200

Некомплект же в частях связи и в войсках специалистов связи доходил в среднем до 50%. Таким образом, для пополнения существующего некомплекта в действующих частях фронта и в предполагаемых к переброске на западный фронт, а также для новых формирований требовалось по расчету на 12 дивизий, специалистов: *).

*) Некомплект высчитан, исходя из действовавших тогда штатов по приказу РВСР от 13 ноября 1918 г. за № 220.

Комсостава	252
Механиков	132
Надсмотрщиков	432
Юзистов	48
Морзистов.	480
Телефонистов	6684
Линейных рабочих	936

Эти средние цифры некомплекта и необходимого количества специалистов высчитаные для 12 стр. дивизий, находившихся на западном фронте к 14 мая 1920 года*). Здесь не учтен некомплект в частях и учреждениях связи, не входивших в состав дивизий, в кавалерийских частях и в артиллерии, каковой тоже был значителен. Необходимо было пополнить своевременно части связи, чтобы люди успели обжиться в них, привыкнуть к специальной работе в боевой обстановке. Необходимо было, чтобы с новыми пополнениями ознакомились руководители.

Всего этого, к сожалению, сделать не удалось и пополнения специалистов начали вливаться в части, как говорят, в сыром виде, не натасканные за краткосрочностью подготовки, в практической работе.

Отсюда происходило много мелких недоразумений и жалоб с мест по поводу слабой специальной подготовки. Однако, можно с уверенностью сказать, что, несмотря на тяжелые условия, при которых происходило обучение, уровень знаний выпускаемых был относительно высок и, со временем, приобретя на фронте в период боевой работы практическую подготовку, питомцы связи западного фронта сделались в большинстве случаев ценными и знающими свое дело специалистами.

Вся работа по пополнению и изысканию способов пополнения и качественного улучшения наличного состава велась, хотя и очень энергично, но нервно и отчасти бессистемно. На это с одной стороны оказывала влияние и широта пред'явленных обстановкой на фронте требований к связи, относительная неналаженность работы в самих управлениях и учреждениях связи, а, главным образом, отсутствие со стороны командования, до перемены в личном составе высших руководителей, правильной оценки нужд связи. Это особенно сказалось на работе по устранению некомплекта.

Из прибывающих на фронт пополнений командование почти ничего не давало связи, все просьбы в этом направлении разбивались об неизменные ответы: „сначала необходимо пополнить строевые части стрелками и артиллерию, а затем поговорим с вами". На местах, в дивизиях, начальники связи были лишены возможности соответствующего подбора нужных людей для связи даже из тех крох, которые

*) Точное число единиц: $12^1/_2$ стр. дивизии и $1^1/_2$ кавдивизии (см. „Очерк боевых действий Кр. западного фронта".—Н. Кудрявцев. Изд. Лит.-Изд. Отдела Р. В. С. З. Ф.—1921 г)-

кое-когда перепадали на их долю, так как это обычно были совершенно безграмотные и неразвитые люди, которых обучить, да еще в спешном порядке, довольно трудному специальному делу, конечно, не представлялось возможным. К тому же вечно старый и больной вопрос с недостатком обмундирования—здесь тоже принцип одеть сначала бойца, а затем тыловика, как до сих пор строевое начальство считает телефонистов и прочих специалистов связи—часто тормозил дело того же обучения. В марте месяце, при посещении одной из дивизионных школ телефонистов, приходилось наблюдать факты полнейшего отсутствия у обучающихся обуви; люди все были босиком и скадив говорил, что ему, при переезде из одного помещения в другое понадобилось затратить чуть ли не неделю времени, чтобы постепенно перевести людей, поочередно одевая их в остатки обуви.

При таких условиях, понятно, подготовлять специалистов было трудно, так как приходилось ограничиваться чисто теоретическим обучением в классе, не имея совершенно никакой возможности вести практические занятия в поле по устройству линий, отысканию и устранению линейных повреждений, без чего обойтись нельзя.

Трудно, конечно, в настоящее время подбирать документальные данные об этой „вине“ командования в отношении связи, да и упрекать его, в сущности, нельзя. Благодаря общей заброшенности службы связи в империалистическую войну, большинство из представителей командования и специалистов генерального штаба смотрело на службу связи, как на очень простую вещь, не нуждающуюся ни в известных заботах о ней, ни в обязательной подготовке при разработке каких либо боевых операций. На начальников связи обычно смотрели как на старших телефонистов и шофферов. Каждому начсвязи часто приходилось выслушивать больше „приятных слов“ от начальства по поводу неподачи во-время автомобиля к квартире, порчи телефона, соединяющего две соседние комнаты, чем дельных и справедливых указаний и замечаний, относящихся к действительной организации связи. Не редки бывали и такие случаи, что начальники связи последними узнавали об изменении обстановки на фронте или о переезде штабов и часто, на вопросы и просьбы давать хотя бы прочесть оперативную сводку, начальник связи получал ответ: „да зачем это вам“? Иной раз брались за решение вопросов по связи, но и в этих случаях нередко результатом была отдача приказаний, не согласованных с действительными силами и средствами связи и возможностью выполнения в указанный срок. Это непонимание связи со стороны командования и генштабистов привело к известной телеграмме т. Троцкого и ряду указаний Главкома почти элементарно-азбучного характера об отношениях к службе связи представителей командования и начальников штабов.

Вопросом пополнения специалистами наличных частей связи не ограничилась работа в отношении обеспечения фронта перед операцией силами связи. Приходилось озаботиться формированием новых

частей связи для работ в армейском и фронтовом масштабе по ремонту постоянных линий и магистралей, по усилению их новыми проводами и по постройке новых линий, так как имеющихся в распоряжении фронта сил было очень мало. Так, к началу 1920 года фронт располагал следующими, не входящими в состав дивизий частями связи:

Отдельных телеграфных рот	2
Телеграфных рабочих колонн	6
Телефонных команд	4
Телеграфно-телефонных мастерских	2

Сил этих для ремонта линий и имущества на весь фронт, имевший в своем районе к 1 мая до 6000 верст телеграфных линий с 22.000 верстами провода, не считая линий железнодорожного телеграфа и земских и междугородних телефонных сетей, было до смешного мало. Для подготовки к операции необходимо было в срочном порядке привести в полную исправность все магистрали в передовом районе фронта, а, именно, магистраль Витебск-Полоцк, которая вследствие боевых действий в этом районе не ремонтировалась подряд несколько лет и часто подвергалась разрушениям, как во время немецкой оккупации, так и во время предыдущих столкновений с поляками. Витебск-Бешенковичи, Витебск-Орша-Могилев-Гомель, Гомель-Брянск, Могилев-Белыничи-Березино, Быхов-Селец-Чечевицы и далее в сторону Бобруйска, Орша-Борисов—все эти магистрали приходилось ремонтировать в первую голову не считая тыловых магистралей: Смоленск-Москва, Смоленск-Рославль, Смоленск-Витебск и т. д. Для ремонта были привлечены силы местных почтово-телеграфных учреждений, оказавшие весьма существенную поддержку фронту, но благодаря своей малочисленности, полнейшему отсутствию средств передвижения, материальной и продовольственной необеспеченности рабочих, деятельность их, поневоле, не могла удовлетворить все требования фронта и последнему пришлось обратиться за помощью в центр.

Центром все возможное по тому времени и по общей обстановке на остальных фронтах Республики было сделано и в начале мая на западный фронт были переброшены 6 рабочих телеграфных колонн, батальон связи и телеграфно-телефонный дивизион; все это, однако, подоспело только во время самых операций и, следовательно, о предварительной подготовке многих из указанных магистралей речи быть не могло.

С этими средствами и силами управление связи фронта принуждено было руководить связью во время операций и организовывать ее при дальнейших продвижениях вперед. Вся предыдущая организационная работа естественно отвлекла внимание руководителей связи от разработки плана связи во время операции, хотя и здесь многое было сделано, но не в такой мере, в какой это следовало бы сделать.

II.

Подготовка связи: оперативный план связи. Подготовку 1-й польской операции в отношении связи надо признать малоудовлетворительной по следующим причинам: до последних недель перед операцией, вплоть до смены командующих фронтом и прибытия т. Тухачевского, у командования не было принято определенного решения и плана операции; в принятии решения, повидимому, колебались и, во всяком случае, всей операции не придавался такой широкий размах, какой он получил позднее. Поэтому не было дано определенных указаний по подготовке связи, что, в свою очередь, отразилось и на соответствующем распределении рессурсов. Ремонтировали и подвешивали новые провода в тылу армий, тратили массу энергии и труда для подготовки тыловых магистралей, в частности, магистралей Новозыбков—Гомель, Новозыбков—Брянск и Смоленск—Брянск, будоража центр грандиозностью заявок на материалы и средства для этой цели; что-же касается передового театра военных действий, то к подготовке его относились с большой осторожностью, робко, как будто находясь под сомнением, не придется ли вместо наступления отступать. Здесь сказалась, отчасти, психика большинства руководителей, привыкшего к неподвижности западного фронта, пережиток привычки отступать, выработавшейся в последние войны, оглядывание выше меры на тыл и робкие и осторожные действия по подготовке передового театра войны. Кроме этого, важную роль сыграла перемена направления и района нанесения главного удара противнику. Так, до 1 мая местом нанесения главного удара намечался район 16 армии, куда управление связи фронта и поторопилось выбросить большую часть своих немногочисленных средств и сил связи, а 1 мая, по приезде т. Тухачевского, район главных действий был перенесен на правый фланг фронта, в район 15 армии. Пришлось снова принимать меры к усилению этой армии средствами связи, причем для этой цели было только 14 дней.

В это время рессурсы связи фронта оказались разбросанными по различным участкам 16 армии, строительные материалы также были разбросаны, а частью находились в пути; сосредоточить их во время на нужных участках не удалось; они запоздали не только к началу подготовки операции, но и во время развития операции их еще не было на местах. Эти обстоятельства и вынудили переложить всю тяжесть подготовки операции почти исключительно на силы 15 армии и местные средства, главным образом, на средства Витебского губернского почтово-телеграфного управления.

В распоряжении начальника связи 15 армии к началу операции были следующие средства:

4 рабочие телеграфные колонны, общей численностью в 140 чел.

1 телеграфно-строительная рота, в составе 140 чел.,

3 рабочих партии, составленные из поч. тел. работников Витебского почтово-телеграфного управления, общей численностью в 35 чел.

Всего в распоряжении скарма 15 для ремонта и подготовки к операциям постоянных телеграфных линий, как передового театра действий армии, так и тылового района, было 314 чел., с крайне ограниченным количеством имущества, инструмента и почти без обоза и лошадей. Все эти силы предназначались только для ремонта и постройки новых телеграфных линий постоянного типа, каковая работа сама по себе медленна, связана с необходимостью заготовки и доставки на места постройки громоздкого материала, как то: столбов, проволоки, изоляторов и крючьев и поэтому, естественно, особенной быстроты и подвижности от этих частей нельзя было ожидать. Полевых же частей связи для устройства полевых телеграфно-телефонных линий, как-то:кабельных и шестовых, в распоряжении начальника связи армии к началу операций не было. Плохо обстояло дело и со средствами живой связи в армии. Так, для организации летучей почты с дивизиями, в распоряжении скарма 15 не было ничего, кроме права забирать для этой цели обывательские подводы,—средство очень проблематичное, принимая во внимание полную истощенность обывательских лошадей после зимней бескормицы и недостаток обывательских подвод, на которых ездили стрелковые части, возили войскам продовольствие, снаряды, занимались перевозкой раненых и т. д. Из механических средств связи в распоряжении скарма номинально находились 4 автомобиля, но фактически они возили высших представителей штарма, а не обслуживали связь, и был даже такой случай, когда во время одного из переходов полештарма из одного пункта в другой, скарм со своими аппаратами Юза, влачимыми заморенными обывательскими клячами, плелся пешком верст 20 вслед за уехавшими на автомобилях высшими представителями полештарма.

Для организации радиосвязи в распоряжении скарма 15 были три радиостанции, из которых только одна, полевая, была пригодна к передвижению, остальные две не были приспособлены к полевым переходам и на все время операции оставались при основном штарме в тылу.

В дивизиях, входящих тогда в состав 15 армии, в двух—совсем не было радиостанций (в 4 и 6 дивизиях), а в одной из остальных (в 56 дивизии) радиостанция после нескольких часов работы вышла из строя, вследствие порчи двигателя. Общий некомплект радиостанций в дивизиях 15 армии был в 50%.*)

Такими силами располагал скарм 15 к моменту начала операции. Для полноты картины необходимо сказать несколько слов о состоянии средств и сил связи в дивизиях этой армии.

---

*) К началу операции в состав 15 армии входили 6 дивизий; 4, 6, 11, 29, 53 и 56.

Для связи штадива с штабригами каждая дивизия располагала баталионом связи в составе трех неполных телеграфно-телефонных рот, несколькими автомобилями (в среднем не более трех на ходу), и несколькими мотоциклами (в среднем не более пяти на ходу), при чем ни в одном из баталионов связи фактически не было положенных по штату взводов конных ординарцев, а если и имелось по несколько верховых лошадей, то они, как указано выше, или были в крайне истощенном состоянии и совершенно не пригодны для работы, или же, если могли еще передвигать ноги, то обычно обслуживали старших сотрудников штадивов. В телеграфно-телефонных ротах не хватало более 50% специалистов и до 30% конского состава, автомобили и мотоциклы испытывали крайнюю нужду в горючих и смазочных материалах. Помимо всего этого, существенным недостатком было отсутствие в этих частях хорошего телеграфного кабеля,—его заменял телефонный провод крайне плохого качества и малопригодный для телеграфной работы, особенно на большие расстояния. Благодаря такому кабелю телеграфная связь часто прерывалась, а обслуживающий линии личный состав выбивался из последних сил, устраняя многочисленные повреждения.

Бригады для связи с полками располагали ротами связи с большим некомплектом в людях и конском составе, обозе и телефонном имуществе, ощущая острый недостаток в элементах.

Здесь, к слову, придется отметить и еще одну мелочь, имеющую однако существенное значение, а именно: все телеграфные и телефонные станции, особенно в передовых частях, испытывали крайнюю нужду в осветительных материалах и очень часто буквально сидели в потемках или при свете лучины. Это, в свою очередь, оказывало свое влияние на успешность работы связи, вызывало непроизвольные описки и искажения и повышало нервность и без того задерганных телеграфистов и телефонистов.

Переходя теперь к оперативному плану организации связи перед операцией, приходится снова повторять и подчеркнуть указанное выше: неуверенность и колебания командования до последних дней в принятии определенного решения, общая неуверенность в среде штаба, в том числе и работников связи фронта, в возможности такого грандиозного, на первый взгляд, сдвига и размаха наступательной операции, связанная с недооценкой своих сил, отчасти, неподготовленность и самих работников связи к выполнению таких обширных заданий, скудость сведений о фактическом состоянии постоянных магистралей в районе передового театра войны—все это, вместе взятое, оказало влияние и на составление плана подготовки операции в отношении связи.

Начальник связи фронта, перегруженный чисто технической работой по собиранию имущества, пополнению некомплекта специалистов, формированию новых частей и имевший в своем распоряжении малоопытное с полугражданским характером работы управление, не

в силах был учесть в полной мере важность разработки оперативного плана организации связи и поэтому указания его носили полуслучайный и мало систематизированный характер.

Скарму 15 перед операцией были даны следующие указания в директиве от 1 мая за № 650.

1. Приказывалось подвесить пять проводов от Витебска через Старое Село и Бешенковичи до Бочейково, куда собирался к началу операции перейти полештарм 15.
2. Обеспечить связь армии со своими дивизиями, для чего предписано было придать при наступлении каждой дивизии по рабочей колонне или по взводу телеграфно-строительной роты и сосредоточить в соответствующих дивизиях имеющееся в распоряжении скарма шестовое имущество, а для большей устойчивости связи обратить особое внимание на организацию летучей почты, выделив для этой цели во всех частях связи, до полковых команд включительно, специальные команды и особых начальников.

Разбирая эту директиву, видим: во-первых, вопреки указаниям полевого устава об обязанности организовывать и поддерживать связь от старшего к младшему, на скарма 15 была возложена задача по подготовке связи от полештарма к штабу фронта, между тем, как эта работа должна была производиться средствами фронта; во-вторых, в директиве были даны только общие указания по организации связи, не указано время и место сосредоточения сил и средств связи, а приказания по выделению особых команд для летучей почты были даны без учета и расчета тех минимальных средств и сил связи, которые были в распоряжении армии. Благодаря этому, скарму пришлось все свои наличные средства связи сразу-же разбросать на работы и в тыловом районе и в районе дивизий, для обслуживания нужд последних, резерва-же на случай ремонта линий и проводов при удаче наступательных операций не было. Результатом явилось, что при дальнейшем продвижении вперед большая часть органов связи отстала от боевых частей и не могла не только вести своевременно ремонт проводов вслед за войсками, но и не могла догнать их, оторвавшись на несколько переходов.

Этими указаниями по разработке плана организации связи при подготовке к операции и ограничились. Остальная разработка плана всецело передавалась в руки скарма 15, который приступил к подвеске проводов:

1) на участке Ловша—Улла—Бочейково (расстояние 45 верст) 3-х проводов,
2) на участке Старое Село—Бешенковичи (расстояние 32 версты) 3-х проводов,
3) на участке Бешенковичи—Бочейково (расстояние 18 верст) 2-х проводов.

На производство этих работ скармом была выделена из находящихся в его распоряжении сил большая часть и для выполнения второй части директивы у скарма для обеспечения связи с 6 входившими тогда в состав армии дивизиями остались жалкие крохи.

Выйти из этого положения было трудно и почти невозможно, несмотря на то, что в некоторых дивизиях были наскоро сколочены из своих сил рабочие колонны, маленькие партии для производства спешного ремонта правительственных проводов вслед за боевыми частями. Про организацию летучей почты говорить не приходится. Выше было указано, что, за отсутствием конского состава, вся тяжесть работы по организации этой связи лежала на применении обывательских подвод, носила по большей части случайный характер и, следовательно, считаться надеждой не могла.

Необходимо еще отметить, что с самого начала р звития операции 15 армия попадала в район, бедный хорошими дорогами и с весьма слабо развитой постоянной телеграфной сетью, разрушенной, кроме того, при отступлении противником. Сообщение с тылом с каждым шагом вперед все более и более затруднялось, так как железнодорожный мост через Зап. Двину у Полоцка был взорван и на его восстановление требовалось несколько месяцев, а построенная наспех временная переправа через эту реку часто повреждалась и на ней произошел ряд крушений. На железнодорожной линии от Полоцка в направлении к Молодечно противником был уничтожен ряд станционных сооружений и мостов. Все это, вместе взятое, оказывало сильное влияние на подвоз войскам необходимых припасов и продовольствия и, в частности, на подвоз необходимых средств и материалов для ремонта телеграфных линий во вновь занятом районе. Вместе с тем командование как армейское, так и дивизионное, предпочитало держаться возможно ближе к своим войскам для лучшей возможности руководить ими, что, при слабости связи, неизбежно влекло ее потерю с тылом и, в частности, со штабом фронта.

III.

Служба связи во время операции.

12 мая командзап отдал армиям фронта директиву—перейти в решительное наступление и отбросить противника к Пинским болотам. Главный удар намечался из Полоцко-Витебского района силами около семи дивизий. День начала общего наступления указывался 14 мая; к этому времени должна была закончиться соответствующая перегруппировка войск. Для облегчения управления, помимо двух штармов, 15 и 16 были созданы два штаба групп: Северной и Мозырской, подчиненные в оперативном отношении непосредственно командзапу. Штабы этих групп пользовались для своей работы средствами соответствующих дивизий, как в отношении оперативной работы, так и в отношении связи. Для организации аппарата связи этих новых шта-

бов управление связи фронта ничего не могло выделить, кроме двух-трех аппаратов Юза из своей фронтовой конторы с самым минимальным обслуживающим их персоналом. Таким образом штабу фронта пришлось организовывать и держать связь с четырьмя подчиненными штабами и соседями, не считая связи тыловых штабов между собой, так как на время операции штаб фронта выделил свой полевой штаб, переехавший из Смоленска в Витебск.

Группировка штабов к 14 мая была следующая:

1) Полевой штаб фронта—Витебск.
2) Основной штаб фронта—Смоленск.
3) Штаб Северной группы—Себеж (там-же штадив 48, аппаратом которого первое время до переезда в Полоцк пользовался штаб Северной группы).
4) Полевой штаб 15 армии—Бочейково.
5) Основной штаб 15 армии—Великие Луки.
6) Полевой штаб 16 армии—Могилев.
7) Основной штаб 16 армии—Новозыбков.
8) Штаб Мозырской группы—Гомель.

Связь полевого штаба фронта со всеми армиями была устойчивая по постоянным линиям Витебск--Себеж, Витебск--Бочейково, Витебск-Могилев—Гомель. При этом параллельно проволочной связи была организована вполне надежная радиосвязь.

Связь Северной группы со своими дивизиями (48 и 18—Полоцк) была также устойчива, так как первое время ее части занимали старые места с прочно организованной связью, большей частью по постоянным проводам.

Связь полевого штаба 15 армии со своими дивизиями также была в это время устойчива. Для этой связи скармом 15 были использованы частью постоянные линии, частью полевые кабельные, наведенные средствами дивизий (опять таки вопреки принципу связи „сверху вниз", вследствие отсутствия в распоряжении скарма полевых средств связи). С соседом слева (полештармом 16) поддерживалась связь по линии Бочейково-Витебск-Орша-Могилев. Радиосвязь полештарма была налажена только с тремя дивизиями; с остальными ее не было, за отсутствием в этих дивизиях радиостанций.

Летучая почта была организована с дивизиями частью средствами скарма, частью средствами последних.

Связь в 16 армии и в Мозырской группе была в удовлетворительном состоянии. В 16 армии связь со всеми дивизиями поддерживалась при помощи постоянных проводов по магистралям: Могилев-Орша-Борисов, Могилев-Белыничи, Могилев-Жлобин-Гомель, Могилев-Быхов-Чечевицы, для каковой цели скармом 16 было заблаговременно подвешено несколько проводов.

В таком положении находилась связь до 17 мая.

К 18 числу на левый фланг 15 армии прибыл без войск штаб 5 дивизии, которому были переданы в командование войска 29 дивизии,

а штадив 29 был переименован в штаб Южной группы 15 армии с подчинением ему еще одной 56-ой дивизии. Вновь образованный штаб группы*) располагал следующими силами:

1) батальоном связи 29 дивизии,

2) двумя рабочими телеграфными колоннами,

3) одной радиостанцией.

К этому времени войска 15 армии, перейдя в наступление, сбили правый фланг 8 пех. польской дивизии и весь фронт 1 Литовско-Белорусской дивизии заколебался. Противник стал с боем отходить на укрепленную позицию по линии м. Гомель-м. Ушачь и в направлении м. Березино-Докшицы, очистив также берега зап. Двины. Но на указанной линии ему задержаться не удалось и наши части стремительно преследовали его в направлении на м. Глубокое, Свенцяны, Молодечно и Минск. 18 мая перешли в наступление и части 16 армии, форсировав р. Березину на Игуменском направлении и направили удар частью на Игумен, частью на ст. Жодино.

Быстро увеличивающееся расстояние между войсками и штабами особенно между дивизиями 15 армии и полештармом 15, крайне ограниченные средства связи 15 армии, как скарма, так и скадивов, и необходимость ближайшей связи с войсками вынудило командарма 15 18 мая перейти в м. Ушачь.

Выиграв, таким образом, в расстоянии между штадивами и полештармом, армия, а, вернее, полештарм, оторвался от прочной проволочной связи с тылом и полештазапом, так как к этому времени силами скарма 15 были восстановлены только два провода на участке м. Бочейково—м. Камень.

К 18 мая состояние связи было таково:

1) Полевой штаб западного фронта (Витебск) держал связь:

а) с полештармом 15: по аппарату Юза по постоянным проводам Витебск—Старое Село, Бочейково—Камень; от Камень до Ушачь, на расстоянии 30 верст по летучей почте. К вечеру 18 мая была установлена непосредственная радиосвязь Витебск—Ушачь.

б) с полештармом 16, Мозырской группой и соседями связь оставалась без изменений.

2) Полевой штаб 15 армии поддерживал связь со своими дивизиями: телефонную—по кабельным линиям со всеми дивизиями, налаженную в большинстве случаев за счет дивизий, по радио—с тремя дивизиями, а именно, 11, 53 и 29, по летучей почте—со всеми дивизиями, за исключением 53.

Со штабом Южной группы 15 армии (Лепель) телеграфная и телефонная по постоянному проводу, радиотелеграфная и по летучей почте, при чем последняя, вследствие дальности расстояния, была недостаточно устойчива.

*) Впоследствии этот штаб пошел на формирование штарма 3.

3) Связь остальных групп и 16 армии, как со своими дивизиями, так и с соседями и тылом, была вполне надежна и устойчива.

С этого дня, т. е. с 18 мая, начинается оторванность полештарма 15 от полештазапа в отношении основной проволочной связи.

Радио и летучая почта использовались в недостаточной мере, отчасти благодаря неумелости в использовании этих видов связи, особенно по радио, отчасти, вследствие слабости средств, необходимых для организации летучей почты. Оперативная ориентировка в этот день была дана в полештазап по радио, оперативная и разведывательная сводки переданы по летучей почте от Ушачь до Камень, а из м. Камень переданы в полештазап по аппарату Юза.

19 мая связь оставалась без изменений.

Быстрое продвижение дивизий вперед вслед за поспешно отходившим противником все продолжалось и полештарму 15 в ночь с 19 на 20 мая снова пришлось, чтобы не отстать от своих дивизий, перейти в новый пункт расположения—в д. Зябки, на линию Полоцк—Молодечно, в 40 верстах к сев. зап. от Ушачь и в 70 верстах от м. Камень, последней станции телеграфной связи. Здесь-то и сказался некомплект средств и сил связи, а также недостаточная ориентировка скарма и сказапа в оперативной обстановке со стороны командования о своих предположениях по переходу полештарма при продвижении вперед. Поэтому-то и не могла быть своевременно подготовлена связь по постоянным проводам по линии Полоцк—Молодечно: не было возможности при наличных силах выделить сильные части для скорейшего ремонта этой магистрали, к слову сказать, очень сильно поврежденной противником при отходе с левого берега З. Двины у Полоцка, да и не был оставлен для этой цели хотя-бы маленький резерв сил и средств. Пришлось всю эту работу поручить наскоро сколоченным партиям местного Витебского почтово-телеграфного управления и Полоцким потель-работникам, не имевшим в своем распоряжении ни достаточного количества необходимых материалов, ни перевозочных средств, и испытывавших страшную нужду в продовольствии, так как, несмотря на ряд телеграмм фронта, армейские прод-органы 15 армии долгое время не могли решиться выдавать привлеченным к военной работе гражданским организациям пайка.

20 мая сказапом была сделана попытка организации воздушной связи полештазапа с полештармом 15, для чего, по соглашению с начальником авиации фронта, были срочно вызваны из Смоленска в Витебск два аэроплана. Спустя несколько часов по прилете этих аэропланов в Витебск, они были посланы в полештарм, находившийся в Зябках. Летчик т. Ягелло в тот-же вечер долетел до полештарма и передал срочную оперативную корреспонденцию из штаба фронта. К сожалению, однако, эта связь командованием 15 армии не была серьезно учтена и летчик возвратился обратно в полештазап без каких-либо оперативных сводок, но зато им доставлено было требование полештарма 15 на присылку пуда автомобильного масла, а при полете на

следующий день—требование на топографические карты. Это немного отдает анекдотом, но это факт, зафиксированный специальной комиссией центра, приезжавшей в разгар операций для расследования перерыва связи с полештармом 15. Во главе этой комиссии стояли генерального штаба т. Надежный и помощник начальника связи Красной Армии т. Абаканович. Вот что говорит комиссия в своем отчете по этому поводу. „Наглядным резким примером отступления от § 70 Полевого Устава, а также крупного упущения и неумелого использования технической связи для передачи донесений, может служить возвращение специально командированных за оперативными сводками летчиков, которые вернулись—один только с одним требованием на пуд масла, а другой—с требованием на топографические карты“.

В таком положении обстояло дело со связью до 22 мая. Надежная и постоянная связь полештазапа с полештармом 15 была нарушена, указанные выше попытки сказапа организовать воздушную связь разбились об инертность в этом отношении командования 15 армии.

21 мая в Полоцк прибыла 26 авторота, только что поступившая на фронт и переданная в распоряжение сказапа, и с 22—23 мая восстанавливается сравнительно прочная связь полештазапа с полештармом 15, следующим образом: механическая, на автомобилях и мотоциклах, от полештарма (ст. Зябки) до Полоцка, и от Полоцка до полештазапа (Витебск) по телеграфу. В тот-же день, а именно 22 мая, полештарм 15, вследствие сложившейся боевой обстановки, переезжает из Зябок в м. Глубокое, опять таки не имея прочной телеграфной связи с полештазапом.

Здесь и еще раз придется рассказать случай, зафиксированный комиссией т. т. Надежного и Абакановича, об отношении к связи командования 15 армии. В отчете этой комиссии говорится: „Подобное явление наблюдалось и позднее с авто-мотоциклетной почтой, установленной 23 мая от Полоцка до Глубокого: так, напр., командир 26 автороты, устанавливавший эту почту и явившийся лично в полештарм 15, не получил никаких оперативных документов для доставки штазапу“. Все эти примеры лишний раз показывают насколько инертно относилось командование 15 армии к установлению связи с тылом и ориентировке высшего штаба, все время нервничавшего из-за отсутствия сведений о положении на фронте 15 армии и напрягавшего все усилия к восстановлению связи с ней.

Только 24 мая устанавливается телеграфная связь полештазапа с полештармом 15 по линии Витебск—Полоцк—Глубокое. Состояние связи к 10 часам 25 мая рисуется в следующем виде:

1) Полештазап (Витебск) имел связь:

а) с полештармом 15 (м. Глубокое)—по телеграфу по линии Витебкк—Полоцк—Глубокое; телеграфная связь дублировалась от Полоцка до Глубокого летучей почтой на мо-

тоциклах, а от Полоцка до Витебска—курьерами, посылаемыми два раза в день по железной дороге. Кроме того была установлена радио-связь.

б) Со штабом Южной группы 15 армии (Лепель)—по телеграфу (аппарату Юза) по постоянному проводу и подготовлялась проволочная постоянная связь с новым местом стоянки штаба в м. Березино.

в) С полештармом 16 (Могилев) по телеграфу по постоянному проводу Витебск—Орша—Могилев.

г) Со штабом Мозырской группы (Гомель) по телеграфу, постоянным проводом через Смоленск—Орша—Могилев—Гомель.

д) С основным штабом фронта (Смоленск) по телеграфу (по Юза) по двум проводам: одному—через Витебск—Смоленск, другому—через Витебск—Орша—Смоленск. Кроме того, установлена была связь летучей почтой Витебск—Смоленск на мотоциклах.

е) Со штадивом 48 (Себеж) по телеграфу по линии Витебск-Невель—Пустошка—Себеж.

2) Армейская фронтальная связь:

а) Полештарм 15 (м. Глубокое) со штабом Южгруппы 15 армии (Лепель) по летучей почте; одновременно начальником связи Южгруппы были приняты меры к установлению телеграфной связи с полештармом 15, хотя, строго говоря, прямая обязанность по установлению этой связи лежала на скарме 15.

б) Только что перешедший организованный штаб Северной группы в Полоцке поддерживал связь со штадивом 48 (Себеж) по телеграфу, равно как и с остальными подчиненными Севгруппе частями была установлена устойчивая телеграфная связь, дублируемая летучей почтой.

С 23 часов 25 мая с полештармом 15 была установлена уже прочная связь по телеграфу по аппарату Юза по указанному выше направлению.

Следовательно, к 25 мая перерыв связи с 15 армией был наконец ликвидирован. С этого же дня начинается снова заминка в связи полештазапа,—захромала связь со штабом Северной группы, перешедшим в Дисну.

Вследствие неисправности проводов на участке Борковичи - Дисна, установление телеграфной связи задержалось, радиостанция штаба была выслана несвоевременно и находилась еще в походе, поэтому связь с Дисной пришлось поддерживать при помощи средств живой связи—по летучей почте и отправкой курьеров по железной дороге. Для исправления поврежденных проводов и восстановления телеграфной связи немедленно были приняты следующие меры: из Полоцка на ремонт проводов была выслана рабочая партия Витебского почтово-телеграфного управления, а навстречу из Дисны рабочая те-

леграфная колонна 18 дивизии. В помощь Полоцкой рабочей партии на следующий день был оправлен один взвод телеграфно-строительной роты.

Условия в отношении связи, в которых очутилась Северная группа при переходе в Дисну, в общем, были крайне неблагоприятны. Единственный провод, связывавший Дисну с магистралью Полоцк—Двинск, оказался в ужасном состоянии, в нескольких местах были обнаружены обрывы, линия требовала капитального ремонта и подвески нескольких проводов, как для связи штаба группы со своими подчиненными частями, так и для связи с тылом и соседями. Здесь снова сказался недостаток внимания к предварительной организации связи и отчасти было забыто требование полевого устава, что „выбор места пребывания начальника, по возможности подчиняется удобству службы связи“ (§ 51 полевого устава)—удобства же службы связи в данном случае не было никакого. Вообще, на организацию связи Северной группы сильное влияние оказало и то обстоятельство, что сформированный наспех штаб группы, живущий за счет штабов, сначала 48 дивизии, а затем 18 дивизии очутился совершенно без своих средств и органов управления связью, налаживать связь приходилось за счет дивизий, отвлекая крайне ограниченное их количество для своих нужд и тем ослабляя силы дивизии. В этом отношении сказалась невыгода оперативного об“единения нескольких самостоятельных войсковых единиц путем создания случайных групп, не имеющих своего сильного штабного аппарата и хорошо налаженной службы связи*).

Обратимся еще раз к средствам связи Северной группы. Ремонтно—строительных средств, за исключением одной рабочей телеграфной партии, выделенной из батальона связи 18-й дивизии и прибывшей несколько позднее 137-й рабочей колонны, в распоряжении группы не было. Ремонт же и подвеска новых проводов на участке Дисна—Борковичи были делом неотложным. Фронт помочь ничем, кроме посылки только что прибывшей в распоряжение сказапа 137 колонны, не мог. Приходилось, пользуясь исключительно силами одной рабочей партии 18 дивизии, без достаточного количества линейного инструмента, с неимоверными усилиями произвести в кратчайший срок капитальный ремонт и подвеску новых проводов на участке Дисна—Борковичи, что было выполнено в трехдневный срок. Ремонтом этой линии с подвеской новых пяти проводов связь Северной группы была обеспечена. Три дня—небольшой срок для исправления и капитального ремонта линии расстоянием в 18 верст, учитывая крайний недостаток строительных сил и инструмента, отсутствие транспорта для перевозки рабочих, материалов и столбов, но слишком длинный для перерыва оперативной связи. Будь, конечно, в распоряжении штаба Северной группы свои полевые силы, можно было бы, не дожи-

*) Еще в империалистическую войну, были попытки созданий таких групп (группа генерала Плешкова во время Нарочских операций в 1916 году), вызвавших в свое время много нареканий, ввиду неудобств управления такими группами без своего штабного аппарата.

даясь восстановления постоянной линии, навести ряд кабельных и шестовых линий, что заняло бы, максимум, 6—8 часов, но сил этих абсолютно не было, не хватало и телеграфного кабеля. Кроме того, первое время и руководство службой связи Северной группы находилось в недостаточно опытных руках и только с приезда командированного туда инспектора связи фронта*) это дело наладилось.

После этих всех невязок с 26—27 мая начинается в отношении связи перелом в лучшую сторону.

Так, на 27 мая состояние связи на фронте было таково:

1) Полевой штаб фронта (Витебск) держал связь:

а) Со штабом Северной группы (Дисна) по телеграфу, по аппарату Морзе, телеграфная связь дублировалась посылкой курьеров по железной дороге от Витебска до Полоцка и далее до Дисны летучей почтой на автомобилях.

б) С полевым штабом 15 армии (м. Глубокое) по телеграфу (аппарату Юза) по линии Витебск—Полоцк—Глубокое. Телеграфная связь дублировалась радио и летучей почтой от Полоцка до Глубокого.

в) Со штабом Южной группы 15 армии (Лепель) по телеграфу (аппарату Морзе) по линии Витебск-Бочейково.

г) С полевым штабом 16 армии (Могилев) по телеграфу (аппарату Юза) по линии Витебск—Орша—Могилев.

д) Со штабом Мозырской группы (Гомель) по телеграфу (по аппарату Юза), по линии Витебск—Орша—Гомель.

е) Со штадивом 48 (Себеж) по телеграфу, по линии Витебск—Невель—Пустошка—Себеж.

27 мая перерывов телеграфной связи более двух часов не было. Полештарм 15 в этот ден поддерживал связь со своими дивизиями и тылом по постоянным проводам, дублируя телеграфную связь отчасти по радио и по летучей почте, для которой, впрочем, средства, находившиеся в распоряжении скарма 15 были очень слабы. Для живой связи в распоряжении скарма находилось 53 всадника, 2 мотоцикла, 4 самоката и 3 легковых автомобиля, из которых два были в распоряжении командарма и наштарма.

Предыдущие перерывы связи 15 армии обратили, наконец, на себя внимание и командования 15 армии. 27 мая командармом 15 отдано распоряжение начвосо 15 об откомандировании в кратчайший срок из стоявших в Полоцке бронеотрядов всех легковых машин и мотоциклов в распоряжение наштарма для использования их для нужд связи.

Прервем пока хронологическое изложение состояния связи и посмотрим, что в это время делалось во фронте и какие меры принимались командованием и сказапом к улучшению состояния связи на фронте.

*) Сказапом немедленно при возникновении недоразумений со связью Северной группы был командирован туда инспектор связи т. Воскресенский.

Все перебои связи, происшедшие в начале операции, для управления связи фронта, несмотря на полное сознание недостаточности своих сил, все таки были довольно неожиданны. Запутаться со связью одной армии, со связью, имевшей в глубину не более 200 верст, было и неприятно и обидно. Как ни плохи были средства связи, как ни мало было сил, но все таки, по сознанию самих же руководителей связи фронта, с организацией связи в 15 армии было что то не совсем ладно.

Поэтому, в самом начале перерывов связи, бывший в то время начальником связи фронта генерального штаба Скворцов, ведя по несколько раз в день переговоры с представителями связи Республики, тоже заинтересовавшимися такой „невязкой", настойчиво просил о высылке из центра комиссии для производства расследования по поводу перерывов связи с 15 армией.

Одновременно с этим принимались меры к изысканию способов по улучшению связи фронта, с целью придания ей большей устойчивости и гибкости. В разработке этих вопросов принял участие командующий армиями фронта тов. Тухачевский, по идее которого было положено начало организации на западном фронте сети оперативных пунктов.

Задачей вновь создаваемых оперпунктов было, помимо работы по содействию высшим штабам в управлении войсками в случае невозможности организовать непосредственную прямую связь высшего штаба со всеми подчиненными ему низшими штабами, сбор донесений, обработку сведений и сводок и информация низших штабов в общей оперативной обстановке, облегчение работ по организации связи с целью освобождения полевых штабов армий от забот по налаживанию связи со штабом фронта и расходования на это армейских средств связи. Последнее приобретало особенное значение при выдвижении вперед полевого штаба армии и оторванности его от прочной телеграфной связи. В этом случае оперпункт должен был организовать передачу донесений и распоряжений от конечной телеграфной станции, работающей со штабом фронта по аппарату Юза, до полевого штаба армии с помощью средств полевого телеграфа и летучей почты всех видов. Поэтому, на оперпункты была возложена задача срочно восстановить телеграфные линии и контролировать исправное их действие от конечного пункта прочной проволочной связи со штабом фронта до полевого штаба армии. Начальник оперпункта отвечал за организацию связи армии с тылом и за своевременную подготовку тыловых армейских магистралей для использования их военной связью. В крайних случаях, при наличии прочной связи армии с тылом, в частности, полештарма с штабом фронта, начальник оперпункта обязан был помогать скарму своими средствами для улучшения организации связи армии с дивизиями, не расходуя однако запасов своих линейных материалов и запасов горючего.

По такой идее началась организация оперпунктов на западном фронте, при чем первый оперпункт был сформирован в срочном порядке для поддержания связи с 15 армией и получил название оперативного пункта штаба фронта при 15 армии. В распоряжение начальника этого оперпункта были даны порядочные силы и средства связи, только что переброшенные на западный фронт: один армейский баталион связи, 26 авторота, взвод конных ординарцев, отряд летучей почты с 30 двуколками и, кажется, все средства местного Полоцкого телеграфного узла.

На начальника оперативного пункта 15 армии, помимо общих обязанностей, было возложено фактическое руководство всеми силами и средствами связи, сосредоточенными в районе г. Полоцка (первоначальное место расположения оперпункта 15), в том числе и средствами Витебского почтово-телеграфного управления и обслуживание тыловых районов 15 армии и штаба Северной группы. Как показала дальнейшая работа, оперпункт 15 во главе с весьма энергичным и дельным своим начальником (т. Мансыревым) прекрасно справился с возложенными на него задачами и очень часто благодаря лишь работе этого оперпункта штаб фронта удерживал непрерывную и прочную связь с 15 армией особенно при развитии июльской операции на Варшаву.

В начале, правда, идея создания оперпунктов, имевшая целью освобождение скармов и, вообще, низших начальников связи от забот по организации связи с тылом, чтобы тем самым позволить им направить все свои средства и силы исключительно вперед на организацию и поддержание связи с боевыми частями, не встретила особенного сочувствия, как в среде начальников связи, так и у командования. Первое время большинство начальников связи армий не могло помириться с тем обстоятельством, что иногда вместе с ними в одном районе распоряжаются и начоперпункты, имеющие, на первый взгляд, очень многочисленные средства связи, не подчиненные армейскому командованию и в результате, якобы, не отвечающие за связь армейского тыла.—„Все равно“, говорили скармы, „в случае перерыва связи штарма со штабом фронта, наштарм потянет сначала меня и от меня будет требовать скорейшего восстановления связи, а не от неподчиненного ему начоперпункта. Все равно мне, а не начоперпункту придется принимать меры к скорейшему ее восстановлению. Поэтому гораздо рациональнее передать средства связи оперпункта в распоряжение скарма и подчинить ему оперпункт“.

Приведенный здесь взгляд большинства скармов на оперпункты вскоре переменился, так практическое значение оперпунктов обнаружилось очень быстро; учло всю важность и необходимость создания таких оперпунктов и само армейское командование, приступившее, особенно, в разгар июльской операции к созданию целой сети армейских оперпунктов.

Боевые действия находились в самом разгаре, но уже невязок связи, таких, как были раньше, не было. Тем более, к этому времени

освободились ремонтно-строительные силы скарма 15, производившие работы по исправлению тыловых армейских телеграфных линий, и подтянулись ближе к фронту. Освободившиеся силы были сразу выдвинуты вперед и поставлены на ремонт телеграфных линий от полештарма 15 к дивизиям. Так, 43 рабочая телеграфная колонна, усиленная одним взводом телеграфно-строительной роты повела ремонт проводов на участке Подсвилье—Будслав, по магистрали Полоцк—Молодечно, 90 рабочая колонна была выброшена еще далее вперед на ремонт линии Будслав—Молодечно. Ремонт этих проводов имел своей целью, с одной стороны, упрочить связь армии со своими дивизиями, с другой, заблаговременную подготовку проводов на случай дальнейшего продвижения полештарма 15 для связи с тылом.

4 взвод той же телеграфно-строительной роты вел ремонт проводов в районе Северной группы, от Глубокого на Лужки, а остальные два взвода были приданы Южной группе 15 армии для усиления ее средств связи.

Состояние связи полештазапа в эти дни, а именно, за 28—29 мая было следующее.

Полевой штаб фронта держал связь:

а) Со штабом Северной группы (Дисна) по телеграфу (аппарату Морзе), по линии Витебск—Полоцк—Борковичи—Дисна.

б) С полевым штабом 15 армии (Глубокое) по телеграфу (аппарату Юза), по линии Витебск—Полоцк—Глубокое.

в) С основным штабом 15 армии (Полоцк) по телеграфу (аппарату Юза), по линии Витебск—Полоцк.

г) С полевым штабом 16 армии (Могилев) по телеграфу (аппарату Юза), по линии Витебск—Орша—Могилев.

д) Штабом Мозырской группы (Гомель) по телеграфу, по линии Витебск—Орша—Могилев—Гомель.

В таком состоянии было положение со связью до 2 июня, когда полевой штаб фронта возвратился в Смоленск и организация связи была такова:

Штазап (Смоленск) держал связь:

1) с полештармом 15 (Глубокое) по телеграфу (аппарату Юза), по линии Смоленск—Витебск—Полоцк—Глубокое.

2) Со штабом Северной группы (Дисна) по телеграфу (аппарату Юза), по линии Смоленск—Витебск—Полоцк—Борковичи—Дисна.

3) Со штабом Южной группы 15 армии (Березино) по телеграфу (аппарату Морзе), по линии Смоленск—Витебск—Лепель—Березино.

4) С полештармом 16 (Могилев) по телеграфу по двум проводам (ап. Юза), по линии Смоленск—Орша—Могилев.

5) Со штабом Мозырской группы (Гомель) по телеграфу (ап. Юза), по линии Смоленск—Орша—Могилев—Гомель.

Армии с подчиненными ими штадивами держали прочную проволочную связь при чем в 16 армии связь с 17 и 21 дивизиями поддерживалась через контрольную станцию штарма в Приямино.

3 июня штаб Южной группы 15 армии переместился из Березино в Пышно, но связь с ним не прерывалась; перешли только с Юза на Морзе.

С 5 июня начался частичный отход армий. Наступательная операция или 1-й польский поход закончился. Штармы и штадивы начали отходить, при чем более всех менял места стоянки полештарм 15, переходя последовательно из Глубокого в Зябки (с 4 на 5 июня), из Зябок в Ореховно (7 июня), из Ореховно в Гомель (9 июня) и из Гомеля в Полоцк (15 июня). Однако, несмотря на эти переезды связь с ним была достаточно устойчива, так как наученные предыдущими перебоями сказап и скарм своевременно принимали меры к предварительной подготовке связи на новых пунктах расположения. Связь армий с дивизиями также была достаточно устойчива, при чем особенное применение получила радиосвязь.

В этот промежуток времени из импровизированных штабов Северной и Южной групп 15-й армии были сформированы штабы 4 и 3 армий, из центра подтянулись новые части и средства связи. Снова пришлось заняться черновой и неблагодарной работой по формированию новых учреждений и управлений связи для вновь сформированных штабов, подыскиванием кандидатов на должности скармов и т. д.

Боевое крещение связи произошло. Каковы были результаты его, сейчас увидим.

IV.

Телеграфные линии в период подготовки и операции.

Главные работы во время операции и подготовки к ней, помимо тех организационных работ, о которых было сказано выше, свелись к постройке телеграфных линий и проводов и производились по большей части в районах 15 и 16 армии.

Вот некоторые цифровые данные о количестве произведенных работ:

За период с 1 по 31 мая в районе 15 армии и Северной группы (впоследствии 4 армии) были произведены следующие работы:

Подвешено проводов . . . . 207 верст.
Отремонтировано линий . . . . 126 „
Отремонтировано проводов . . . . . . 689 „

За тот же период операции в 16 армии:

Построено новых линий . . . . . 93 версты.
Подвешено проводов . . . . . . 124 „
Отремонтировано и восстановлено вновь линий . . . . 76 верст.

Отремонтировано и восстановлено проводов . . . . 81 верста.

За второй период операции 16 армией:

Построено линий . . . . 152 версты.
Подвешено провода . . . . $209^{1}/_{2}$ „
Отремонтировано провода . . . . . 455 верст.
Вновь восстановлено линий . . . . $2^{1}/_{2}$ версты.
Вновь восстановлено проводов . . 148 верст.

3 армией (б. Южной группой 15 армии):

Построено линий . . . . 246 верст.
Подвешено проводов . . . . 396 „
Отремонтировано линий . . . . . . 108 „
„ „ проводов . . . . . 200 „
Вновь восстановлено линий . . . . 15 „
„ „ проводов . . . 15 „

Всего армиями фронта за период 1 польской операции:

Построено линий . . . . 491 верста.
Подвешено провода . . . . 936 верст.
Отремонтировано линий . . . . . $387^{1}/_{2}$ „
Отремонтировано провода . . . . 1450 „
Вновь восстановлено линий . . . 66 „
„ „ проводов . . 168 „

Таким образом, несмотря на крайнюю ограниченность сил и средств связи, неправильное их распределение, особенно в начале и перед операцией, цифры произведенных работ имеют довольно внушительный вид.

Для оценки произведенных работ воспользуемся некоторыми данными из отчета комиссии т. т. Надежного и Абакановича, более или менее беспристрастно расследовавшей состояние связи. По их мнению можно судить, насколько напряженно протекала работа связи и что она дала.

В отчете этой комиссии говорится:

„Подсчет сил для организации связи, действовавших в различных направлениях северного участка (правого фланга фронта) дает:

а) для проволочной связи (8 отдельных групп) исключительно для линейно-строительных работ общим числом работников 314 человек, почти без средств транспорта, плохо обученных и слабо снабженных линейно-строительным инструментом; для организации эксплоатации телеграфно-телефонных линий не было никаких средств. Исключая из этого числа администрацию, хозяйственных чинов и обозных нужно считать число рабочих в 200 человек“.

И, далее:

„Исходя из самых благоприятных условий этими средствами можно было бы организовать следующие работы по устройству связи:

а) проволочной—строительные работы могли бы быть произведены при наличии транспорта, материалов, инструментов и хорошо сбитой партии, во первых, по постройке новой двухпроводной линии не более, чем на 80 верст, или, во вторых, по подвеске только двух проводов по готовым столбам на расстоянии до 160 верст; в случае же привлечения части этих сил на эксплоатацию уже построенных линий и узлов, без каковой не может быть уверенности в безотказной работе телеграфа, означенные выше строительные нормы должны быть сокращены в пропорциональном отношении.

Обращаясь к заданию и обстановке по устройству связи в районе северного участка запфронта необходимо отметить расстояние, которое пришлось покрыть связью:

а) По подвеске двух новых проводов на участке Ловша—Улла—Бочейково—45 верст, 2 проводов по направлению Бочейково—Камень—Ушачь г. д. Зябки—77 верст, 2 проводов Лепель—Пышно—Воронец—30 верст; итого подвесок 152 версты.

б) Ремонту линии Полоцк—Зябки—Глубокое 4 проводов—100 верст, Дисна—Полоцк—40 верст, итого 140 верст.

в) Восстановление Полоцкого совершенно разрушенного узла.

г) Организация в Витебске узла связи для штазапа.

д) Эксплоатация линий—Витебск—Полоцк—100 верст, Полоцк—Зябки 62 версты, Витебск—Лепель 102 версты, Полоцк—Дисна 45 верст. Итого 347 верст.

Считаясь с только что изложенным наличием средств связи, нужно признать следующее распределение средств связи по работам:

а) на оборудование Витебского узла. . . 10 чел.
б) „ „ Полоцкого „ . . 40 чел.
в) „ „ Двинского, Бочейковского и Лепельского узлов. . . . . 40 чел.
г) На эксплоатацию магистрали Витебск—Полоцк . . . . 20 „
д) На эксплоатацию магистрали Витебск—Бочейково . . . . 10 „
е) На эксплоатацию магистрали Полоцк—Бочейково—Пышно. . . . . 10 „
ж) На эксплоатацию магистрали Полоцк—Дисна . . . . 10 „

Итого . . . 140 чел.

Следовательно, на все строительные работы и ремонт остается 60 чел., которые необходимо было поставить на 140 в. и 152 в. строительных работ, а всего в общем почти на 300 в., или при одновременной работе всеми 60 рабочими можно было бы закончить работу по организации проволочной связи в течение 14 дней.

Поэтому, если сопоставить эти расчетные цифры, приведенные в отчете комиссии с данными о фактически выполненной работе, то увидим, что сделано было гораздо больше. Все это свидетельствует о той напряженной работе, которую произвели незначительные силы связи при тех неблагоприятных условиях, о которых говорилось выше.

Общая оценка и выводы. Выше говорилось, что все невязки связи, происшедшие в начале операции, для управления связи фронта, несмотря на полное сознание недостаточности своих сил, все-таки были довольно неожиданны, и сам начальник связи фронта просил о присылке специальной комиссии для расследования этих перебоев.

В самый разгар операций из центра прибыла комиссия во главе с т. т. Надежным и Абакановичем, частью выводов и заключений которой мы уже воспользовались.

Чтобы быть беспристрастными в оценке работы связи, мы позаимствуем из документальных данных комиссии ее выводы.

Оперативное руководство связью страдало некоторыми погрешностями, о чем упоминалось выше.

Во-первых, не был точно разработан предварительный план организации связи.

Во-вторых, была сделана ошибка и в заданиях, данных скарму 15. Так напр., было приказано восстановить и подвесить несколько проводов по линии Ловша—Улла́—Бешенковичи, между тем фактически эта линия во время операций не была использована за ее ненадобностью. На эти же работы была брошена часть средств 15 армии что значительно их ослабило и не позволило выкинуть их вперед для подготовки связи с дивизиями.

„Раз сделанная ошибка в расчете распределения рабочей силы и материалов“,—говорится по этому поводу в отчете комиссии центра,—„в дальнейшем ходе операций только путала дело и замедляла распределение рабочей силы и материалов по строительным участкам, чем задерживала самое производство работы, сведя организацию связи, сосредоточению всех сил штарма 15 на работы по организации связи штазапа со штармом и, конечно, со значительным опозданием“.

„Единственной и коренной причиной столь крупной ошибки в проекте организации работ является исключительно отсутствие должной оперативной ориентировки командования фронтом и армией органов СКА, взамен чего им пред'являлись только категорические задания на постройки линий и организации связи. Подтверждением этого служит то обстоятельство, что ни в штазапе, ни в штарме нет раз навсегда установленного порядка передавать письменные оперативные приказы в копиях тем, кого они касаются, как непосредственным исполнителям, т. е. органам СКА.

Было бы, однако, односторонним и пристрастным относить все недочеты в своевременной подготовке связи исключительно к недостатку внимания к службе связи.

И со стороны последней были также промахи и недочеты. Большая часть этих недочетов и промахов и причин их указана выше; здесь отметим только в качестве лишнего штриха замечание той же комиссии: „обнаружилось незнакомство оперативных органов сказапа с положением на фронте (не знали об отступлении, вследствие частичной неудачи, на линии Полоцк—Молодечно)“...

Состояние связи во время операции, помимо указанной выше ошибки в плане организации связи, не всегда было удовлетворительно, особенно проволочной, „отсутствие которой (это касается связи 15 армии) во время операций об'ясняется полным отсутствием средств для организации ее, и ту связь, которая была здесь, возможно было организовать лишь благодаря прибывшим переброскам с других фронтов“.

Радиосвязь во время операции использовалась не в полной мере, отчасти благодаря недостатку средств, отчасти вследствие неумелой ее эксплоатации. Станции загружались длиннейшими радиограммами; был случай в 29 дивизии (радиостанция № 624), когда для передачи была дана радиограмма в 4875 букв или 975 групп; передача такой депеши занимает 4 часа времени, так как по правилам радиокорреспонденции каждая группа повторяется при передаче дважды и квитанция дается полностью. К этому необходимо прибавить предварительную работу по шифрованию и расшифрованию депеши, что заняло не менее 6—8 часов. Таким образом подобная депеша могла быть получена не ранее 10—12 часов после отправки.

В заключение приведем общие выводы комиссии Центра о работе связи во время майской операции.

„I. Не было за данную операцию оперативного общения органов командования с органами связи...

II. Наличные средства для организации были слишком малы.

III. Времени для оборудования связи в районе непосредственных активных операций было недостаточно, принимая во внимание изменение намерений командования, отсутствие заблаговременных указаний управлению связи со стороны оперативного управления о происшедших переменах в действительных передвижениях штабов и недостаточность средств связи на местах.

IV. Игнорирование требований начальников связи о предоставлении для нужд связи перевозочных средств и конского состава для летучей почты.

V. Войска связи на фронте скудно получали пополнение рядовыми красноармейцами.

VI. Части войск связи иногда использовались не по прямому своему назначению для поддержания связи, а в качестве стрелковых частей.

VII. Исследуя ежедневные сводки связи, можно придти к следующему заключению.

1) Связь, хотя и ограниченная, осуществленная тем или иным средством имелась во все время данной операции, но не была в полной мере использована командованием, базировавшимся, главным образом, на проволочной связи и требовавшим только ее.

2) Радиотелеграф, как средство связи, недооценивался командованием, а по сему не использовался им.

3) Механическая связь хромала из за недостатка горючего, покрышек и камер.

4) Летучая почта была в недостаточной степени развернута из за недостатка конского состава и обывательских подвод.

— Большинство этих недочетов относилось к 15 армии, в 16 армии состояние связи за все время было вполне удовлетворительно.

Н. Варфоломеев.

Авангард или авангарды?

(по поводу статьи М. А. Баторского „Преследование и выход из боя").

В восьмом сборнике „Революция и Война" помещена статья М. А. Баторского „Преследование и выход из боя".

Не касаясь вопроса выхода из боя, мы хотели бы высказаться по вопросу организации преследования, так как разрешение этого вопроса, данное автором, нам представляется несколько спорным.

Современные массовые армии, действующие на весьма широких фронтах, очень чувствительны ко всякого рода колебаниям боевой линии. Современные боевые операции крупного масштаба характеризуются сплошь и рядом одновременным применением боев всех видов и, если на одном из участков ведется наступление, то на другом, в преследовании общей цели, переходят к обороне. Мало того, уже в ходе операции по изменившимся условиям обстановки совершенно не исключена возможность перехода от наступления к отходу, зачастую беспорядочному.

В начале своей статьи М. А. Баторский рядом приведенных примеров показал, как легко преследующий и отходящий могут поменяться ролями. Это—если не „закон", как утверждает автор, то почти что неизбежность, с коей необходимо считаться и которую необходимо предвидеть.

Установив эту отправную точку зрения, автор в дальнейшем развитии своей статьи ставит себе задачей разобраться в причинах существования связи между преследованием и отходом и теми мерами, посредством которых оказалось бы возможным избежать печального перехода от блестящего наступления и преследования к вынужденному отходу.

Прежде всего, говорит автор, „многое зависит от плана действий, приводимого в исполнение с об'явлением войны". Важно сразу же сохранить свободу действий и получить широкие сведения о группировке и силах неприятеля.

Сближение сторон в конечном счете приведет к первому сражению. Его необходимо выиграть, ибо этот выигрыш поднимет дух войск. Однако,—оговаривается автор, при современных столкновениях массовых армий, ведущих операции на широких фронтах, трудно предположить, чтобы в этом первом сражении приняли-бы участие все силы обоих сторон. Более вероятно предположить, что это сражение явится, так сказать, пробным и даст сторонам возможность обоюдно познакомиться.

Как бы то ни было, но в результате этой первой операции перед командованием встанет вопрос о необходимости принять дальнейшее решение, которым, по словам автора, и может явиться или 1) продолжать дальнейшее движение для развития первоначально достигнутого успеха и приближения момента решительного сражения, или же 2) отказаться от этой мысли, придя к необходимости оторваться от противника во имя спасения живой силы армии и сохранения свободы действий на будущее.

В первом случае—преследование проигравшего первое сражение противника, во втором—выход из боя и отход.

Вслед за автором, обратимся к исследованию первого случая. Здесь, говорит автор, командованию придется разрешить две *совершенно противоположные цели:* 1) неотступно, не давая опомниться, по пятам преследовать отходящего неприятеля и 2) подвести свои главные силы к полю решающего сражения свежими и с готовым тылом.

Соглашаясь с автором, что перечисленное является, действительно, насущными задачами командования, добивающегося выиграть решительное сражение, мы не видим, однако, здесь никакой противоположности. Можно и должно неотвязно преследовать отступающего неприятеля, стремясь в то же время ввести в решительный бой главные силы свежими. Будет правильным сказать, что это очень трудная задача, от умелого разрешения которой почти целиком зависит успех операции. Однако, нам думается, что сохранение и ввод в решительное сражение главных сил свежими и с готовым, налаженным тылом, должно явиться лишь логическим завершением энергично веденного преследования. И то и другое в совокупности (при умелой организации, конечно,) дадут в результате разгром противника, причем самый акт разгрома, т. е. другими словами, успех сражения, победа—должны быть подготовлены успешностью преследования.

Установив задачи командования, поставившего себе целью выиграть решительное сражение, автор совершенно справедливо заявляет, что первая задача т. е. преследование приводит к необходимости иметь сильные подвижные авангарды, могущие сломить сопротивление арьергардов отходящего противника.

Идя дальше, автор заявляет, что при преследовании на широком фронте крупными силами (армией в 4—5 дивизий) выгодно „иметь один сильный авангард, руководимый опытным и хорошо известным

начальником, чем ряд мелких, неспособных к проявлению инициативы авангардов".

Это утверждение является у автора выводом из следующих предпосылок:

1) Командование определяет по ходу дела возможный рубеж сопротивления неприятельских арьергардов и главных сил. Сбить противника с этого рубежа, ранее чем он успеет на нем закрепиться, явится непосредственной целью действий авангарда преследующего.

2) Опираясь на указания Шлихтинга о целесообразности прикрытия отхода армии одним, а не несколькими арьергардами—применить этот же принцип и в отношении авангардов.

3) Основная задача авангарда преследующего „пробить завесу арьергардов противника и, заглянув глубоко в тыл, произвести у него беспорядок, помешать приведению в исполнение намеченного им плана и своевременно дать знать своему командованию обо всем замеченном".

В результате автор утверждает, что „наступающему, после выигранного сражения, следует обеспечить себя одним сильным, способным к самостоятельным действиям, авангардом, который бросить в наиболее выгодном для себя направлении,—по общему замыслу намеченного плана действий."

Итак, в отличие от общепринятой системы высылки каждой колонной продвигающихся войск своего авангарда, автор считает более рациональным выдвижение одного, но сильного и самостоятельного авангарда.

Каковы же будут направление действий такого авангарда, его задачи, удаление, состав и силы?

Направление действий авангарда автор определяет кратко: авангард выбрасывается в направлении наиболее важном по замыслу будущего плана действий, принимаемого командованием.

Действуя решительно и даже дерзко, широко используя охваты и обходы, авангард прокладывает дорогу остальным частям, боем выясняет обстановку и стремится заглянуть глубоко в неприятельский тыл, дабы произвести там беспорядок и спутать планы неприятельского командования.

Части авангарда должны быть проникнуты духом крайней—энергии и широкой инициативы и быть способными на самопожертвование в нужную минуту.

Прочно связанный со старшим начальником, авангард обо всем замеченном передает в главные силы.

Что касается второстепенных направлений, то таковые должны быть обеспечены небольшими охраняющими частями.

Эти последние в отношении своего продвижения окажутся в полной зависимости от продвижения авангарда. От них не требуется искать боя с противником и боем же выяснять обстановку. Их глав-

ная задача—не терять с противником соприкосновения и обеспечить колонны от неожиданностей.

Их примерная сила автором не приводится, но надо думать, что вследствие пассивности ставящихся им задач и вообще крайне скромной их роли, они будут невелики, а по составу своему заключать, главным образом, пехоту с пулеметами.

Итак, на наиболее важном для преследующего направлении—авангард, на всех второстепенных (остальных?)—заслоны.

Требование крайней подвижности, пред'являемое авангарду уже по духу ставящихся ему задач, определяет и его состав: это—конница (цельная организационная единица) с придачей ей пехоты с артиллерией.

Примерная сила авангарда—не менее дивизии конницы и до бригады пехоты. Кроме того, авангарду д. б. приданы бронечасти и авиасредства.

В действиях авангарда главную роль играет конница, она неотступно двигается за отходящим неприятелем, прорывает завесу его арьергардов. Пехота-же, являясь вообще опорой конницы, закрепляет ее успехи, способствует удержанию захваченного (при контр-атаках противника).

Удаление авангарда—вернее конницы авангарда—3—4 перехода от главных сил. За нею в ½ переходе—пехотная бригада.

Такова организация преследования отходящего неприятеля после проигранного им первого „пробного“ сражения. Главные силы армии, прикрываясь своими охраняющими частями, двигаются вперед, выбросив на главном направлении сильный подвижной авангард, стремящийся прорвать завесу неприятельских арьергардов и проникнуть в тыл противнику.

По мысли автора доминирующее значение такого авангарда огромно. От успеха его действий зависит успех вообще всей операции продвигающейся армии в смысле нанесения ею сокрушительного удара остановившемуся или пытающемуся остановиться противнику.

Вспомним теперь условия, вводимые автором. Речь идет об армии в 4—5 дивизий. В современных условияй фронт такой армии будет очень широк. Так, в летнюю операцию 1920 года 16-я армия, форсировав 7-го июля р. Березину на участке в 50 верст и преследуя отступающего неприятеля, уже к 10 июля имела фронт в 100 верст (5 дивизий). Фронт этот в процессе дальнейшего преследования, вплоть до 15 августа, т. е. в течении месяца, продолжал оставаться в пределах той же цифры с небольшими уклонениями.

В период Пышно—Лепельской операции той же армии (октябрь м. 1919 г.) две дивизии (17 и 52) вели преследование отходившего с упорными боями неприятеля на фронте, колебавшемся в пределах 75—125 верст.

Приведенные цифры показывают, что фронт действий современных армий очень широк. А раз так, то в связи с слагающейся боевой обстановкой, степенью упорства сопротивления отходящих неприятельских арьергардов и местными условиями, командованию армии, задавшемуся целью выбросить сильный авангард на важнейшем направлении, придется основательно задуматься над разрешением ответственнейшей задачи—определить, какое из представляющихся важными направлений следует признать при данной обстановке важнейшим.

Учитывая, что после первого крупного сражения („пробного“) отходящий противник сохранит способность ощутительного отпора; считаясь с местностью, которая на протяжении сотни верст боевых действий сторон, конечно, будет заключать в себе комбинацию участков, исключительно выгодных лишь для одной из враждебных армий; принимая во внимание, что в тылу отступающего неприятеля будут находится крупные, важные для него в том или ином отношении населенные пункты, склады, переправы, железнодорожные узлы, рубежи, особо удобные и выгодные для задержки преследующего—следует, в выводе, признать, что на протяжении современного фронта действий преследующей армии всегда найдется *несколько* важных направлений, среди которых установить важнейшие (т. е. требующее исключительного внимания командования и израсходования на него почти всей стратегической конницы в виде авангарда) довольно затруднительно.

Так, при форсировании частями 16 армии в начале июля м. 1920 г. р. Березины и непосредственном нашем преследовании отошедшего противника, необходимо было считаться с двумя весьма важными направлениями. Одно—на Минск, быстрое овладение которым являлось сущностью армейской задачи. Другое—Бобруйск—Слуцк, ибо наличие Бобруйского укрепленного района сковывало действия левого фланга армии. Это обстоятельство требовало быстрой ликвидации здесь неприятельского сопротивления и ускорения темпа неприятельского отхода, что сильно-бы облегчилось действиями выброшенной в качестве авангагда в район Осиповичи—Талька кавалерийской массы. При удаче мы попутно перерезали-бы и железную дорогу Минск—Осиповичи и шоссе Бобруйск—Слуцк. В дальнейшем ходе событий при выходе частей 16 армии по пятам отступающего противника к р. Буг также определялось два важных направления: одно Дрогичин—Седлец, другое—Брест-Литовск—Луков. И если все же в каждом данном случае устанавливалось важнейшее направление, то успех действий на нем обеспечивался всей группировкой преследующих дивизий и соответственным маневрированием.

Положим теперь, что на фронте преследующей армии (т. е. на протяжении сотни верст) командование определило важнейшее (с точки зрения автора) направление и бросило на него авангард. Идя далее, предположим также, что этой выброшенной вперед кавдивизии удалось проникнуть за завесу неприятельских арьергардов и выйти в

тыл противнику. Теперь посмотрим, каковы же могут быть результаты действий этой конницы?

Вводя понятие „важнейшее направление", мы, очевидно, подразумеваем под этим направление выгодное для нас и наиболее опасное для неприятеля. Отсюда ясно, что нормально действующий неприятель постарается обезопасить себя от всяких нежелательных для него сюрпризов. Соответственной группировкой своих сил, тесной связью, как по фронту, так и в глубину, плотной завесой арьергардов, выдвижением вперед сильной конницы, хорошо поставленной разведкой, налаженным взаимодействием всех родов оружия, широким применением техники и твердым управлением,—неприятель, зоркий и настороженный, отходящий (если мы вспомним) в порядке, постарается перечисленными выше основными мерами воспрепятствовать проникновению за линию своих охраняющих частей наших крупных конных сил, а в случае если-бы он в этом не успел—возможно скорее и полнее ликвидировать наш частный успех. Для этой ликвидации у противника будет достаточно времени, т. к. авангард отделен от главных сил расстоянием 3—4 перехода, или минимум в 2—3 (допустив, что коннице авангарда удастся проникнуть на 1 переход за завесу неприятельских арьергардов). При попытках авангарда проникнуть в тыл противника, ему придется выдержать ряд боевых столкновений, во-первых, с неприятельской конницей, выброшенной в нашу сторону, и во-вторых—с пехотой арьергардов. Весьма вероятно, что эти действия должны будут протекать на известном и при том относительно широком фронте; при этом бои должны вестись накоротке, рядом быстрых энергичных ударов, так как, естественно, конная дивизия авангарда по самой сущности поставленных ей задач не может ввязываться в упорные бои с противником. Ей придется просачиваться по всем направлениям, действуя обходами и охватами, внезапно появляясь, нанося короткие удары и неудержимо стремясь вперед. Но это продвижение, это ясно выраженное стремление авангарда пробиться в тыл отступающего не может, конечно, не вызвать вокруг себя, так сказать, известного шума, известной огласки. Своими настойчивыми действиями авангард прикует к себе внимание неприятеля и вызовет ряд ответных мер.

Основной сутью этих мер явится стремление противника прежде всего ограничить, сузить зону влияния авангарда, хотя бы уже и проникшего в тыл. Командование отступающей армии, здраво оценив положение вещей, будет действовать по методу борьбы с пожаром, охватившим известный участок леса. Такой участок надо изолировать; надо прежде всего положить предел распространению огня. Канавы, просеки—все пойдет в ход. Так и тут. Авангард проник, пробив завесу арьергардов; авангард громит склады, портит дороги и переправы; уничтожает обозы; паника, сумятица и беспорядок разливаются широкой волной. Пусть так. Но эти волны должны встретить твердый мол и в бессилии о него разбиться. Этим молом явятся фланговые

части соседних с пылающим участком неприятельских колонн. Дальнейшему проникновению в тыл помешают части главных сил. И, наконец, пробитые, м. б. частично опрокинутые и распыленные, но не уничтоженные арьергарды противника (их пехота), сомкнутся за прошедшей сквозь них конницей авангарда и окажут первоначальное упорное сопротивление продвигающейся вслед за конницей пехоте авангарда (бригаде).

И перед кавалерийской дивизией авангарда встанет угроза отдельного поражения. Придется подумать о безболезненном выходе из боя. И в результате может получиться „много шума из-за пустяков“.

Опасность же отдельного поражения несомненно будет существовать, так как авангарду придется действовать самостоятельно, без соседей, могущих оказать ему действительную поддержку. Ведь авангард, как таковой, выбрасывается один, на важнейшем направлении. Все остальные направления признаются второстепенными и лишь прикрываются небольшими охраняющими частями слабой силы, далеко к тому-же отстающими в своем движении от авангарда, и последнему придется, как видим, действовать без соседей, в одиночку, полагаясь лишь на свои силы. В результате рано или поздно (и скорее рано, чем поздно) авангарду придется „уносить ноги“, не добившись существенных результатов в общеармейском масштабе, ибо ему трудно будет протянуть время, необходимое для подхода главных сил преследующей армии, которые, конечно, только одни, (при отсутствии сети авангардов равных сил и равного значения) смогут оказать решительное воздействие на волю и планы противника. При такой постановке вопроса (*один* сильный и подвижный авангард на фронте преследующей армии) такая армия походит на судно, идущее на абордаж и викидывающее для этого крюк длинной, положим, в сотню саженей.

Есть и другая сторона вопроса. Это—так сказать, обособленность успеха авангарда, в случае если таковой выпадает на его долю. Этот успех выразится в ударе—м. б. сильном и ощутительном для противника,—но все-же в ударе лишь в одной точке на широком фронте современных армий. Сотрясение, которое испытает неприятель в районе удачных действий авангарда, не может в силу обширности протяжения фронта сторон—значительно отразиться на положении неприятельской армии в ее целом. А на сколько можно судить, автор, высылая свой авангард, преследует цель крайней энергией, дерзостью и стремительностью действий авангарда, этого могучего тарана, опрокинуть замыслы командования враждебной армии. Другими словами, успех действий авангарда мыслится, как решительная подготовка успеха главных сил, т. е. в общеармейском масштабе.

Однако, десятки верст фронта армии противника поглотят успех авангарда без серьезных (т. е. опасных для неприятельской армии в целом) последствий, как поглощает озеро брошенный в него камень. Успех авангарда будет частичным успехом, а так как авангард, рас-

читывающий только на свои силы, действующий без соседей равной силы и одинакового назначения, не сможет развить достигнутый успех, то неприятель, за исключением временно б. м. парализованного, относительно небольшого участка, на всем остальном протяжении своего фронта останется нетронутой целиной, не обработанной в нужном для преследующего смысле. И к моменту второго сражения, т. е. к тому времени, когда отходящая сторона, осев на выбранном рубеже, попытается перейти в наступление, армия преследующего, строго говоря, втянется в это, может быть, решительное сражение без полного использования выгод своего первого успеха, без должной подготовки наиболее благоприятных для себя, а значит, невыгодных для противника, условий боевой обстановки.

Надо думать, что автор, выбрасывая свой конный авангард, образует его за счет стратегической (армейской) конницы, т. к. использование для этого дивизионной конницы вряд-ли можно признать целесообразным.

Раз так, то выдвижение одного сильного конного авангарда на фронте преследующей армии (не менее кавалерийской дивизии) повлечет за собой израсходование всей стратегической конницы, ибо трудно предположить, чтобы в активе армии, за вычетом такого расхода, осталось бы еще что-нибудь. Это—тоже очень существенная невыгода подобной организации преследования. Не останется достаточных сил для обеспечения армейских флангов, для осуществления широкой конной разведки и исчезнет возможность в случае нужды усилить (или пополнить) дивизионную конницу.

Вот те основные возражения, которые можно привести против предложения выдвинуть на фронте преследующей армии лишь *один* сильный, подвижный авангард. Резюмируя их, мы видим, что при предлагаемой автором организации преследования, в результате может явиться: 1) вполне возможная опасность отдельного поражения авангарда, 2) незначительность (в общеармейском масштабе) эффекта достигнутого им успеха и 3) односторонний и пользой дела не оправдываемый расход армейской конницы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Мы далеки от мысли оспаривать несомненную пользу выбрасывания при преследовании вперед сильной кавалерийской массы. Брошенная вслед отступающему противнику, с задачей проникнуть к нему в тыл, причинить всевозможный военный вред и вызвать панику, такая конница крайне затруднит неприятельскому командованию организацию планомерного отхода, ускорит процесс морального разложения в рядах неприятельских войск и обеспечит преследующей стороне полноту успеха.

Примеров подобной боевой деятельности конницы дает не мало и мировая война 1914—1918 г. г. и только что закончившаяся граж-

данская война (известный прорыв германской конницы в районе ст. Солы в августе м. 1915 г. рейд ген. Мамонтова, действия Буденого и пр.). С этой точки зрения следует признать вполне правильными и целесообразными задачи, которые, например, в Игуменскую операцию (май м. 1920 г.,) командование 16-й армии ставило своей коннице (4 кавалер. бригаде) выйти на железную дорогу Бобруйск—Минск в районе ст. Талька—ст. Верейцы с целью взорвать железнодорожный мост через р. Талька и повредить ж. д. полотно; в дальнейшем, обеспечивая левый фланг 8 дивизии, вести разведку в направлении м. Рувнополь—Быкова.

Словом, подобного рода деятельность конницы не нова. Это—часть ее типичных боевых задач, причем, понятно, масштаб таких задач будет в прямой зависимости от расходуемых на них сил. И поэтому автор был-бы вполне прав, назвав действия своей выбрасываемой вперед конницы, как набег, но не приписывая ей роли и значения авангарда, как такового.

В одном месте своей статьи автор ясно дает понять, что предлагаемый им способ непосредственного преследования одним авангардом находится в прямой связи с желанием, ведя неотступное преследование отступающего противника, подвести в то-же время к полю решительного сражения свои главные силы свежими и с налаженным тылом. Это там, где автор, высказывая убеждение, что „предлагаемая схема движения вероятно, встретит не мало возражений“, тут-же далее спрашивает: как совместить вместе задачи неотступного преследования и подвода к полю боя главных сил свежими, констатируя, что „двигаться со всеми силами вперед, не обращая внимания на свой тыл, крайне рискованно и может неминуемо привести, как это и наблюдалось, к полному краху“, автор видит выход из положения в приводимой им схеме движения преследующей армии.

Насколько нам кажется, высылка вперед одного лишь авангарда вместо сети их, мало поможет делу. Во-первых, подобное преследование не будет „неотступным“ в строгом смысле этого слова. Под понятием „неотступности“ преследования мы понимаем не только его непрерывность, но и такое, которое в результате дало-бы связанность противника на всем фронте его отступления. Этого *один* авангард на крайне широком фронте современных армий не даст. Он может достигнуть успеха на одном, хотя-бы и „важнейшем“ направлении, но на остальных у противника руки будут развязаны. Во-вторых, высылка одного авангарда далеко не гарантирует еще подхода к полю боя главных сил свежими. Для достижения этого условия требуются, как нам кажется, другие, более рациональные условия. Размеры настоящей статьи не позволяют подробно разобрать эти условия, но основываясь хотя-бы на опыте летней кампании 1920 г. на западном фронте, можно сказать что, помимо текущей боевой обстановки, надо было полнее учесть и назревающую.

Дивизии 16 армии в результате более чем месячного преследования, усталые, сильно поредевшие, оторвавшиеся от тылов, вышли на подступы к Варшаве и нарвались на заблаговременно укрепленную позицию неприятеля. А затем последовал сильный удар на стык 16 армии и Мозырской группы и наш отход. И наличие Варшавской укрепленной позиции и перегруппировка противника не были для нас неожиданными. Но преодолеть эти трудности нам было нечем: у нас не было свежих сил. Мы вели преследование всеми наличными силами и растрепали их. Между тем, двигаясь за стремительно отходящим противником почти без значительных боев, мы, по нашему глубокому убеждению, могли-бы преследовать отходящего неприятеля лишь частью дивизий, выведя остальные в резерв. И тогда, при подходе к полю решительного боя, если не все, то часть главных сил была-бы подведена свежими. Лишь подобная мера дала бы возможность подвести главные силы свежими. Сеть же авангардов вместо одного сделали-бы преследование действительно неотступным. В результате, обе указанные меры совместили-бы вопрос одновременного разрешения двух задач—неотступного преследования и подхода к полю решительного боя свежими главными силами. Разрешение этих задач, однако, было-бы иное, чем предлагает автор.

Суммируя все изложенное выше, мы останавливаемся на мысли, что преследование на армейском участке *одним* сильным авангардом вряд-ли можно признать отвечающим условиям наибольшего успеха. Будет ли правильным признать, что таковое преследование должно вестись сетью авангардов от колонн войсковых соединений, входящих в состав данной армии. Это будет тем более правильно, что мы, согласно условий, вводимых автором, должны вести преследование на широком участке современных армйй, преследовать противника, проигравшего лишь первый „пробный" бой, сохранившего свою боеспособность и отходящего в условиях известного порядка и планомерности, отходящего с задачей попытаться приостановить, осев на выгодном рубеже, наше продвижение для перехода затем в наступление.

Боевая обстановка потребовала бы от преследующего иметь впереди главных сил сеть таких непосредственно преследующих неприятеля частей, которые совокупностью своих усилий, направляемых к достижению единой, общей цели—подготовки успеха главных сил—сковали-бы противника на всем фронте его армии и действовали бы на всех жизненных направлениях его отхода. Такими частями, по нашему мнению, и являются авангарды колонн преследующей армии.

Состав, сила, удаление, задачи, способ действий и возможности достижений таких авангардов получили достаточно широкое освещение в военной литературе и потому мы не станем касаться этих вопросов.

М. Баторский.

Прохождение службы командного состава строевых частей.

С переходом армии на мирное положение, численного ее сокращения и связанного с этим упразднения ряда учреждений и органов военного ведомства, вероятно окажется известный сверхкомплект командного и административно-хозяйственного состава, который позволит произвести известную фильтрацию и отслоение слабых работников из армии и увольнение известного процента в резерв с сохранением на особом учете.

Предстоящее отсутствие потерь командного состава и периодическое поступление его с курсов, пополняющего ряды армии, приведет к численному приращению командного состава и позволит опять-таки произвести известное отслоение.

Все это, вместе взятое, приведет к необходимости подумать о создании вполне определенных положений, касающихся прохождения службы командного состава в рядах Красной армии и состояния в резерве.

Вопрос этот принадлежит к числу тех, которые станут со временем, одним из наиболее животрепещущих, т. к. в интересах армии иметь лучший командный состав, однородный по подготовке и взглядам на военное дело, преданный стране и правительству, авторитетный в глазах подчиненных и любящий свое дело. Этого можно достигнуть соответствующей подготовкой и воспитанием, правильно поставленным прохождением службы и материальной обеспеченностью. Не касаясь вопроса воспитания и подготовки, попробуем несколько разобраться в деле прохождения службы.

Во время войны, армия пополняла свой командный состав путем привлечения в ее ряды бывших офицеров, выпуском красных командиров и назначением на командные должности лиц из самых рядов Кр. Армии, зачастую не имевших специальной военной подготовки.

В мирное время, наиболее вероятным источником пополнения, явятся командные курсы, выпускающие молодых командиров.

В отличие от военного времени, наступающая пора мирного строительства потребует от Красной Армии серьезной работы и обучения. На нее будет обращено все внимание. Многие ее теперешние начальники, прекрасно работавшие в боевой обстановке, окажутся неспособными к инструкторско-учебной работе по недостатку своих знаний. Другие окажутся несколько устаревшими и уставшими от работы за последние три года напряженной войны.

Естественным последствием этого явится необходимость производства известной перетасовки командного состава в армии.

В частности, не подходящих по состоянию здоровья или возрасту, придется поставить на административно-хозяйственные должности, или уволить в резерв чинов командного состава.

Лиц, коих выдвинула революция, но с слабой подготовкой, придется обязательно пропустить через соответствующие повторительные курсы командного состава (ротных, баталионных, полковых, бригадных).

Начальников дивизий придется пропустить слушателями академии, заставив их пройти годичный курс, или организовав для них особые курсы.

Лиц, отвечающих по своей подготовке занимаемым должностям, оставить на месте.

Таковой будет примерно первоначальная реорганизация в командном составе, которую можно будет осуществить при наличии известного избытка, получившегося от сокращения армии.

В дальнейшем, при однотипной програме на курсах и школах командного состава, в армию будет поступать довольно однородный состав. Придется лишь установить для него определенный порядок прохождения службы и дальнейшего выдвижения.

В Европе армии знают две системы прохождения службы:— производство в следующий чин и связанное с этим повышение на командных должностях по старшинству или за выслугу лет и вне очереди за отличие. Иначе говоря, производство в следующий чин, связанное с выслугой определенного числа лет, гарантировало назначение на высшую командную должность; или же выдвижение на высшую командную должность производилось вне зависимости от чина.

В Красной Армии чинов нет и нет определенного положения, служащего мерилом для пребывания на одной и той же командной должности.

Все было построено на способностях и индивидуальных качествах отдельного лица, его боевом счастьи и аттестации.

В мирной обстановке случаи быстрого выдвижения будут скорее исключением. С другой стороны, будучи периодом подготовки к будущей боевой работе, каждая должность потребует более детального

ознакомления с ней соответствующего командира. Вследствие этого дальнейшее выдвижение придется обусловливать какими-то рамками и построить его на обязательстве просидеть на известной должности определенное число лет. Дальнейшее выдвижение производить или по выслуге установленных сроков службы, или вне очереди, за отличие наиболее выдающихся. Как то, так и другое выдвижение должно вестись на основании аттестаций.

Какие будут установлены сроки выслуги—неизвестно, но теоритически и по опыту прежних армий можно сказать, что в 1-й год командир взвода только учится, на второй год начинает быть командиром взвода и лишь с 3-го года подходящ и знает свое дело. Следовательно, для командира взвода надо нормально установить 3-х годичный срок, а для выдающихся сократить его на 2 года.

Следующая ступень—пом. командира роты. Срок службы на этой должности не меньше 1 и не больше 2-х лет, после чего он уже получает роту, батарею, эскадрон. При этом ежегодно, или через каждые 2 года, командному составу производится испытание в знании устава и в основных военных науках.

Таким образом, при нормальных условиях, по истечении 5-ти лет можно стать командиром роты, эскадрона, батареи. Наиболее выдающиеся могут достигнуть того же на 3-м году.

Сколько лет нужно пробыть командиром роты, эскадрона, батареи, чтобы получить возможность перейти на следующую ступень—командира баталиона, командира дивизиона, или помощника командира полка или дивизиона в кавалерии?

Опыт в старой армии показал, что хороший к-р роты, батареи, эскадрона вырабатывался обыкновенно на 3-м году, что хорошо командовали ротой, эскадроном, батареей до 4-х лет, после чего забрасывали дело. Исходя из этих данных, можно считать, что наименьшим сроком командования для выдающихся может быть 2 года, для остальных не свыше 4-х лет, после чего им должно последовать повышение или перевод на адм.-хоз. должности.

В отношении артиллерии придется внести некоторые поправки и изменить сроки в смысле их увеличения, т. к. по существующей организации следующей за командиром дивизиона ступенью явится начальник артиллерии дивизии. Вероятнее всего, что для получения этой должности помимо прохождения курса в стрелковой школе потребуется командование отдельным гаубичным или тяжелым дивизионом, отбросив существовавшее ранее разделение на специалистов по тяжелой и легкой артиллерии, которое несколько неправильно. Таким образом, для артиллеристов придется оговорить сроки от к-ра

батареи 3—4 года, командира дивизиона 2—3 года. Командир отд. дивизиона—2—3 года (тяжелой гаубичной). Кроме этого, год в качестве завхоза. После этого уже допустима линия нач. артиллерии дивизии.

Для инженерных войск сроки следует увеличить: на ротного командира не менее 4 и не больше 6-ти, командира баталиона от 2—4 лет, после чего уже в дивизионные инженеры. За это время командования ротой требуется командование саперной и дорожно-мостовой ротой и пробыть в должности завхоза в течении года.

При этом дальнейшее продвижение допустимо не иначе, как по прохождении курса стрелковой школы пехоты, артиллерии, кавалерии, где-бы командиры готовились к роли высших начальников, причем 50% в армии должно пройти курс школы до принятия баталиона, дивизиона, а 50% перед принятием полка. Такое разделение необходимо, ибо иначе школы не справятся с числом слушателей (пехоты будет одновременно до 1500 комбатов, ее придется, естественно, разделить на группы, пропуская ежегодно часть из них). При вышеуказанных расчетах, командования баталионом можно достигнуть на 7-ом, или 9-ом году. Следовательно, если считать, что в части командиры будут выпускаться из школ, или курсов в возрасте от 21—23 лет, баталионные командиры будут люди в возрасте от 25 до 30 лет—младшие и 28 или 32—старшие.

Стаж командира баталиона можно ограничить 2—3 годами, после чего означенное лицо может расчитывать на повышение в должность помощника командира полка.

Эта должность является подготовительной для принятия полка. На этой должности следует продержать не менее одного года и не больше 2-х лет. После чего помощника к-ра полка следует провести в течение года через должность заведывающего хозяйством полка, дабы к командованию части он был всесторонне знаком с работой начальника части. После этого, такое лицо может принять полк. Таким образом, к 30-м годам или 36 годам, по прослужении 9—15 лет в строю можно расчитывать получить полк.

Дальнейшее выдвижение на бригаду и дивизию следует предпочтительнее осуществлять выдвижением в первую очередь наиболее выдающихся, но все-же придется оговорить определенный срок командования полком, который не должен быть меньше 2-х лет и до 4-х лет. При таких условиях в 32 года можно расчитывать на получение бригады, самое позднее на 38—40 году.

Таким образом, должность командира бригады можно получить на 11 или 19 год, а равнозначащую ему должность начальника ар-

тиллерии дивизии на 9—13 году, дивизионного инженера на 10—16 году.

Придется считаться с тем, что ввиду существующей организации в Красной Армии, где высшей единицей является дивизия, прохождение службы будет обеспечено сравнительно равномерным и быстрым движением до командира бригады, так как эти должности будут сравнительно часто меняться. За то в дальнейшем движении на дивизию, может получится затор.

Между тем, держать командирами бригад лиц свыше 4-х лет не следует. Тоже и в отношении дивизии. Иначе мы получим начальников не подходящих по возрасту и мало интересующихся своим делом, которое им, при длительном пребывании на одной и той же должности, надоест. По этому можно считать наиболее приемлемым иметь на должностях начдивов лиц не старше 50 лет. Наиболее молодые могут достигнуть этой же должности в 38 лет. Недостигшие ее в 50 лет, должны уходить. Вышеизложенная схема приводит к новым выводам о необходимости ввести для определенных должностей возрастной ценз, который явится также своего рода мерилом и приведет к тому, что на строевых должностях окажется более молодой и способный элемент.

В старой армии такой ценз существовал для обер-офицерских чинов, штаб-офицерских и генеральских. При чем он был сравнительно очень велик (для обер-офицеров до 45 лет).

К организации Красной Армии он не вполне применим; здесь придется идти по иному пути, а именно: принимать на курсы лиц в определенном возрасте от 19—21 года. Затем поставить дело в армии так, чтобы никто не мог просидеть на определенной строевой должности свыше того числа лет, которое указано выше то-есть:

Наименование должности.	Пехота и кавалер.	Артиллер.	Инж. войска.
Комвзвода	2—3 года.	2—3	2—3
Помкомрот (бат.)	1—2 „	1—2	1—2
Комроты (бат.)	2—4 „	3—4	4—6
Комбаталионы	2—3 „		2—4
Комдивиз		2—3	
Пом. ком. полка	1—2 „		
Завхоз полка и дивиз. .	1 „	1	1
К-р полка	2—4 „		
К-р отд. дивиз. (тяж. или гауб.)		2—3	
К-р бригады	2—4 „		
Начартдив		4 и выше	
Дивинжен			4 и выше.
Начдив	4 „		
	17—27	15 и выше	15 и выше

Если взять за основу выпуск лиц достигших 21 года т. е. поступающих 19 лет получим:

21+17=38
21+27=48
21+15=36
21+15=36

Для поступающих на курсы в возрасте от 21 года и выше срок увеличить на 2 года и больше.

К установленному сроку не получат повышение наиболее слабые, то-есть те, которые представляют наименьшую ценность в строевом отношении.

Но при этих условиях естественно возникает вопрос, куда уходить.

В будущей своей структуре, армия должна быть построена на таких началах, при которых всякому лицу прослужившему известное число лет в армии, была бы обеспечена возможность ухода в резерв, если он не хочет продолжать военную службу, или перевода на адм.-хоз. и тыловые должности в армии тем, кои не опорочили себя во время службы неблаговидными поступками, но для службы в строю непригодны, что опять таки выяснится лишь в ближайшие 5—6 лет их службы.

Таких лиц выбрасывать на улицу нельзя. Правительство должно гарантировать им службу. Лишь при этих условиях можно избегнуть превратить ряды армии в богадельню или место для негодного к несению службы элемента.

В старой армии на это не обращалось должного внимания и войска имели в своих рядах лиц, подлежащих безусловному из'ятию.

Не следует однако и в будущем допустить этой ошибки. Служба на административных должностях должна быть также ограничена возрастным цензом, но значительно большим.

Все то, что вообще порочно и негодно, должно быть из'ято вовсе из военного ведомства и о нем правительство заботиться не должно.

Все, что сильно и способно, должно выдвигаться по линии строевой до определенного возраста, после чего правительство предоставляет ему или дальнейшее выдвижение пом. командующего войсками и командвойсками, или дает какую либо административную должность, или по в.-уч. ведомству. Лица могущие и проявившие желание работать, но отяжелевшие для строя, должны механически сниматься и переводиться на должности по административно-хозяйственной линии.

Если они не знакомы с этой работой, их командируют на соответствующие курсы, или прикомандировывают к соответствующему

управлению на год, после чего уже они переводятся. На время пребывания их на курсах или в прикомандировании к управлениям должность, занимавшаяся ими в части, считается вакантной, а сами они зачисляются на это время сверх штата при полку.

Может быть еще категория лиц командного состава, которая, прослуживши определенное число лет и достигнув больших должностей, либо по собственной воле или изменившемуся состоянию здоровья и другим причинам, захочет совсем покинуть военную службу и перейти на гражданскую, не питая любви к канцелярской работе.

Эту категорию лиц также надо иметь ввиду. Обеспечить их следует и к предоставлению известного % должностей военному ведомству, должны быть готовы гражданские учреждения.

Но в этом вопросе мы можем столкнуться с фактом незнакомства командного состава с работой в граж. учреждениях и отсутствия у них специализации, вследствие чего может последовать отказ, или будет предложено начать с азов, что неудобно и незаслуженно и, наконец, поставит бывшего начальника в тяжелые условия с новыми подчиненными‘ лучше, чем он, знакомыми с работой и делом на новом месте. Вопрос этот в достаточной мере серьезный и на нем следует остановиться более подробно. В то-же время должен отпасть, существовавший в старой армии кастовый и обособленный характер армии, благодаря которому командный состав носил несколько специфический характер, будучи только командным составом, совершенно не приспособленным к общегосударственной работе, оторванным от таковой и с нею не знакомым. Армия с страной должна составлять одно целое и каждый член ее семьи должен быть способен в случае надобности оказать содействие и в других отраслях на трудовом фронте.

Но для этого должна существовать связь между армией и прочими органами, работающими для процветания страны, участвующими в ее хозяйственной и промышленной жизни.

Будущие командиры будут поступать из рабочей и крестьянской среды, первоначально связь их с фабриками, заводами и пр. предприятиями утрачена не будет, но, со временем, по мере увеличения числа лет, проведенных на командных должностях и полученного образования, эта оторванность будет расти. Мало вероятий, чтобы прежний рабочий, ставший командиром полка или бригады, оказался бы способным сразу снова вернуться к станку или взяться за плуг и соху.

В то-же время, отставши от прежней профессии, ему будет трудно проследить за ее эволюцией, а отсутствие более широких знаний в этом деле лишит его возможности принять более широкое участие по этой отрасли на более ответственных должностях, в случае его ухода с военной службы. По этому казалось-бы вполне желательным

по мере соответствующего развития и повышения в военном деле, параллельно предоставить этим лицам право самообразования или прохождения и знакомства с отраслью промышленности и сельского хозяйства в более широком маштабе.

По времени это вполне осуществимо, ибо у командного состава служба в части отнимет в конечном счете не больше 4-5 час. в день.

Вечера у них будут свободны, они могут быть использованы на посещение вечерних занятий в университете или на различных курсах, в зависимости от степени образовательного ценза и стажа данного лица.

В каждом городе имеются школы, а в наиболее крупных центрах университеты и другие специальные учебные заведения. Можно было бы обязать организовать на них специальные вечерние лекции для лиц командного состава данного гарнизона.

Такая постановка дела позволит подготовить не только военспецев, но и попутно ряд других спецев, которые смогут, в случае надобности, оказать существенную помощь на трудовом фронте, на котором они окажутся не последними работниками, т. к. помимо знаний, военная школа даст им умение работать организованно и дисциплинированно, чего у гражданского элемента не будет.

С другой стороны, возможность дальнейшего развития своих познаний не оторвет их от работы, которую они несли раньше, сохранит связь их с соответствующим профессиональным союзом и, в случае желания уйти, позволит расчитывать на то, что в той или иной области они не будут незнайками, а смогут почти сразу занять соответствующую должность. При этом переход может быть осуществлен двояким образом: сразу же путем перечисления в резерв и передачи в гражданское ведомство, или прикомандированием к соответствующему ведомству с тем, чтобы по истечении $^1/_2$ года, по ознакомлении с работой, состоится перевод. При этом, если предоставляемая должность окажется материально хуже обставленной, за данным лицом сохраняется прежний оклад и связанные по должности преимущества, пока он не сравняется в окладе путем повышения на новом месте.

Эти гарантии материальной обеспеченности, равно как и уверенность в возможность получить определенное положение и в случае ухода со службы из армии, будут способствовать качественному ее улучшению, т. к. позволят сравнительно безболезненно отсеивать все лишнее и более слабое, неспособное переносить тягости военной службы.

С другой стороны, страна не будет иметь только узких специалистов, знающих одно лишь военное дело, а приобретет ряд ценных работников для трудового фронта.

Стремление к расширению своих познаний надо широко приветствовать и развивать, добиваясь того, чтобы каждое лицо командного состава помимо военного дела было знакомо и с какой нибудь работой или специальностью, если не всегда практически, то теоретически.

Так как окажется необходимым по условиям стратегическим держать часть войск на границе или в таких районах, где фактическое усовершенствование или развитие знаний не осуществимо, военному ведомству придется такой командный состав периодически переводить в более культурные центры, дабы он мог также развивать себя и окончательно бы не одичал.

Теперь остается еще рассмотреть вопрос состояния в резерве командного состава и способы поддержания в нем знаний военного дела. Раньше на резервистов смотрели, как на элемент, совершенно пропавший для армии. Ничему они не учились, прежние скудные познания прапорщика запаса забывались на 2-3 году, равно как и те более солидные в чинах офицеры, которые по выражению строевых, также весьма быстро обрастали в резерве мохом.

В общем, с призывом резервистов из запаса, таковые поступали в ряды армии без знаний и совершенно чужими, оторванными от нее.

Если обязанность армии готовить военных людей и в то же время сохранить в них способность к работе на трудовом фронте, на ее-же обязанности лежит следить за тем, чтобы ушедший из армии в резерв командный состав сохранил воинский вид и знания и, ставши трудармейцем, мог бы, в случае надобности снова вступить в ряды армии, сделавшись и в ней полезным членом семьи.

Достигнуть этого можно следующим путем: 1) сохранением непрерывной связи чинов резерва с воинскими, 2) постоянным периодическим освежением их знаний и привлечением их в ряды армии для отбытия различных сборов.

Первое можно достигнуть постоянным общением ушедших в резерв с своей частью, т. е. вовлечением их тем или иным путем в жизненный водоворот армии, когда резервист сохранит связь с той частью, из которой ушел, если по месту жительства находится от нее поблизости, или привлечением его по новому месту жительства к жизни другой части. Большое значение будет иметь сознание резервиста, что в случае мобилизации он попадает в такую то часть, с которой он связан прошлой службой, с другой стороны и часть будет смотреть на него, как на своего близкого человека. Второе может быть достигнуто проверкой знаний, путем прохождения в известные периоды поверочных сборов и экзаменов.

То и другое лучше всего осуществлять в период лагерных сборов или маневров.

На этих сборах резервист будет освежать имеющийся у него багаж знаний, пополнять их теми новыми веяниями, которые будут проводиться в армии, а экзамены послужат проверкой степени усвоения им военного дела. В зависимости от проявленных познаний и способностей, резервист может постепенно продвигаться вперед (конечно, с ограничениями по сравнению с строевыми сверстниками) и расчитывать на известное повышение, если не на строевых должностях, то для замещения тыловых.

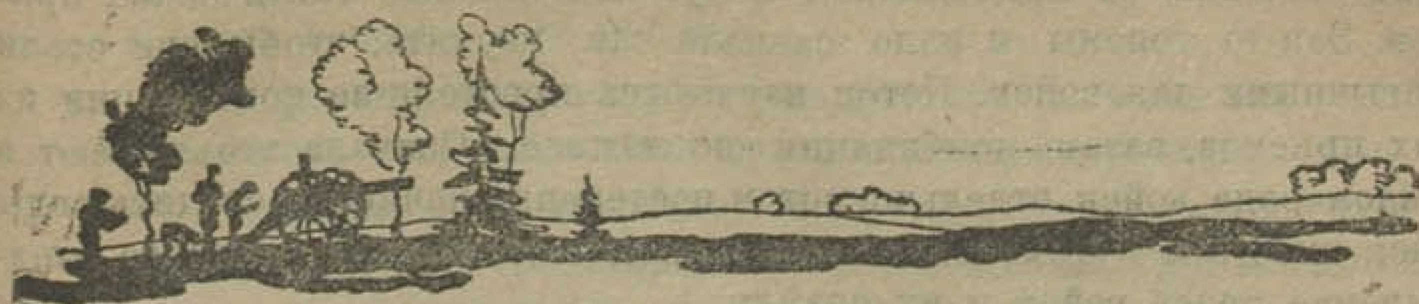
Между прочим, эта возможность выдвижения и при нахождении в резерве для многих послужит стимулом к тому, чтобы не забросить окончательно военного дела. С другой стороны, это даст армии возможность иметь в своем запасе лиц различной категории для замещения должностей, как высших, так и низших, что окажется весьма существенным в период развертываний армии при мобилизации. На этих лиц можно будет возложить ряд командных должностей в тылу, к этому они окажутся вполне приспособленными и подготовленными.

Это в особенности существенно по отношению тех лиц, которым придется занять должности в военное время, которые по дислокации мирного времени отсутствуют, как например: этапы, жел.-дорожная охрана и т. п.

По примеру немцев им придется еще в мирное время, путем призыва на большие маневренные сборы, производить тщательную поверку знаний своего дела по специальности. Надо полагать, что при такой системе армии будет обеспечено наличие наилучшего элемента в строевых частях, хорошего контингента на административно-хозяйственных должностях, но в более зрелых годах и готовые крепкие кадры в лице резервистов, представляющих с армией одно целое, и не оторванных от нее, как это было раньше.

Развитие и осуществление изложенных положений, в конечном счете, будет зависить от той программы и положений, которые будут намечаться военным ведомством при рассмотрении вопроса прохождения службы командным составом. Поэтому изложенное может быть рассматриваемо, лишь как пожелание, и преследует главным образом цель вызвать по этому вопросу обмен мнений.

Полевая подготовка курсантов.

Общие указания.

Мы должны поставить целью изучение методов обучения войск и способов ведения боя.

При изучении методов и способов было бы напрасным трудом работать без учета *человеческой души, нравственных сил бойца;* наоборот, эти последние только и определяют практическую ценность методов и приемов.

Нужно знать, что человек только то хорошо делает, что *привык* делать. Для приобретения привычки нужна *настойчивая практика.*

Лучшие знатоки дела подготовки войска к бою всегда утверждали и на деле доказали, что мало плодить курсы (учебники), читать, решать задачи на планах и только этим ограничиться; *решительно необходимо перенести тактику в поле, разложить ее на ряд практических приемов, которые надо показывать так, как показываются уставные эволюции и ружейные приемы, т. е. „с разделением и по приемам“.*

И раньше замечалось и особенно теперь замечается увлечение маневрами. Почему-то считают, что после занятий в казармах и на плацах сразу можно выходить в поле и делать маневры. Обыкновенно совсем забывают поинтересоваться, в какой мере части готовы к маневру. В результате маневра чаще всего руководители получают разочарование, а исполнители бесполезное изнурение.

Тут все приводит в уныние: связь не работает, начальники не умеют отдавать приказания, пулеметы являются какой-то обузой, войска не умеют использовать местность, нет даже ничего похожего на взаимодействие родов войск и проч...

Тут-то обыкновенно и ясно становится, что не знают элементов полевого дела, а потому и не клеится маневр.

Нам нужно установить следующий твердый взгляд на пользу маневра. Выше сказано, что тактику нужно проходить путем показов в поле с разделением и по приемам: ясно, что маневры ни в каком случае не могут считаться таким показом, так как на маневрах надо

не учиться, а применять уже хорошо изученное: маневр есть явление очень сложное, он представляет целую комбинацию тактических приемов. Эти-то приемы и надо сначала так изучить, чтобы они стали привычными для войск. Потом изучаются простейшие комбинации из этих приемов, затем комбинации посложнее. Сначала это делают в каждом роде войск отдельно, потом постепенно начинают сводить роды войск вместе и путем комбинации приемов производят взаимное ознакомление родов войск и их спайку.

При всей этой большой упорной работе обязательно соблюдение важнейших педагогических приемов:

1) итти от простого к все более сложному, не показывать сложного, не показав отдельно частей его и

2) зараз много не показывать.

Раз говорилось о маневре, то существенно важно усвоить еще следующее. Мы знаем все, какое преимущественно важное значение придается почти всегда при разборе учения—маневра тому, кто как стал по отношению к своему противнику, кто охватил, обошел и проч. Бывали и бывают начальники, которые решаются по этому признаку об'являть победителей и побежденных. Мы должны все одинаково мыслить в этом деле и твердо знать, что: 1) *маневр есть только движение,* которое само собою врага не одолеет, а только ставит нас в выгодное по отношению к нему положение для действия оружием. Пока действия оружием нет, то и ничего нет, все дело в этом самом „действии". Самый лучший маневр может окончиться поражением и самый худший—победой. 2) На маневрах нет настоящего боя, „действия", значит, кто при разборе маневра делит стороны на одержавших победу и побежденных, тот извращает здравый смысл у обучаемых и рискует приучить войска к тому, что в тяжелых положениях, например, при окружении, они будут класть оружие; противник зашел во фланг или тыл—они будут отступать.

Мы призваны из курсантов готовить взводных и ротных командиров, т. е. младших начальников. Мы все знаем, что взвод и рота столь небольшие боевые единицы, что в бою они всегда получают простейшую задачу: итти, атаковать вперед, прямо перед собою. Однако, при обучении часто можно было наблюдать, как взводный или ротный командир силится во что бы то ни стало „устроить маневр". Это стремление вообще, конечно, правильное, но увлечение здесь опасно, а то можно дойти опять до извращения здравого смысла и воспитать вредное убеждение, что если охвата, например, сделать нельзя, то и атаковать нельзя.

Мы должны воспитать курсантов в том убеждении, что простота форм и действий на войне, соединенная с решительностью, более всего и вернее всего обеспечивает успех; что Суворовское „вперед прямо перед собой" есть самый верный тактический инстинкт; что тактика, удар все решает и что перед тактическими успехами бледнеют любые хитроумные стратегические комбинации; что от него, от

взводного и ротного (эскадронного, батарейного) командира и младшего начальника, вообще, от его твердости, решительности, *умения* зависит в целом весь успех.

Коренной вопрос в деле подготовки к бою—это разобраться и установить твердый взгляд на принципы и правила.

Принцип есть широкое обобщение; он применяется в высшей части искусства, т. е. старшими начальниками. Для младших начальников принципы должны быть изложены *в виде правил.* Отсюда нельзя делать, конечно, такое заключение, что мы не должны будущих красных командиров заставлять усваивать эти принципы и упражнять в их применении.

Мы должны признать, что если ротный и взводный командир еще бывают в состоянии действовать, применяя в бою принципы к частным случаям, то рядовой исполнитель—инструктор (т. е. унтер-офицер) или красноармеец не будет иметь ни времени, ни достаточного хладнокровия, чтобы импровизировать свои решения, хотя-бы он и был в состоянии это делать по своему опыту и развитию.

Нужно выработать привычку отвечать на внушение какой-либо идеи или на впечатление немедленным решением воли.

Чтобы приготовить людей к бою, нужно дать положительную теорию и практические правила, затем применять настойчивое повторение их, что и даст подготовку.

Этих правил не должно быть очень много и они не должны быть столь сложны, чтобы лишать инициативы младших начальников и инструкторов. С другой стороны, нельзя обойтись без них совсем и оставить младшего начальника и инструктора без всякой помощи, положившись только на их инициативу.

Способы развертывания, способы наступления, употребления огня и проч. должны разниться безконечно в зависимости от потребностей момента, но мы выберем лучшие способы проверенные боевым опытом и отвечающие психике нашего красноармейца. Эти избранные способы обратим в правила и путем многократного повторения их, настойчивого обучения сделаем их привычками для войск. Младшие начальники и инструктора в бою, когда обстановка не даст им времени думать, или опасность скует их мысль, все же, есть уверенность, будут в состоянии выбрать один из разученных хорошо способов и указать его своим людям. Если этот способ и не будет самым лучшим для данной обстановки, зато на практике он будет действительнее других, так как люди его знают и умеют делать.

Человек только то хорошо делает, что привык делать. Усвоить же привычку—для этого путь давно известен только один—настойчивая и продолжительная практика. Вот в чем и заключается основа дела.

Все сказанное впереди имеет своей целью свести вместе и напомнить то самое важнейшее, что составляет сущность в деле методов обучения войск и способов ведения боя.

Нельзя упускать ни одного случая, чтобы показать курсанту выгоду единства тактических взглядов и мышления (того, что называют „доктриной"). Как неизбежно разнообразие команд при строевом обучении, так должна быть неизбежна и единая система, единый метод мышления и действия. Это дает громадные выгоды: а) твердую уверенность в том, что каждый начальник и даже каждый солдат в известных обстоятельствах будет поступать определенным образом. Эта уверенность есть лучшая организационная связь, внутренняя, более надежная в критические моменты, чем всякая другая связь. Это усвоение единства тактического мышления является лучшей спайкой между начальниками и подчиненными, между родами войск и разными элементами армии; б) эта связь в высокой степени способствует инициативе начальников и смелости действий. В старой армии этого не было. Наш долг воспитать в красных командирах веру в эту силу и стремление пользоваться ею.

Нижеследующие отделы полевой подготовки должны быть обязательными для полного завершения подготовки части к бою, после прохождения которых только и можно перейти к маневрам.

Каждая военная школа и военные курсы должны прежде всего быть образцовой строевой частью. Это должны быть гвардейские части Республики в лучшем понимании этого слова.

Ясно, что чем лучше такая часть, тем лучше в боевом смысле командиры, которые там подготавливаются, да не только в боевом, но и в инструкторском тоже. Это доказано старым опытом: Павловское военное училище в старой России, Сен-Сирская военная школа во Франции и проч.

Военная школа должна справиться с весьма трудной задачей:

1) Подготовить прежде всего курсанта, как рядового бойца.

2) Подготовить его, как начальника, то-есть научить командовать и управлять.

3) Подготовить его, как учителя красноармейцев, то-есть, как инструктора.

Главная задача командного инструкторского состава военной школы есть непрерывная работа по выработке лучших методов обучения и изучение лучших способов ведения боя. С этой точки зрения и следует главным образом расценивать инструкторский комсостав военной школы.

Отделы полевого обучения.

1) **Строевые упражнения.** В каждом роде войск сначала строй для него самого, то-есть изучение типов строев. Изучается форма.

Главное внимание обратить в пехоте на:

а) производство перебежек: сначала работа одиночная, затем группами.

б) преодоление препятствий: окопов, заборов, стен, проволочных заграждений и т. п.

в) быстрый переход от одного построения к другому.

г) прохождение местности с разнообразными препятствиями быстро и в порядке на большие расстояния.

д) работа штыком. В коннице главным образом рубка чучел.

Всем этим мы должны добиться быстроты и гибкости маневрирования.

Могут быть применены с громадной пользой сквозные атаки (чтобы побороть главного врага—опасность).

После прохождения этого важного отдела подготовки необходимо перейти к массовым движениям, соединенным с действием оружием: массовому удару в штыки и перебежкам со стрельбой боевыми патронами.

II) Курс стрельбы (без особых тонкостей), главным образом на коротких боевых дистанциях (1000—1200 шагов). Центр тяжести работы—подготовка одиночного стрелка. Основательные упражнения по отысканию боевых целей на поле сражения.

Курс стрельбы проходить одновременно и параллельно с изучением строев.

III) После достаточного утверждения в работе, указанной в пункте 1-м, надо переходить к применению (а, значит, и видоизменению) уставных форм к обстановке. Это покажет, для чего какой строй нужен. Это уже зачаток маневрирования, первый его шаг. Делается в каждом роде войск отдельно. Это видоизменение типов должно быть исполняемо по командам, быстро, но не толпой. Оно приучает спокойно встречать неожиданность. Тут возникнет известный Наполеоновский вопрос: „что я сделаю, если неприятель появится с моего правого фланга"...

Надо обдумать для этого заранее наиболее типичные *показные задачи*. Их много быть не должно, но надо добиться отчетливого их исполнения. Это разовьет курсантов и сразу оживит интерес к делу. Тут надо добиться твердой привычки свободно владеть строями, *когда какой строй применить*. (Это прикладной устав). Как пехоте встретить и отбить атаку конницы. Движение в атаку на позицию противника. Производство контр-атаки. Закрепление захваченной позиции противника. Укрепление позиции в условиях тесного соприкосновения с противником. Как конница должна атаковать пехоту. Как должна артиллерия занимать позицию для стрельбы и проч.

Всякое такое боевое упражнение будет повторением какого либо боевого эпизода и требует тщательной подготовки. Руководитель должен во время этих занятий создать разнообразные эпизоды боя впереди и на флангах боевого расположения войск.

Надо научиться в этих упражнениях употреблению пулеметов в наступательном и оборонительном бою.

Путем нескольких упражнений решительно необходимо помочь курсантам усвоить бой передовых частей, завязку боя авангардом, ввиду особого характера такового боя и ввиду того, главным образом, что младшие начальники в такие моменты соприкосновения с противником чаще всего будут предоставлены самим себе (авангардные бои, стычки на передовых постах).

Большое внимание уделить приемам ночной работы. Одновременно с работой изложенной в настоящем (III-м) пункте должна идти работа по обучению основам полевой службы. Ввиду особенной важности уметь разведывать во всех родах войск—обязательно *ряд самых типичных показных задач* для ее изучения.

IV) Следующая задача: добиться спайки в действиях между родами войск, согласования действий (для согласования действий тут уже не нужна одновременность движений). Это следующий этап (2-й) подготовки к маневрированию. Тут надо учить взаимной выручке. Надо начинать работу с самых низших единиц, сколачивая роды войск. Все показывать по разделениям. Возможно меньше говорить о предмете, а все показом; так надо приучить и курсантов, чтобы курсант был практический делец, а не рассказчик в военном деле.

Разработать ряд показных задач. Задачи должны быть простые, ясные, точные. Должно показать работу: пехоты с артиллерией; конницы с артиллерией; пехоты с танками; пехоты с бронемашинами; пехоты с бронепоездами; ряд задач для спешенной конницы; несколько (немного) простых задач с показанием применения авиации.

Если бы при обучении не оказалось артиллерии, то ее необходимо изобразить хотя бы условно несколькими людьми, чтобы заставить работать службу связи.

Разучить приемы согласованной ночной работой соединения из всех родов войск.

V) Следующая задача: добиться умения атаковать и оборонять местные предметы, (деревни, высоты, рощи, укрепления). Так как тут нужны некоторые специальные приемы, то надо опять *ряд простейших показных задач*, соображенных так, чтобы приобрести и усвоить необходимые навыки в этом деле.

Попутно со всем изложенным выше в пяти отделах настойчиво добиваться, чтобы начальники правильно отдавали приказания, чтобы приказания правильно передавались и чтобы правильно и коротко делались донесения и доклады. В этом деле надо добиться от курсантов полной ясности мысли, когда они приказывают или доносят, или докладывают. Не надо жалеть настойчивости в этом деле, но зато обязательно всемерно жалеть самолюбие курсанта и не допускать желчного тона. Обязательно обратить в твердую привычку подчиненным повторять отданное приказание.

Научить владеть всеми приемами связи самыми простейшими, особенно в сфере ближнего боя, что делать попутно с показом прикладного устава.

Все вышеперечисленное есть те элементы обучения, которые должны быть внедрены в курсантов, обращены им в привычку. После этого только можно перейти собственно к маневрам из всех родов войск более или менее крупными силами. Маневр есть действие весьма сложное к которому ни в коем случае нельзя переходить, не изучив элементов, т. е. тактических приемов и навыков и элементарной спайки родов войск.

Помнить важнейшее педагогическое начало: дело не в том, *что*, а в том, *как*.

И педагогические приемы:

1) зараз много не показывать и

2) не показывать сложного, не показав отдельно части его.

Командный инструкторский состав курсов, будучи слабым по своей подготовке, не должен однако бояться слабым знанием подорвать свой авторитет перед курсантами. Это совершенно ложное опасение. На ошибках он тут-же будет сам учиться, иного способа нет; приходится работать с тем, что имеем, авторитет утверждается в глазах курсантов только за теми командирами, которые проявляют горячий интерес к делу, и кто во имя дела не боится потерять авторитет.

Настоятельно рекомендуется применять опытом утвержденные отличные приемы для обеспечения спайки частей и развития наступательного порыва:

1) после каких-бы то ни было занятий в рассыпных строях следует восстанавливать чувство локтя и тесной войсковой связи путем пропускания части церемониальным маршем или короткими строевыми занятиями в сомкнутых строях, (например, в Германской армии это было правилом; то же во Французской в последнее время).

2) всякое наступательное учение так организовать, чтобы заканчивать его ударом в штыки, дабы воспитать курсантов и утвердить их в убеждении, что главное всегда решительность, порыв, удар штыком; что таким ударом должно заканчиваться всякое наступление; он (удар) есть цель, а приемы наступления и огонь есть средство добраться до стойкого врага.

То же должно быть тем в большей мере в коннице.

Данные здесь указания намечают об'ем и общий метод полевой работы. Они должны послужить исходной данной, отправной точкой для дальнейшего развития работы в этом направлении.

А. Воронец.

Совещание представителей учебного дела ВУЗ Западного фронта.

С 4-го по 7-е Июля состоялось в г. Смоленске совещание представителей ВУЗ фронта, посвященное вопросам учебного и строевого дела.

УВУЗЗАП и все подведомственные ему учреждения, как расположенные в непосредственной близости фронта, работали в весьма трудных и ненормальных условиях. Не говоря о всех трудностях чисто организационного характера, коренящихся в общем экономическом расстройстве, в связи с только что минувшей гражданской войной,—перед ВУЗ'ами всех ступеней стояли подчас неотложные оперативные задачи, требующие срочного и точного их выполнения и отвлекающие ВУЗ'ы от их прямого назначения—подготовки командира-инструктора армии рабочих и крестьян пролетарской России. Несмотря на перебои в планомерности организационной и учебной работы, а также и во внутренней жизни самих ВУЗ, волей и энергией командования фронтом, местных и центральных работников ВУЗ, удалось покрыть весь западный район Республики целым рядом ВУЗ начиная с курсов подготовительного типа и кончая высшими военными школами по разным военным специальностям. Участие части ВУЗ фронта в штурме Кронштадтских твердынь при подавлении белогвардейского мятежа было отмечено РВСР награждением двух из них почетными боевыми Красными Знаменами, что показывает, что работа по подготовке знающего и стойкого бойца командира на ВУЗ фронта идет по правильному пути.

Но необходимость совещания, которое учло бы опыт произведенной работы, выявило бы и об'единило те необходимые принципы на коих она должна зиждиться в дальнейшем, ощущалась уже давно. Кроме того необходимо было путем живого слова преподать ряд указаний, а также инструктировать представителей с мест по целому ряду учебных вопросов и, в частности, по методам полевой подготовки, решению тактических задач на местности, на ящике с песком и т. п.

И, надо отдать справедливость, за четыре дня работы всеми участниками совещания был произведен максимум работоспособности,

любви и интереса к делу. Все доклады и предложения носили строго деловой характер и дышали желанием поднять дело подготовки красного командира на должную высоту.

4-го июля в $10^1/_2$ час., в здании 3-ей пехотной западной школы комсостава, состоялось открытое совещание. В своем вступительном слове начальник военно-учебных заведений фронта, генерального штаба Умнов—раз'ясняет цель совещания, как об'единяющую работу ВУЗ фронта на почве единой военной доктрины и наилучших методов в деле подготовки высоко квалифицированных красных командиров.

Первые два заседания, с целью широкой взаимной информации, были посвящены докладам представителей с мест по вопросам учебного, строевого и стрелкового дела, а также и физического воспитания. Из них выяснилась постановка учебно-строевого дела на всех ВУЗ фронта, дурные стороны одних и хорошие—других, а равно можно было сопоставить взгляды ГУВУЗ'а и УВУЗЗАПА'а со взглядами и опытом работников на местах.

По учебной части преподавание ведется по последним указаниям ГУВУЗ'а, работают предметные комиссии и ими проводятся определенные методы, главным образом активно-трудовой и лекционно-собеседовательный. Лекционный метод как таковой можно считать почти исчезнувшим. Ощущается некоторый недостаток в опытных преподавателях по военным предметам. Подготовка младших руководителей из среды командного состава не всегда дает хорошие результаты. Вообще, подготовка их средствами курсов признается способом кустарного характера. Также ощутителен большой недостаток в учебных пособиях и руководствах, последних, как вообще, так, в частности, и соответствующих существующим учебным программам. Что касается полевой и строевой подготовок, то здесь нужна еще большая работа. Командный состав далеко не всюду и во всем достаточно опытен, выходит на занятия без заранее обдуманного плана, уделяет внимание лишь тому, что ему наиболее знакомо, что, естественно, влечет за собой неравномерное и не всегда достаточное усвоение курсантами разных отделов обучения. Даны указания, чтобы у каждого обучающего имелась на руках им составленная программа занятий данного дня, при чем в ней должно быть указано не только что должно быть пройдено, но и каким образом.

На стрелковое дело в целом и, в частности, на целесообразное проведение учебных стрельб УВУЗЗАП'ом было обращено и обращается исключительное внимание. Правда, не всегда достигаются хорошие результаты, что отчасти можно об'яснить недостатком в стрелковых приборах, необорудованности стрельбищ и других независящих от обучающих причин. Стрельбы ведутся на дистанции до 1000—1200 шагов в условиях близких к боевым.

Делу физического воспитания не на всех ВУЗ отводилось повидимому достаточное внимание и на некоторых работа еще только

намечается. Значительно повысился интерес к делу предполагаемыми осенними состязаниями на переходный окружной приз ВУЗ к коим ведется интенсивная подготовка.

На заседании 6-го июля первым подвергся обсуждению вопрос об об'единении методов преподавания; докладчик—т. Захаров, очертив стоящую перед ВУЗ'ами задачу, заключающуюся в необходимости планомерной, тщательной индивидуальной подготовки инструкторов-командиров, высказал взгляд, что не ко всем предметам в равной степени подходят предлагаемые ГУВУЗ'ом методы, а почему на них надлежит смотреть, как на взаимно дополняющие друг друга. Путем обмена мнений выяснилось, что дающими наилучшие результаты и наиболее употребляемыми являются активно-трудовой и лекционно-собеседовательный методы, коими и надлежит руководствоваться.

Вторым обсуждался вопрос по использованию лагерного периода в отношении стрелковой подготовки, при чем было решено преодолеть все возникающие затруднения и энергично вести борьбу с нашей стрелковой немощью столь дорого стоющей нам на полях сражения.

Затем обсуждались вопросы: о привлечении работников и курсантов ВУЗ к творческой работе в издаваемых УВУЗЗАП'ом журналах и о том, как проводится на местах пополнение знаний инструкторского командного состава.

Тов. Леонидов изложил задачи военно-научного органа „Революция и война“ и журнала курсантов „Жизнь красного курсанта“ и рекомендовал работникам ВУЗ взять в свои руки идейное руководство этими органами, дабы при помощи их выработать единую военно-учебную доктрину, осветив при помощи живой полемики все смутные и волнующие нас вопросы. Члены совещания высказались за необходимость привлечения курсантов и всех лиц причастных к работе ВУЗ к сотрудничеству в журналах, при чем для облегчения творческого труда первых предположено при каждом из ВУЗ учредить редакционную коллегию в составе одного из лиц преподавательского или командного состава и нескольких курсантов.

Что касается пополнения знаний инструкторского командного состава, то необходимость этого ясно сознается всеми. Занятия ведутся регулярно и систематично, но является желательным поставить их так, чтобы по предметам, имеющим строго практическое применение в повседневной работе командного состава, проходилось то, что на следующий день самими же инструкторами будет проходится с курсантами, предметы же повторно-теоретические и изучение методов обучения должны проходиться по хорошо продуманной программе.

На заседании 7-го июля было предложено представителям с мест охарактеризовать отношение курсантов к изучению военного дела и степень их увлечения этим делом. Из данных характеристик выяснилось, что слушателями и курсантами высших школ проявляется

огромный интерес к изучению военной науки, не довольствуются лишь тем, что проходится в классе, а много приобретают самостоятельным путем. Курсанты-же ВУЗ низшего типа, хотя и проявляют достаточный интерес к изучению военного дела, но, все-же, он значительно ниже чем на высших, почему с ними нужно больше работать, обратить больше внимания на деятельность кружков военных знаний, чтобы поставить их увлекательно и вести беседы, внушая курсантам, что от положительности их военных знаний во многом зависит благосостояние Республики и счастье трудящихся масс мира.

По так-же поднятому вопросу о проявляемом интересе к военному делу комсоставом довольно ярко вырисовалась зависимость степени этого интереса от различных служебных условий и материального обеспечения в коем находится командный состав. Необходимо поставить его в такие условия, чтобы он всецело мог отдаться военному делу. Но, все-же, несмотря ни на что, среди него заметно желание совершенствоваться; охотно вступают в кружки военных знаний и читают военную литературу, причем особенно интересуются боевыми эпизодами и вытекающим из них опытом гражданской войны.

Тяжелое экономическое положение страны и недостаток в связи с этим общей материальной обеспеченности вызывает частые отказы преподавателей от чтения лекций на ВУЗ и переход их на места с более выгодными материальными условиями, в частности, в ведении Наркомпроса, что и заставило поднять вопрос об улучшении материального положения и жизненных условий преподавателей, дабы иметь возможность привлечь возможно большее число опытных и знающих педагогов. По поднятому вопросу поступил ряд конкретных предложений, по коим возбуждены соответствующие ходатайства перед ГУВУЗОМ.

Ввиду неудовлетворительности снабжения ВУЗ руководствами и пособиями решено предложить предметным комиссиям составить записки-конспекты по возможности по всем предметам и издать их при посредстве УВУЗЗАПА, дабы выйти из создавшегося положения, а также проявить максимум самодеятельности по изготовлению своими средствами различного рода учебных пособий, как то: таблиц, планов, топографических, фортификационных и др. моделей. Нужно отметить, что 3-ей пех. западной школой в этом отношении уже проявлена разумная инициатива, давшая весьма хорошие результаты.

Подвергся обсуждению и вопрос о введении оценки знаний ВУЗ, придерживаясь бальной системы, причем всеми участниками совещания проведение ее в жизнь было признано весьма желательным.

Последним был поднят вопрос об организации работ на курсах по выработке лучших методов подготовки командира и обучению войск по подготовке их к бою. Тов. Умновым было предложено вынести все обучение из класса в поле и, руководствуясь принципом: лишь усвоив легкое, переходить к более сложному, поставить разумно, продуктивно и увлекательно дело полевой подготовки курсантов,

которое безусловно является важнейшей отраслью обучения, а одновременно и интенсивно работать над выработкой методов. Им-же было обращено внимание совещания на примеры Франции, где ввиду продолжительности сельско-хозяйственных работ и недостатка необходимых участков, поле для войсковых занятий уделялось армии лишь на весьма краткий период, а почему и было обращено большое внимание на выработку методов, дающих возможность закончить подготовку в кратчайший срок, причем результаты получились очень хорошие; затем Германии, где также, как известно, много работали в этом направлении и, в частности, Фон-Альтен и Гриппен-Керль разработали свой метод в форме показных задач, что сыграло не последнюю роль в подготовке высоко стоящего германского офицера. Нам же, находящимся в весьма благоприятных условиях в смысле пользования полем, необходимо стремиться к совершенству—в деле полевой выучки. Поднятый вопрос вызвал живой обмен мнений, причем было решено: придерживаясь в занятиях с курсантами принципа „лишь усвоив легкое, переходить к более сложному", увлекательно вести полевую подготовку и путем вдумчивого отношения к делу и упорного труда попутно работать над тем, как лучше найти то, что указывается в программах ГУВУЗА. При выработке методов иметь ввиду ту истину, что в большинстве случаев всякий обучающий учит тому, чему учили его самого, причем учит так, как его учили; следовательно, и курсанты, как будущие учителя красноармейцев, должны еще в стенах своих школ обучаться по тем методам, кои ими будут применяться в войсках. Результаты данной работы должны быть обобщены УВУЗЗАПОМ для проведения принципа единства в методах полевой подготовки.

Совещание закрывается тов. Умновым, благодарящим от лица службы всех участников за проявленные ими работы и интерес к делу и подчеркивающим необходимость, более чем когда либо, правильной постановки подготовки красных инструкторов-командиров.

С целью инструктирования представителей с мест инспектором пехоты запфронта тов. Чернавиным был дан пробный урок на ящике с песком, заключающийся в ротном учении на движение под артиллерийским и дальним ружейным огнем противника, отражение атаки конницы, захвата передового неприятельского пункта и занятие первой стрелковой позиции, причем, роль ротного командира исполняли лица командного состава, а взводных—курсанты 3-пех. западной школы. Тов. Чернавиным также было прочитано несколько лекций о выработанном им и принятом в войсках запфронта нагляднoм методе полевого обучения. Затем, под его-же руководством в присутствии членов совещения была совершена подготовка стрельбища, расстановка мишеней и произведена показательная стрельба 31-ми пех. Смоленскими командными курсами.

Таким образом, состоявшимся совещанием была достигнута широкая взаимная информация, намечен ряд шагов в области учебного, строевого и стрелкового дела для поднятия их на должную высоту

и, наконец, намечены принципы, на коих должна зиждиться полевая подготовка и выработка по ней методов.

Конечно, со стороны устроителей совещания были допущены ошибки, как организационные, так и другие, но при теперешних условиях работы и при ограниченности времени, уделенного совещанию,—иначе быть и не могло.

В заключение, необходимо сказать, что ряд намеченных совещанием шагов уже проводится в жизнь и можно быть уверенным, что они не замедлят сказаться на работе ВУЗ фронта.

Новые перспективы военного радиотелеграфа.

В непродолжительном времени открывается для эксплоатации вновь построенная Люберецкая приемная радиостанция, благодаря чему московский радиоузел, со своими мощными приемно-передающими станциями, получает возможность развить до колоссальных размеров постановку приема заграничной прессы. Указанный прогресс радиотехники появился вследствие того, что членом военно-технического совета войсковой связи Красной Армии инженером-электриком тов. Баженовым изобретен чрезвычайной важности для дела радиофикации Республики способ многократного ориентированного приема при работе радиостанции.

Этот способ применялся частично в военном радиотелеграфе еще с конца 1915 года и особенно хорошие результаты давал при пеленгировании (засечках) неприятельских радиостанций. Осенью 1920 года комитет по делам изобретений премировал изобретение тов. Баженова за ряд особо удачных применений его способа.

В конце сентября прошлого года радиоотдел секции электросвязи Высшего Совета Народного Хозяйства получил задание Народного Комиссариата Почт и Телеграфов установить близь станции Люберцы Московско-Казанской ж. д. приемную радиостанцию по способу инженера Баженова для разгрузки московского радиоузла. Главная тяжесть работ по устройству антенн, а также по конструированию (из материала и частей старых приемников) нового типа приемных аппаратов легла на инженеров Баженова и Слепяна, которые, после предварительного испытания, успешно закончили всю установку в 25-ти дневный срок, вместо назначенного 42-х дневного.

В конце декабря выяснилось опытным путем, одно из преимуществ такого рода замкнутых антенн без усилителя; были слышны почти все западно-европейские радиостанции при полном отсутствии мешающего действия атмосферных разрядов. Затем Люберецкая радиостанция была передана в опытную (частичную) эксплоатацию, во время которой вышеуказанными инженерами было сделано еще несколько исправлений и усовершенствований.

В июле этого года происходила официальная приемка Люберецкой радиостанции представителями НКПТ совместно с РКИ. Акт произведеного при этом испытания констатирует особо блестящие результаты.

Впервые в русской практике был осуществлен с помощью всего одной шестидесяти-метровой мачты одновременный прием 5-ти заграничных и русских радиостанций, причем работа на передачу близлежащих (20—25 километров) мощных радиостанций Ходынской и Шабаловской приему совершенно не мешала. Сила приема оказалась весьма значительной и, что заслуживает особого внимания, самый прием был настолько свободен от атмосферных (особенно сильных летом днем) разрядов, что только по записям в журнале близлежащей Сокольничей радиостанции возможно установить, что во время шестичасового приема в Люберцах была в течении получаса гроза, а в остальное время сильно мешали атмосферные разряды (во время молчания московских мощных радиостанций).

Таким образом, усовершенствование инженера Баженова, примененное в Люберцах, дает возможность, при правильной постановке эксплоатации, увеличить во много раз пропускную способность московского радиоузла: работать на передачу круглые сутки обоим мощным радиостанциям и в то же время принимать в Люберцах прессу и депеши одновременно от 6-ти заграничных и русских радиостанций. В общем, пропускная способность московского радиоузла увеличится в 12 раз.

В настоящее время тов. Баженов по заданиям военно-технического совета связи работает над использованием для военных целей предложенного им способа, давшего во многих и разнообразных случаях применения столь блестящие результаты.

У военно-технического совета связи Красной Армии есть уверенность в том, что тов. Баженов в своих дальнейших работах даст новый более усовершенствованный способ радиоприема, который по своей конструкции будет легко применим в военном радиотелеграфе, что окончательно разрешит проблему надежности радиотелеграфной связи, устранив мешающее действие грозовых, атмосферных разрядов, а также работы других станций. Нужно пожалеть только об одном, что как изобретатель, состоящий членом военно-технического совета связи, так и техсовет в целом, заинтересованный в развитии военного радиотелеграфа, к сожалению, по независящим от них причинам, стоят перед неразрешимой в настоящее время задачей. Декретом Совнаркома радиостроительство Республики передано в ведение НКПТ, который, получив все средства и возможности в деле развития радиотелеграфа в целом, подошел к этому вопросу слишком односторонне: военный радиотелеграф стал пасынком радиостроительной комиссии, и все попытки Ускаресп в период всей гражданской войны добиться развития военного радиотелеграфа не привели к желательным результатам.

Все заказы на имущество военного радиотелеграфа окончательно вытеснены с заводов Республики радиостроительной комиссией; не помогло и постановленее СТО 1920 года о военном радиостроитель-

стве и, если бы не радиобазы, то Ускаресп не смогло бы своевременно дать на фронты для операций необходимого числа раций.

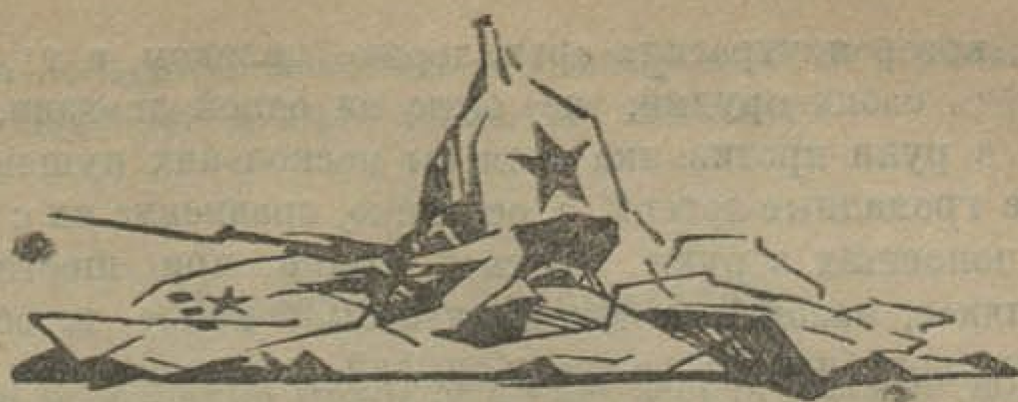
Данная политика по отношению к военному радиотелеграфу в том же духе продолжается и по сие время: все заграничные заявки почти не приняты; в таком же положении находится реализация строительных программ и на отечественных заводах.

Будем надеяться, что нас не ожидает та же горькая участь и что, если изобретатель тов. Баженов, работая сейчас по заданиям военно-технического совета связи над созданием приборов для оборудования радиоузлов в военном ведомстве, придет к благоприятным результатам, Ускаресп будет иметь возможность снабдить военный радиотелеграф необходимым количеством этих приборов.

Боевые действия Кр. Армии.

М. Волчанецкий.

Потери артиллерии

(при отступлении армий западного фронта в 1920 году)

I.

Размеры потерь.

Отступательные бои армий западного фронта в августе и сентябре 1920 г. ознаменовались массовой потерей артиллерии, действовавшей с отходившими дизизиями.

Потери за этот период относительно численности артиллерии к 1 августа характеризуются следующими цифрами:

Потери. / Название армий.	Орудия.				Личный состав.		Лошади.
	3"	48"	42"	6"	Командн. состав.	Красноармейцы.	
3 армия	60%	5%	—	33%	1%	3,5%	6%
4 армия	12%	—	—	—	1%	12,5%	2%
15 армия	28,5 %	42%	8,25%	26%	17%	18%	21%
16 армия	70%	60%	50%	20%	13%	15%	30%
На всем фронте .	41%	31%	15%	22%	10,5%	11,5%	17%

Кроме того, утрачено за тот же период: много зарядных ящиков, повозок различного образца, телефонных аппаратов и провода, конского снаряжения и т. д.

Сравнивая количество потерь с числом орудий, которыми обладали армии к началу наступления, можно вычислить, что всего за полтора месяца ими было утрачено 35% первоначального состава артиллерии. Наибольшее количество потерь приходится на долю 16 армии (65% общего числа бывших у нее орудий), затем 3-й (44%) и 15-й (25%); менее других утратила 4-я армия, потерявшая всего около 10%. Из числа вышедших из окружения более всего пострадала

8 дивизия, которая утратила артиллерию целиком, и 21, оставившая полякам 85% своих орудий; не было ни одной дивизии, которая не отдала бы в руки противника хотя бы нескольких пушек.

Такие громадные потери, а, особенно, сравнение их с количеством трофеев, попавших в руки Красной Армии при шестисотверстном отходе поляков, наводит на мысль, что были какие то общие причины, которые погубили более трети орудий, действовавших на западном фронте.

II.

Общий характер отступления.

Первой и наиболее важной из этих причин следует признать общий характер отступления. Как известно, поляки, сосредоточив большие силы на левом фланге западного фронта и прорвав расположение Мозырской армейской группы, дальнейшей целью действий поставили себе не распространение вглубь и заманчивый захват территории, а окружение действовавших севернее частей с целью их уничтожения, т. е. строго преследовали главнейшую цель всех военных действий. Осуществить этот замысел полностью им не удалось, но целесообразность их действий и стремление к уничтожению живой силы противника—было истинным coup de maître, поставившим армии западного фронта в весьма затруднительное положение и приведшим к большим потерям.

В этих условиях, когда бывали окружены и выбывали из строя целые дивизии, естественно, не могла спастись и гибла и входящая в их состав артиллерия.

Количество потерь возрастало еще вследствие целого ряда других причин. Стремительность наступления не дала времени для организации тыла, обеспечения коммуникаций и принятия мер на случай отхода. Поэтому поражение передовой линии, при отсутствии стратегических резервов, сразу разрушило всю систему. Враждебное отношение определенной части местного населения к Красной Армии вызвало к жизни партизанские отряды, действовавшие в тылу, прерывавшие линии связи и пути сообщения и вносившие в управление армиями и их отход массу осложнений и неожиданностей.

Таким образом, невозможно говорить о гибели артиллерии вне связи с общими условиями отступления и характером разворачивавшихся событий. Можно утверждать, что коренной причиной массовой утраты орудий было окружение армий, в связи с отсутствием гарнизонов в тылу.

Непрерывное пребывание в боях и большие переходы изнурили армию. На этой почве пышно расцвели растерянность, паника и стремление к личной безопасности, подогреваемые продолжительным отступлением и непрекращавшимся давлением противника. Наиболее сохранивший свою целость род оружия—артиллерия—в борьбе с дерзко

работавшими польскими войсками и повстанческими отрядами, иногда оказывалась одинокой и была бессильна спастись.

III.

Недостатки организации.

К этому необходимо прибавить еще весьма важные данные организационного свойства.

За невозможностью подать пополнения, к началу отхода дивизии имели в своем составе, в среднем, около полутора тысяч штыков каждая, и полки—от 150 до 200 штыков, а некоторые даже и того менее.

Вследствие этого армии оказались перегруженными артиллерией, так как на долю фактически имевшихся полков (и то далеко не полного состава), именовавшихся дивизиями, приходилось 3 легких дивизиона, один гаубичный и один тяжелый. Процент артиллеристов к общему числу бойцов доходил до 75%, т. е. на одного пехотинца приходилось три артиллериста; количество орудий на тысячу штыков было также ненормально и достигало двадцати, т. е. в несколько раз превосходило установленное соотношение.

Вместе с тем, боевые участки, вследствие общей растянутости фронта, задавались далеко непропорционально численности частей; имели место случаи, когда дивизия, насчитывавшая всего $2^1/_2$ тысячи штыков, занимала фронт в 60 верст. Такая линия, конечно, имела весьма малую плотность, легко прорывалась противником, а резервы, исчисляемые ротами или баталионами в несколько десятков штыков, были слишком малочисленны, чтобы парализовать маневр противника. Местами пехоты было недостаточно только для выделения нормального прикрытия артиллерии.

В то же время пехота имела организацию полков и дивизий, со всеми их громоздкими управлениями и хозяйственными аппаратами. Как пишет один из инспартармов, „вышедшие из боя одиночные стрелки и лица комсостава не представляли собой воинских частей, и дивизии, как таковые, перестали существовать, представляя собой бесконечно большое количество обозов, загромоздивших все дороги и двигавшихся без всякого руководства, связи и при полном отсутствии какой либо ориентировки“.

Громадным злом оказались эти обозы—не дисциплинированные, панически настроенные, горевшие желанием избавиться от тягот повозочной повинности и, как можно скорее, вернуться домой, очень часто враждебно настроенные и умышленно сеявшие панику и беспорядок. Их малая емкость умножала и без того большое количество повозок. В результате, по словам одного участника боев, „чуть ли не весь участок шоссе от Соколова до Буга (около 20 верст) представлял сплошную колонну обозов в два и три ряда“. Кроме того, „чуть ли не каждое лицо комсостава и некоторые красноармейцы выступают в

поход со своими женами и домашним скарбом... В боевой части числится людей две—три сотни, а для обслуживания их следует обоз, численность повозок которого превышает число людей обслуживаемой части“.

Как последний штрих картины, следует отметить, что дивизии, лишенные общего управления, устремились в направлении кратчайшего выхода из смыкавшегося вокруг них кольца и сбились массами в нескольких направлениях. Такое положение имело место на переправах через р. Буг и в узлах дорог, где, как например, под занятым противником Белостоком, скопилось восемь дивизий, каждая порознь стремясь выбить засевших в городе поляков.

В подобной обстановке приходится удивляться не большому числу потерь, а героизму и стойкости отдельных людей, с‘умевших сохранить самообладание в общей сумятице и, на фоне царившей растерянности и проявившихся низменных эгоистических инстинктов, блеснувших примером высокой доблести и самопожертвования.

Таким образом, сама окружающая обстановка ставила войска в условия, благоприятствовавшие потерям.

Чтобы составить себе верное представление, как об общих условиях отхода, так и об отдельных страницах этой печальной эпопеи, остановимся на нескольких типичных примерах пленения артиллерии.

IV.

Бой 11 стрелковой дивизии 19—20 сентября у м. Вел. Берестовица.

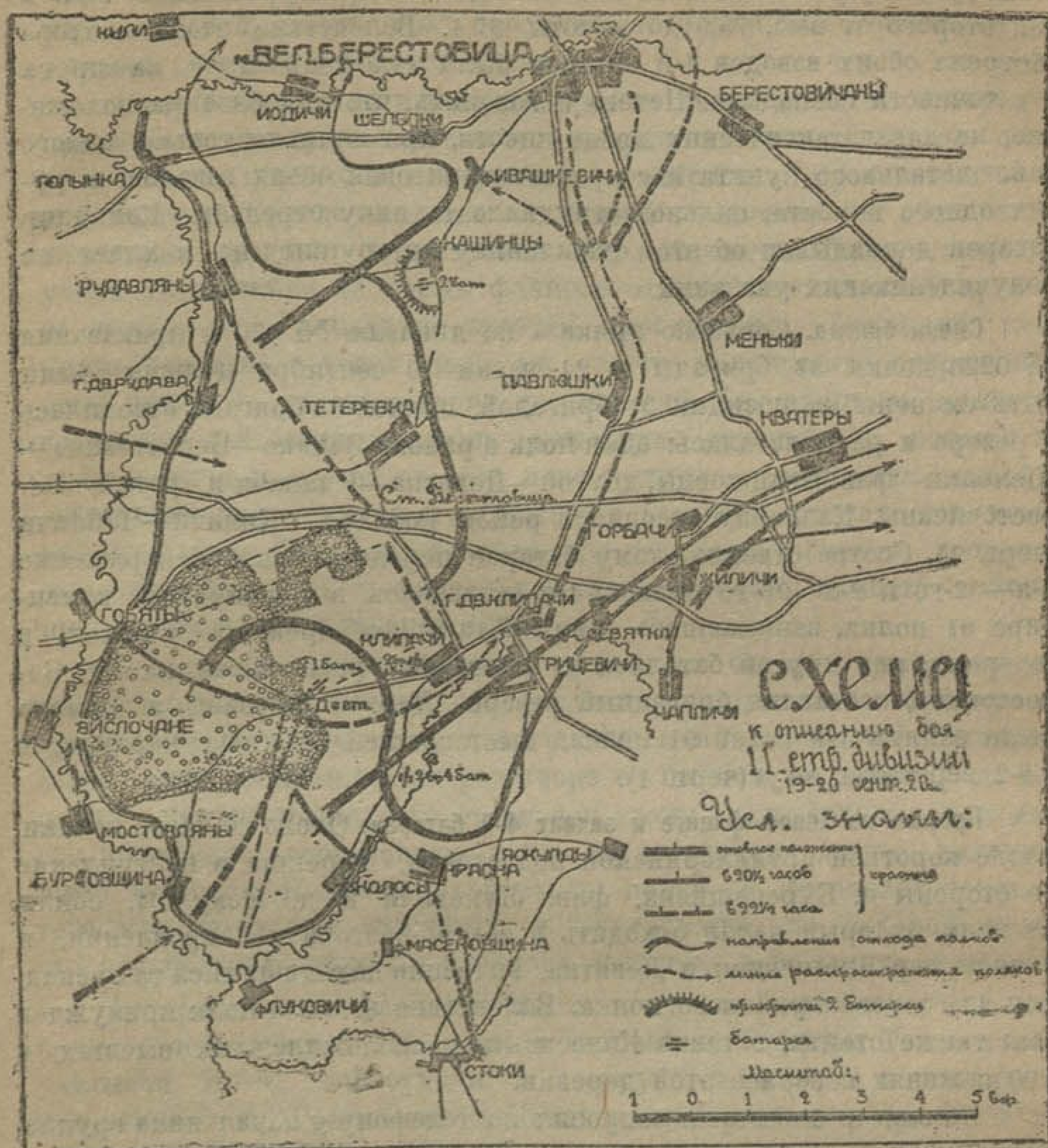
Обстановка. В середине сентября 1920 г. части 11 стр. дивизии занимали позиции, фронтом на запад, по правому (восточному) берегу среднего течения р. Свислочь в районе, ограниченном притоками последнего: на севере р. Берестовичанка и на юге р. Яловка. С правого фланга к ней примыкала 16-я стр. дивизия, слева располагались части 48 дивизии.

Начиная с 17—18 сентября поляки вели настойчивые атаки на участке 48 дивизии, полки которой принуждены были отступить на 7—8 верст к востоку, укрепившись в верховьях р. Свислочь.

19 сентября полки 11 дивизии стояли на позиции следующим образом (черт. 1): 97 полк от устья реки Берестовичанка до шоссе Волковыск—Белосток. Далее к югу до д. Мостовляны—99 полк; затем до слияния р. Свислочь с рекою Яловкою—91 полк. В г. дв. и дер. Красно был расположен кавалерийский полк дивизии, которому вменялось поддерживать связь к востоку с частями 48 дивизии.

Расположение и задачи артиллерии. На позиции стояли 1, 2 и 4 легкие батареи, расположенные: 1-я у дегтярного завода, что у дороги Клипачи—Мостовляны; 2-я в версте западнее дер. Кашинцы и 4-я по-взводно; 1-й взвод в районе флв. Ляски, второй на северной окраине дер. Клипачи.

Чертеж 1.

Наблюдательный пункт 1-й батареи был расположен на высоте 77,4, около дер. Бурсовщина; 2-я батарея имела два пункта—один у дер. Голынки и другой на высоте в одну четверть версты южнее дер. Рудовляны; 4-я на высоте 80,5, в двух верстах севернее дер. Колосы.

Батареи находились в подчинении командиров полков—1-я 98-го, 2-я 97-го и 4-я 91-го. Им была поставлена задача „оборона позиций в пределах своих участков“, и в действиях они руководствовались указаниями командиров полков и командира 2-го легкого дивизиона Собейникова, бывшего начальником артгруппы.

Батареям были заданы участки: 2-й батарее от слияния р. р. Берестовичанка и Свислочь до железной дороги вкл.; 1-й батарее—от дер. Гобяты до ф. Луковичи. 4-я батарея, разбитая повзводно (по приказанию командира 91 полка), получила ответственные уча-

стки: для первого взвода от высоты 79,9 до дер. Бурсовщина вкл. и для второго от выс. 79,9 до высоты 77,4. Вследствие этого сектора обстрела обоих взводов 4-й батареи были наложены друг на друга и в точности совпадали. Нечего и говорить, что подобное расположение, не давая тактических преимуществ, при наличии только одного наблюдательного пункта и сосредоточении огня обоих взводов в руках одного комбата, сильно затрудняло технику стрельбы. Командир батареи докладывал об этом начальнику артгруппы, но в ответ не получил никаких указаний.

Смена бригад. Согласно приказа по дивизии № 070 и приказания № 0220 полки 33 бригады к 24 часам 19 сентября должны были быть сменены на позиции 31 бригадой, причем 33 бригада отводилась в резерв и располагалась: один полк в районе Велико—Берестовица—Шелепки—флв. Ивашковцы, другой—Девятка—Клипачи и третий—Берестовичаны. Кавполку отводился район Горбачи—Жиличи—Чапличи (черт. 1). Соответственно этому батареи передавались в распоряжение 1-я—92-го и 2-я—93-го полков; 4-я оставалась в подчинении командира 91 полка, занимавшего одним батальоном прежний участок, в то время, как другой батальон 91 полка был расположен на ст. Берестовица, составляя бригадный резерв. Дер. Грицевичи и Красна были заняты 4-й ротой 91 полка, выставившей полевые караулы в 1—2 верстах к югу (черт. 1).

Прорыв на левом фланге и захват 4-й батареи. Около 20 часов поляки, после короткой артиллерийской подготовки, перешли в наступление со стороны д. Бурсовщизна, флв. Луковичи и д. Яскулды, сбили 98 полк, который начал отходить в северо-восточном направлении, и заняли дер. Грицевичи и Девятка, вытеснив находившийся там эскадрон 11-го кавалерийского полка. Вследствие этого 91 полк принужден был также отойти, оставив Колосы, и расположился на высотах в 100 саженях севернее этой деревни.

Командир 1 батареи запросил по телефону у начальника группы как ему быть, докладывая, что „части пехоты бегут". Комдив Собейников приказал батарее выслать разведку для выяснения положения в точности и, в крайнем случае, снять ее с позиции: командиру же отходить с передовыми цепями, не теряя связи с батареей. В то же время он обратился к командирам 31 и 33 бригад за разрешением немедленно снять батарею, но получил ответ, что „за батареи беспокоиться нечего, сейчас снимать их рано" и что „командиры батарей—трусы". Получив такой ответ, Собейников хотел переговорить по телефону с 4 батареей, так как опасался за ее судьбу ввиду отхода на левом фланге и перерыва связи с 48-й дивизией, но телефон уже перестал работать. Тогда, поручив своему военкому, т. Шибаршину, в случае восстановления связи с батареями распорядиться ими в зависимости от обстоятельств, комдив Собейников отправился на батарею, но не успел он от'ехать от штаба бригады и ста сажен, как мимо него пронеслись орудия первой батареи: сзади ехал комбат

Киреев, доложивший, что на позицию вышли поляки, которые со стрельбой и криками „ура“ бросились в штыки, так что батарее едва удалось „кое-как без дорог удрать“.

С целью восстановить положение на левом фланге, комбриг 31 приказал 91 полку, совместно с подходившим на смену 98 полка, 92-м полком, перейти в наступление и отбросить противника на левый берег р. Свислочь. Атака их успеха не имела; 92 полк отошел на линию дороги ст. Берестовица—дер. Клипачи. Поляки, развивая успех, устремились за левым флангом отходившего полка и прижали 91 полк к дер. Грицевичи, занятой противником. Командир полка Семигоновский, оставив полк на своего помощника, отправился в штаб бригады „для выяснения положения“. Тем временем помощник командира 4-й батареи, слыша ружейную стрельбу в направлении д. Грицевичи и справа от себя и не будучи в состоянии выяснить обстановку из-за перерыва связи с 1-й батареей, послал под командой политрука Смирнова на разведку несколько номеров, вооруженных винтовками. Об этом он доложил по телефону комбату, находившемуся на наблюдательном пункте.

Не прошло нескольких минут, как на батарею вернулся один из посланных на разведку номеров, который привел с собой красноармейца 98 полка. Со слов последнего выяснилось, что дегтярный завод занят поляками. При разговоре со штабом 91 полка (г. д. Клипачи), ад‘ютант последнего отнесся к этому недоверчиво, указывая, что положение восстановлено и что на дегтярном заводе находится штаб 98 полка. Неосведомленность 91 полка об обстановке дошла до того, что, по словам ад‘ютанта, д. Бурсовщина, по которой только что по указанию пехоты вела огонь батарея, „еще занята 98 полком“.

Во время этого разговора было получено сообщение, что цепь поляков показалась в 100 саженях справа от батареи. Тогда комбат, учитывая, что 91 полк отходит к северу от д. Колосы и что противник занял д. д. Грицевичи и Девятка, выйдя таким образом в тыл его, впереди стоящему, первому взводу, приказал последнему присоединиться ко второму взводу.

Когда первый взвод, благополучно снявшись с позиции у флв. Ляски, подходил к д. Клипачи, его догнал ехавший в штабриг командир 91 полка, подтвердивший приказание о снятии его с позиции. Едва колонна вошла в деревню, как она была атакована поляками, подошедшими со стороны д. Грицевичи. Поехавший с целью выяснить причину стрельбы начальник связи Марков был убит. Красноармейцы 1-го взвода стали разбегаться; за ними последовал и комсостав, бросив орудия.

Второй взвод имел больше времени, чтобы найти выход. К нему передки были поданы своевременно, по приказанию находившегося на позиции комвзвода Маурах. Но выйти из кольца удалось только одному орудию, другое же, будучи окружено поляками и потеряв людей и лошадей, досталось противнику.

Тем временем, комбат 4 Халажин, слыша в направлении батарей ружейную стрельбу, оставил на пункте наблюдателя Григорьева, а сам отправился в направлении фл. Ляски—д. Клипачи, чтобы лично руководить батареей в этот опасный момент. Но по дороге, услышав крики „ура“ и брань на польском языке, он повернул назад и поскакал с целью просить помощи у пехоты. В это время, будучи сменен 92-м, 98-й полк шел в направлении флв. Ляски. Услышав стрельбу и „ура“ в стороне д. Клипачи, люди 98 полка повернули и в беспорядке бросились назад к д. Красное—Колосы. Комбат догнал помощника командира полка и просил его выручить батарею, но последний, не обращая внимания, повел полк по левому берегу р. Свислочь, по направлению д. Грицевичи.

Поляки, захватив три орудия в полной запряжке, видимо, дальше не распространялись и заботились о вывозе батарей к себе в тыл, потому что при дальнейшем движении 98 полк свободно прошел через господский двор Клипачи в направлении на д. д. Девятка—Куколка.

91 полк, окруженный в районе д. д. Клипачи—Грицевичи—флв. Ляски, потеряв связь с соседями и брошенный своим командиром, стал пробиваться к северу. Помощник командира полка, услышав в направлении 4-й батареи крики и стрельбу, послал на выручку 5 роту, но эта мера запоздала—с батареей уже было кончено. Оставалось позаботиться о себе. Остатки полка с боем пробились в д. Клипачи и вышли к северо-востоку.

Положение на правом фланге; захват 2-й батареи. В то время, как на левом фланге 11 дивизии, предоставленная самой себе, доживала свои последние минуты 4-я батарея, справа разворачивались события повлекшие за собой вторичную потерю артиллерии.

Около 23 часов 19 сентября, перед началом смены 97 полка 93-м, на правом участке поднялась ружейная перестрелка и части, под натиском противника, оставили свои позиции. Поляки местами перешли р. Свислочь, но 93 полк выбил их и занял окопы.

После этого поляки дважды возобновляли атаки, но оба раза были отбиты. В 1 час ночи 20 сентября противнику, сломив пятиминутное сопротивление 93-го полка, удалось занять дом лесника, что между шоссе и железной дорогой, и господский двор Рудава. 93 полк отошел на линию высот к востоку от господского двора Рудава и флв. Адалино. Вслед за тем на позицию второй батареи вышли наблюдатель и два телефониста, дежурившие на правом набл. пункте, и принесли известие, что „вся пехота разбежалась и участок совершенно оголен“. То же подтвердил и пришедший вскоре помощник командира одной из рот, который привел остатки пехоты—10 красноармейцев и пулемет.

Комбат Иванов немедленно приказал одному из инструкторов выдвинуть вперед имевшееся на батарее прикрытие 98 полка, числен-

ностью в 20 чел., и собственное постоянное прикрытие из красноармейцев батареи (30 чел.), с пулеметом, для занятия позиции от дороги Кашинцы—ст. Берестовица до опушки леса, севернее батареи. Туда же он двинул собранные им остатки 1 и 3 рот 93 полка, поодиночке собиравшиеся на батарее. Одновременно были высланы вперед все наличные конные, которым было приказано доносить о всех замеченных движениях со стороны противника.

Обо всем этом комбат доложил по телефону командиру 93-го полка, прося разрешения на ночь оттянуть батарею назад. На это был получен ответ, что отхода пехоты „быть не может" и что из только что полученных сводок видно, что на участке полка все спокойно, и что разрешение оттянуть батарею никоим образом не будет дано.

С такой же просьбой комбат обратился к своему командиру дивизиона Солдатову; последний ответил, что сам этого разрешения дать не может, а комбриг 31 на отвод батареи не соглашается. Для восстановления же положения на участке 93 полка высылаются две роты 97 полка. Единственное, на что дал разрешение комдив—было снять наблюдательные пункты и провод.

Спустя несколько времени, действительно, прибыла рота 97 полка, которая рассыпалась цепью в версте впереди батареи. В линии роты был на скоро установлен наблюд. пункт, связанный проводом с позицией.

Ночь на правом участке прошла спокойно. Лишь временами открывалась стрельба в глубоком тылу. Из штаба 93 полка поступали успокоительные известия, что „ничего опасного быть не может, т. к. положение повсюду восстановлено".

Только около 2-х часов ночи в штабе полка были получены устные донесения о прорыве на участке 1-го баталиона; командир полка Судаков лично ездил вперед, собирая и одобряя пехоту. О положении на левом фланге точных сведений не было, ввиду нарушения связи с 92-м полком.

На рассвете с батареи было замечено, как восточнее дер. Кашинцы в панике отступали обозы и люди 33 бригады, а за ними густою цепью двигались поляки, имея на правом фланге конницу, численностью не менее эскадрона. Командир 31 бригады, находившийся в д. Кашинцы, в штабе 93 полка, приказал батарее уходить

Приказание это застало батарею уже снявшейся с позиции.

Помкомбат 4 Кунст, видя, что противник грозит отрезать путь отступления, двинул батарею на рысях к м. В. Берестовица, послав об этом донесение командиру 93 полка.

Выйдя на дорогу станция—м. Берестовицы, батарея попала в колонну отступавшей пехоты, с которой и продолжала дальнейшее движение.

Шедший в колонне, командир 97 полка успокоил артиллеристов говоря, что части, двигавшиеся густой цепью к северу-его полк, а конница—эскадрон 11 кавполка. Не доезжая полверсты до флв. Ивашковицы, батарея поравнялась с болотом, пересекающим дорогу. В этот момент с востока открылась сильная ружейная стрельба; оказалось, что поляки, притаившись в канаве у шоссе и выждав подход батареи, принялись расстреливать ее в упор; большая часть упряжных лошадей после первых же выстрелов выбыла из строя. Пехота, двигавшаяся вместе с батареей, не сделав ни малейшей попытки к сопротивлению, бросилась через болото к северу, минуя м. В. Берестовицы, которое уже было занято кавалерией противника.

Вслед за пехотинцами бежали также и оставшиеся в живых артиллеристы. Натиск поляков был настолько стремителен и их появление так неожиданно, что штаб 93 полка едва успел выйти из д. Кашинцы, а штаб 31-й и 33-й бригад и управление 1 и 2 легартдивов, находившихся в м. В. Берестовицы, будучи застигнуты врасплох, уходили оттуда под сильным обстрелом. В тяжелом положении оказалась также группа начальников, с командиром 31 бригады Михайловым и комдивом Собейниковым во главе; на них бросилась конная партия поляков и преследовала их несколько верст, загнав всех в болото и ранив комдива Собейникова.

Оценка действий и причина захвата батарей. Главное, что бросается в глаза при рассмотрении описанного боя—это чрезвычайная впечатлительность и малая стойкость пехоты и 11 кавполка. Короткий нажим поляков приводит к отходу. в котором люди разбегаются; в ротах остается каких-нибудь 10 человек, сохранивших понятие о чести и долге. При отступлении не заботятся о соседях и артиллерии, подвергая первых охвату, а вторую гибели. Кавполк бежит от одного обстрела (как и 97 и 98 полки) и приходит в себя только в д. Готевичи, проскакав 20 верст. При внезапном обстреле поляками отступающей на Берестовицы колонны все обращаются в бегство, несмотря на явное превосходство в силах.

Слабость пехоты усуглубляется расхлябанностью аппарата управления. В течение всего боя совершенно не чувствуется присутствие инстанции, которой должна была принадлежать главная роль—штаба дивизии. Две бригады, сменяющие одна другую, предоставлены самим себе. Перед сменой штадив намечает для отходящей в резерв 33 бригады район в м. В. Берестовица—Павлюшки—Берестовичаны, отводя ее за правый фланг участка, в то время, как угрожаемым, вследствие отхода 48 дивизии, является именно противоположный, левый фланг. Только получив от начальника штаба 31 бригады указание на то, что он должен был сделать сам, наштадив написал приказание № 0220, которым один из полков 33 бригады перемещался в район Клипачи—Девятка.

Отсутствие общего управления на поле боя лишило 31 бригаду помощи уходившей 33 бригады. Правда, смена затрудняла положе-

ние дивизии, но при наличии единого руководства полки 33 бригады, вместо того, чтобы бесцельно мотаться из стороны в сторону, натыкаясь со-слепу на противника, могли бы поставить зарвавшихся поляков в весьма тяжелое положение.

Наконец, если штадив 11 не мог помочь 31 бригаде силами 33, так как не имел с ней связи, непонятно почему не была пущена в дело 32 бригада для использования которой имелась целая ночь? Не менее странно и поведение комбрига 31. Зная о прорыве на своем левом фланге, он в течение 12 часов не принимает никаких мер к его парализованию и сидит в штабе 93 полка, точно полагая, что положение восстановится само собой.

Такой же пример видим и в полках. Командир 91 полка Семигоновский бросает свою часть в самый трудный момент, отправляясь в штаб бригады „выяснять положение". Командир 97 полка отступает в толпе бегущих людей и обозов и принимает противника за свой полк.

Справедливость требует отметить, что и артиллеристы далеко не во всех случаях оказались на должной высоте. Командир 1 батареи помышляет о том, чтобы „кое как удрать", не делая попытки встретить неожиданно появившегося противника огнем и прикрыть собою отход полка. 1-й взвод 4 батареи бросается также без сопротивления. 2-я батарея, если бы она неожиданно обстреляла во фланг густую цепь поляков или, в тыл, его части, разворачивавшиеся около м. Берестовицы, могла бы сильно повлиять на исход дела. Но всего этого сделано не было. Батареи, поддаваясь общей панике, больше всего заботились о своей безопасности.

Такое поведение, видимо, прекрасно учитывалось неприятелем. Его действия носят на себе отпечаток смелости, граничат с дерзостью и свидетельствуют о полном пренебрежении противником. Только люди, вполне уверенные в своей безнаказанности, могут рискнуть на такой опасный маневр, как 20-ти верстный марш в тылу противной стороны, подверженный удару превосходными силами с обоих флангов.

Обращает на себя внимание также слабость связи, которя прерывается при малейшем отходе и ставит части в полную неизвестность о происходящем по соседству; командир 93 полка узнает о прорыве на своем участке только спустя 2—3 часа после того, как это случается.

Параллельно необходимо отметить отсутствие разведки в пехоте; иначе нельзя об'яснить себе недопустимое незнание 93 полком положения у соседа, 92 полка, полную внезапность появления противника и т. п. случаи. Та-же причина повела к гибели и 2-ю батарею, ибо колонна, двигавшаяся, имея сзади и спереди себя поляков, попала в засаду кучки людей, залегших в придорожную канаву.

Нельзя не указать на недоверие к донесениям артиллерии, какое то чисто схоластическое преклонение перед сводками, которые

командир полка „только что получил и из которых видит, что на участке все спокойно“. До чего может дойти ослепление человека, догматически преклоняющегося перед донесениями „своих“ в отличие от доклада „чужих“—артиллерии, раз правдивый рассказ последних об'ясняет „трусостью“ командиров батарей.

В области применения артиллерии бросается в глаза раздача батарей по полкам и беспричинное дробление 4 батареи на взводы, дробление, которым командир 91 полка сам ослабил поддержку, оказанную ему во время атаки 19 сентября.

В итоге всего сказанного следует прийти к выводу, что главная причина утраты 11 дивизией двух батарей заключалась в выдвинутом и необеспеченном положении ее левого фланга. Вина младших начальников, не защитивших батареи—следующий фактор. Что касается артиллеристов, то можно ли упрекать, например, 4-ю батарею, брошенную пехотой, окруженную ночью со всех сторон противником, потерявшую связь и предоставленную самой себе, в том, что ее орудия были брошены. При этих условиях защита в расчете на помощь пехоты привела бы только к бесплодной жертве. Поведение 98 полка вполне подтверждает безнадежность такой обороны.

Если описанный эпизод может осветить усилия, в которых гибли батареи на поле боя, то нижеследующий пример является прекрасной иллюстрацией, не менее часто случавшегося, захвата артиллерии на походе.

V.

Захват поляками двух орудий 4-й батареи 27 стр. дивизии 21 августа 1920 года.

Второй взвод 4 батареи 27 стр. дивизии под командою помкомбата Шкор 17 августа был выделен в ариергард 81-й бригады и следовал с 242 полком. После переправы через р. Зап. Буг у д. Гранное комбриг 81 передал взвод в распоряжение 243 полка, совместно с которым 21 августа он перешел и занял позицию на южной окраине д. Бужиска.

В 15 часов взвод открыл огонь по целям противника у д. Верхуца—Нагорная и по батарее его у д. Верхуца—Набужная и, несмотря на отход 243 полка, который обнажил батарею, и приближение поляков, стрелял на картечь до тех пор, пока неприятельские цепи, подойдя вплотную, открыли ружейный и пулеметный огонь. С большими усилиями орудия были вывезены и при этом был ранен командовавший взводом т. Шкор.

Прорвав расположение 243 полка, поляки стали заходить правым флангом, стремясь прижать его к р. Зап. Буг. Опасаясь захвата орудий, комбриг 81 приказал т. Шкор перейти отдельно от пехоты в д. Косянка Лесная, где ждать распоряжений. Прибыв в д. Косянка—Л., взвод стал дожидаться подхода 81 бригады, но безрезультатно.

Как оказалось впоследствии, бригада, дойдя до д. Твороги Русские, двинулась на север по маршруту Сыпня—Быстрожиры—Чарна Церковная и, далее, на юго-восток; комбриг Степанов, считая, что взвод присоединился к 80 бригаде (как оно и случилось впоследствии), послал из д. Твороги Русские бывшего при нем для связи со взводом конного ординарца отвезти новый маршрут. Но посыльный этого взвода не нашел.

Между тем, Шкор получил от крестьян сведения, что противник находится в трех верстах северо-западнее д. Косянка Лесная. Прикрытия при взводе не было [1]).

Шкор выслал разведчиков для установления связи с какими нибудь своими частями. Один из посланных встретил в д. Громиска колонну 80 бригады. Командир последней, не зная где находится 81 бригада, предложил взводу следовать за головным, 240-м полком по маршруту Гродиск—Межановка—Чарна Средняя и, далее, на м. Клещели.

Пройдя д. Чарна Средняя, комбриг Лапин узнал от крестьян что д. Долубово занята поляками. Высланный раз‘езд 3-го эскадрона подтвердил, что вдоль деревни рассыпана цепь противника, а у костела сосредоточено до 60 чел. поляков. Одновременно поступили донесения, что неприятель показался также в направлении д. Семены Малышина и Малиново. Бригада оказалась окруженной с нескольких сторон поляками.

Комбриг Лапин созвал комсостав и, об‘яснив положение, приказал пробиваться на восток—в направлении д. Долубово. Выбить противника было поручено 240 полку. С целью облегчить положение взвода, лошади которого были крайне изнурены продолжительной бескормицей и большими переходами, начальник артиллерии отряда письменно приказал т. Шкор испортить и бросить зарядные ящики и перепречь освободившихся лошадей в орудия.

Наступила ночь. Командир 240 полка выслал вперед команду пеших разведчиков, поручив им выяснить расположение и силы противника и, если численность его невелика, выбить его из Долубово. Полк, а следом за ним и взвод Шкора, двинулись в расстоянии полуверсты за разведкой.

Подходя к деревне, командир полка перехватил донесение кавалерийской разведки, что „деревня противником не занимается и раз“езд находится в Долубово“. Получив это сведение, комполка

---

[1]) Не выяснено, куда девался эскадрон 27 кавполка в начале отходивший вместе со взводом; комбриг Степанов в своем показании предполагает, что взвод „совместно с частями 27 кавполка проследовал в распоряжение 80 бригады“. Комвзвод Киселев, дававший показания через комбата 2 Сивцова (сам он находился в лазарете) отрицает наличие прикрытия. но впоследствии упоминает об эскадроне, помешавшем повернуть орудия в д. Долубово. С другой стороны, эскадрон (3-й) был и при комбриге 80 Лапине, т. ч. присутствие конницы в колонне 80 бригады не доказывает наличия прикрытия при самостоятельном движении взвода.

известил об этом свою разведку, указал ей дальнейший маршрут и „посоветовал“ запастись проводником.

Движение колонны продолжалось. Проводник, опрошенный командиром полка, показал, что деревня противником не занимается и что было в ней всего 2 польских солдата, набиравших подводы и ушедших в 14 час., т. е. шесть часов тому назад.

Когда 240 полк и взвод вошли в деревню, раздалось несколько ружейных выстрелов и на колонну внезапно напали поляки, выскочившие из домов. Одновременно вдоль колонны затрещал пулемет. Полк и эскадрон, следовавшие рядом со взводом, бросились в бегство и настолько запрудили улицу, что попытка повернуть орудия оказалась безуспешной и только привела к поломке дышел.

Видя невозможность вывезти орудия, Шкор приказал отпрягать лошадей, а номерам отстреливаться. Поляки, приблизившись к нему, приказали слезть с лошади; не подчинившись, помкомбат хотел ускакать, как вдруг раздался выстрел и Шкор, тяжело раненый, упал с лошади. Номера все еще продолжали отстреливаться, но, лишившись своего начальника, стали отходить следом за пехотинцами и конницей, потеряв убитыми арттехника Порфирьева, смертельно раненым командира пулеметного взвода Клянина и еще 29 человек, заколотых штыками и расстрелянных поляками и, выбывшей из строя, большую часть лошадей.

За деревней всех бежавших собрали командиры 240 полка и комдив 3 легкого, которые повели их на деревню, но безуспешно: наступление было отбито. В это время подошли два другие (238 и 239) полки и дружной атакой заставили поляков отойти.

Вывезти орудия не было возможности вследствие поломки дышел. Оставшиеся в живых лошади были запряжены в повозки; погрузили наиболее ценное имущество и раненых и тронулись в дальнейший путь.

Оценка действий и причины захвата взвода. Обращаясь к разбору действий участников, приходится вновь отметить чрезвычайно малую стойкость пехоты. Против трех полков бригады, составлявших не менее 500 штыков, и эскадрона действовало не более 100 чел. регулярной польской конницы с несколькими, как всегда, плохо организованными, партизанскими отрядами; численный перевес безусловно был на стороне красных. Несмотря на это, противник обращает 80 бригаду в бегство. Правда, на стороне поляков фигурировал элемент внезапности, но, опять таки, по вине самих же наступавших.

В самом деле, проследим действия 240 полка. Командиру его было известно от комбрига, что в Долубово поляки. Между тем, получив известие, что деревня свободна от противника, он приостанавливает работу своих разведчиков; опрос проводника окончательно убеждает его в том, что противник ушел. Мысль о возможности засады, видимо, не приходит ему в голову и он с чрезвычайной беспечностью втягивается в Долубово.

Не может быть оправдано также присутствие в деревне арт взвода. Получив задачу выбить поляков, находясь от Долубово всего в двух верстах, комполка приказывает т. Шкор итти за ним. Спрашивается, зачем? Чтобы поддержать полк артиллерийским огнем?—Но для этого вовсе не нужно было тянуть орудия за собой. Достаточно было поставить их тут же на позицию и открыть огонь, определив прицел и направление при помощи карты. Можно усомниться в правильности, необходимости и действительности такого применения артиллерии, но это было бы, в крайнем случае, все же только неэкономной тратой снарядов. Говорить, что батарея пошла за полком, так как командир его считал, что противника нет, нельзя, так как приказание о движении было отдано до получения неверного донесения и опроса проводника.

Наряду с этим, необходимо отметить—поверхностное отношение к делу раз'езда, не разведавшего, как следует, деревню и явившегося главным виновником катастрофы.

Из более мелких недочетов приходится отметить следующие. Артиллеристы не проявили предусмотрительности—не имея запасных дышел, помкомбат Шкор не позаботился снять их с бросавшихся зарядных ящиков и, поэтому, при поломке их, вывезти орудия оказалось невозможным*). Недостаточна связь между бригадными колоннами и комбригом. Неизвестно местонахождение соседних частей своей же дивизии. Отправление командиром 81 бригады арт. взвода без прикрытия, хотя непосредственно и не отразилось на потере последнего, но, в принципе, неправильно и могло привести к захвату его поляками, когда он шел самостоятельно в д. Косянки Лесная, ибо путь его следования был угрожаем со стороны партии поляков, засевших в г. дв. Острожаны и комбриг знал, что вся местность вокруг насыщена партизанами.

Нельзя не отметить распорядительность и храбрость помкомбата Шкор, дважды раненого, и стойкость всего личного состава арт. взвода, продолжавшего отстреливаться до крайней возможности и оставившего орудия последним, потеряв около половины людей.

VI.

Захват ударной артиллерийской группы.

Особняком от других стоят причины захвата ударной артиллерийской группы. Описание ее предсмертных минут представляет высокий интерес, как вследствие проявленной участниками боя доблести, так и с точки зрения выяснения некоторых принципиальных вопросов применения артиллерийских масс особого назначения.

К моменту гибели в состав группы входили второй, третий и четвертый легкие, гаубичный и тяжелый дивизионы группы и, при-

*) Ночное время, поспешность и ранение самого Шкора, несомненно, отразились на этом.

соединенные к ней, 14-й сводный тяжело-гаубичный и 17-й гаубичный дивизионы.

Таким образом в группе было:

Название части.	Число батарей.	ОРУДИЙ.				Комсостава.	Красноармейцев.	Лошадей.
		3''	48''	42''	6''			
2-й легк. дивиз. . . .	2	8	—	—	—	19	467	291
3-й „ „ . . .	2	8	—	—	—	17	461	297
4-й „ „ . . .	2	8	—	—	—	15	474	297
Гаубичный дивизион ударной группы .	2	—	—	—	4	18	483	279
Тяжелый дивизион ударной группы .	2	—	—	2	1	18	490	275
17-й гауб. дивиз. . .	2	—	3	—	—	20	382	158
14-й Сводн. тяжел. гауб. дивизион . .	2	—	—	2	1	16	398	132
Итого . . .		24	3	4	6	123	3155	1729
		37*)						

С началом польского наступления ударная группа после ряда боев дошла до р. Западный Буг, где заняла позиции в районе м. Немиров.

7-го августа, в виду почти полного отсутствия снарядов в дивизионах, группа была снята с позиции и отведена в резерв в м. Рясно, где должна была ожидать поступления патронов. Не дождавшись, однако, пополнения, 10 августа группа выступила из Рясно в направлении на г. Седлец, куда прибыла 13 числа и разместилась по квартирам в окрестных деревнях; в группе было известно, что она дожидается прибытия транспорта со снарядами. Вместо этого было получено приказание сдать все имеющиеся огнестрельные припасы в артиллерийский транспорт 17 дивизии (которой была придана группа) для доставки действующим на фронте частям. После этого, 15 августа дивизионы были двинуты к м. Станиславов, расположенному верстах в 10—20 от фронта. 16-го числа, не доходя места назначения, группа была остановлена у г. Ново-Минск и, ввиду тревожной обстановки, оттянута назад, верст на 5—6 и расположилась квартиро-биваком в деревнях по обоим сторонам шоссе.

17 августа около 14 часов появилась вереница обозов, поспешно отходивших на восток, и распространился слух о прорыве между 8 и

*) По сведениям доклада Нач-ка ударной арт. группы утрачено 39 орудий.

17 дивизиями. Начальник группы, принимая во внимание отсутствие патронов, делавшее группу бесцельным и беззащитным грузом, и неимение прикрытия, стал отводить дивизионы в мест. Калушин, послав об этом донесение начарту 17.

Не доходя до Калушина, было получено распоряжение двигаться на Поноски, а потом, другое, на Соколов—Дрогичин. В пути к группе по приказанию начарта присоединился 17-й гаубичный дивизион.

По пути следования от Соколова на Дрогичин группа была два раза обстреляна ружейным огнем партизан, которые были, однако, рассеяны конной разведкой дивизионов.

Около 20 часов 18 августа группа подошла к переправе через р. Буг. Движение было крайне затруднительно, ибо по дороге безконечной вереницей следовали в два-три ряда обозы трех дивизий: 8, 10 и 17-й. Тысячи обывательских повозок, большею частью пустых, настолько запрудили дорогу, что у переправы образовалась пробка. Этим воспользовались партизаны, которые около часу ночи совершили нападение на колонну, захватив одно орудие 17 гаубичного дивизиона.

Ночь с 18 на 19-е августа группа провела в м. Дрогичин. Здесь кончился указанный маршрут и сведений, куда итти, больше не было. Отступающие обозы, влекомые паникой, стихийно двигались на Семятичи, где, по слухам, ожидался штаб 17 дивизии.

В виду появления многочисленных партизанских отрядов, группой были выставлены конные посты по Бугу для охраны моста и переправ. Благодаря малочисленности этого прикрытия партизанам удалось захватить мост через реку и мест. Дрогичин. Группа, обстреливаемая ружейным огнем, в 5 часов 19 августа выступила из Дрогичина, оставив одно орудие 7 легкой батареи и два зарядных ящика. Направление было взято по пути общего движения, на Семятичи, т. к. прибывший из снабжения армии, со ст. Черемха один из заведывающих хозяйством передал, что там можно будет получить снаряды.

Около 9 часов дивизионы подошли к Семятичам. Впереди шла перестрелка с партизанами. Все дороги были забиты обозами, двигавшимися крайне медленно и постоянно останавливавшимися. Поэтому на прохождение последних двух-трех верст понадобилось 4 часа и только после полудня дивизионы сосредоточились на восточной окраине местечка. Здесь к ним присоединился помначарт Козеровский и комиссар артиллерии 17 дивизии Куликов. Оба они также ничего не знали о положении на фронте и не имели связи со своим штабом.

В Семятичах никаких снарядов не оказалось. Решено было идти на северо-восток, в Бельск; к этому побудило указание случайно встречного особоуполномоченного штаба XVI армии, указывавшего, что там находится один из штабов.

К 20 часам группа достигла м. Нурец. Кругом царила паника и общее бегство. Партизаны показывались то в том, то в другом направлении, обстреливая колонну и грозя отрезать ей путь. Люди и лошади, истомленные стосемидесятиверстным переходом, совершенным

в два дня, отдыхавшие только несколько часов, голодные, ложились на ходу, не будучи в силах бороться с усталостью. Решено было сделать двухчасовый привал.

Начальник группы созвал совещание из комдивов с целью обсудить, что делать дальше. Выяснилось, что в некоторых дивизионах, благодаря усталости, нет надежды пройти и пять верст. Ночевка в м. Нурец грозила гибелью, но начгруппы Яковлев, вопреки мнению некоторых из присутствовавших, не решился бросить наиболее слабых и приказал заночевать.

В 7 с половиною часов 20 августа выступили из м. Нурец, намереваясь через Мелейчицы и Клещели перейти в Гайновку. Но лишь головной дивизион начал вытягиваться на большак Нурец—Мелейчицы, как из последнего явился милиционер и сообщил, что это местечко занято польской кавалерией.

Для выяснения численности противника вперед была выслана разведка. Из состава дивизионов начальник группы выделил прикрытие, около 180 чел. пеших, под командой помкомбата 14-го тяжелого дивизиона Евсеева, и конный отряд в 70 чел. под командой комиссара того-же дивизиона Бессонова. Люди последнего холодного оружия не имели и были вооружены только винтовками.

Некоторые начальники вновь предложили изменить маршрут и обойти Мелейчицы. По обмене мнений было решено, что единственно правильный путь отступления—пробиться с боем и выйти на Гайновку.

Высланная разведка донесла, что, не доходя м. Мелейчицы, она была обстреляна ружейным огнем. Таким образом, наличие впереди противника подтверждалось. Тогда начальником группы была поставлена задача: пешему прикрытию Евсеева наступать на местечко и захватить находящуюся там польскую кавалерию. Конному отряду, выделив часть людей на усиление разведки тов. Яхонтова, остальными охранять колонну от возможных нападений противника. Кроме того, часть пеших оставалась в ариергарде, начальствование которым было поручено командиру 2-го легкого дивизиона Мултановскому; в помощь последнему назначался комдив 14 гаубичного—Коннберг.

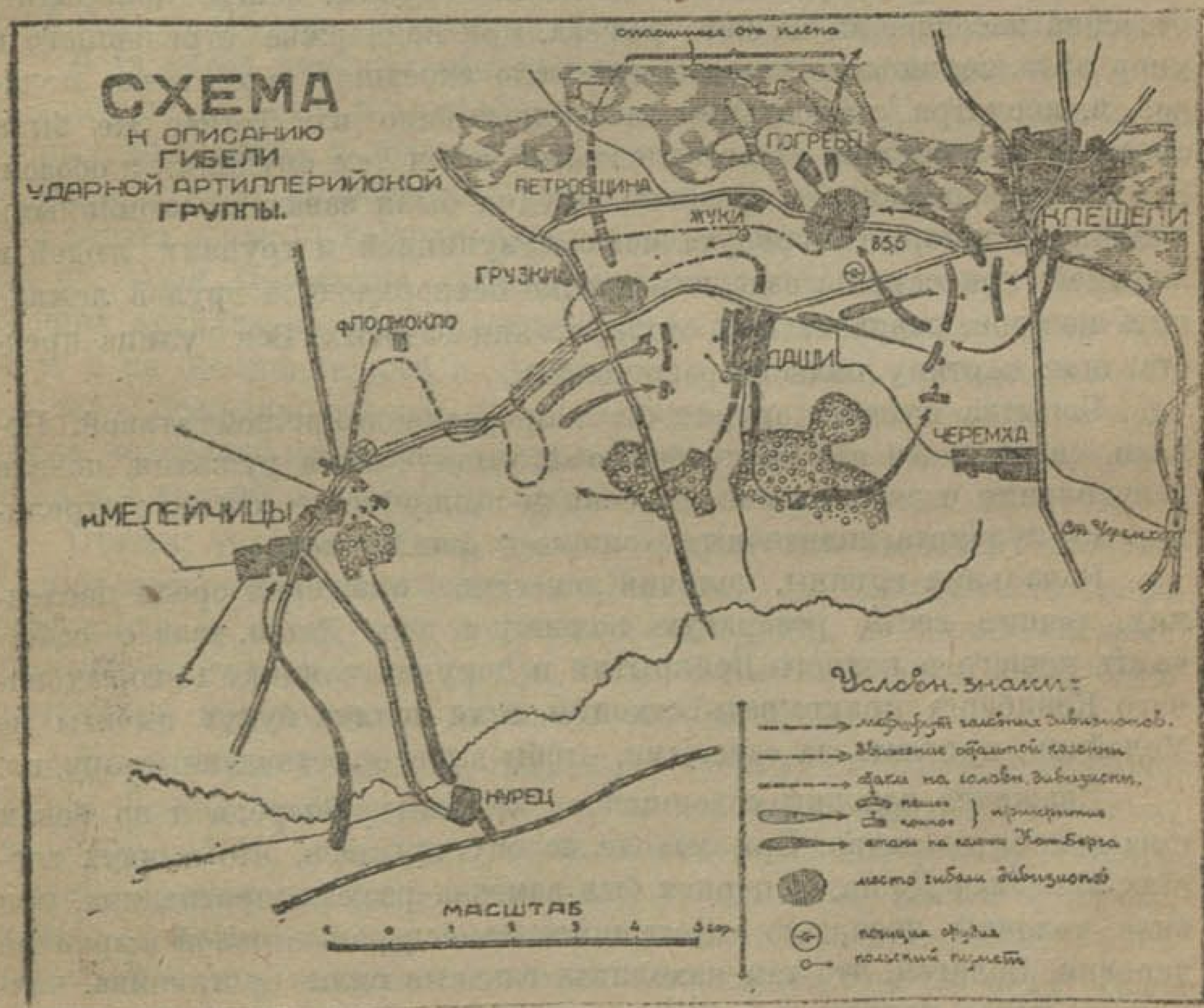
Головное прикрытие цепью двинулось вперед и при поддержке 2-х пулеметов и легких орудий, случайно сохранивших около 30 патронов, после получасового боя заняло Мелейчицы; противник в беспорядке отступил к д. Даши. Трофеями были: артиллерийский и продовольственный транспорты одной из дивизий, захваченные поляками, и автомобиль с особо уполномоченным штаба армии. Последнего при нападении ранили и отобрали оперативный приказ, который он вез частям армии. Кроме того, было взято несколько польских солдат и офицер 4-го Уланского полка. Пленные показали, что через Буг у м. Мельник переправились два кавалерийских полка противника, каждый численностью до 4000 коней, с задачей производить панику в тылу и захватывать артиллерию и обозы в районе м. м. Нарев—Свислочь—Гайновка.

Несмотря на эти сведения, начальник группы решил все же пробиваться через Клещели-Гайновку на Бельск. Во исполнение этого т. Евсееву было приказано продолжать наступление при поддержке 2-х орудий 2-го легкого дивизиона, а конному отряду с одной третью пешего попрежнему прикрывать колонну.

Но лишь головной дивизион вышел на сев.-вост. окраине местечка и движение колонны замедлилось вследствие песчаного и довольно крутого под'ема, сзади показались шедшие на рысях две группы конных, каждая сабель в 20-30, держа направление на Мелечицы.

Полагая, что рассыпанное вдоль колонны прикрытие сдержит противника, дивизионы продолжали движение. Поляки одновременно развернулись в цепь и, стреляя, галопом пошли: левый раз'езд в обход местечка с запада, а правый на перерез колонне, через перелесок у восточной окраины Мелейчицы (черт. 2).

Чертеж 2.

В противовес этому маневру на появившуюся кавалерию была направлена часть пеших, следовавших в голове группы. Легкие орудия, прикрывавшие движение, были поставлены на позицию, но в ожидании подхода хвоста группы, принуждены были бездействовать. Рассеянные вдоль всей четырехверстной колонны люди пешего и конного прикрытия не в силах были сдержать превосходивших их в вооружении поляков. Противник, напав на колонну в местечке, вре-

зался в самую гушу обозов и принялся расстреливать и рубить беззащитных ездовых.

Об'ятые паникой, около двухсот повозок бросились вперед, забиваясь между орудиями и, прежде чем успели принять какие либо меры противодействия, весь хвост колонны сбился в беспорядочную кучу сломанных повозок и людских и конских трупов сквозь которые пробирались ползком отдельные уцелевшие повозочные, ища спасения в кустах и огородах.

Пока поляки возились с обозами, начальник группы успел вывести из местечка и расположить в резервном порядке в лесу у фл. Подмокло два орудия 14 тяжелого дивизиона, взвод 2-го легкого дивизиона, два орудия гаубичного и три орудия тяжелого дивизионов группы, а также часть обозов этих дивизионов и уцелевших лошадей 3 легкового дивизиона.

Затем, по распоряжению начальника группы, пешее прикрытие, оттеснив наседавший на него раз'езд, при поддержке стрелявшего в упор артиллерийского взвода, атаковало засевших в местечке поляков, и, несмотря на большие потери, выбило их. Тотчас же была организована поездка за оставленными перед тем орудиями и обозом. Работа была сложная и трудная: орудия были завалены сломанными повозками, которые перепутались с аммуницией и трупами людей и лошадей; при самом в'езде в местечко беспорядочной грудой лежало пять повозок, раздавив при столкновении ездовых. Вся улица представляла картину полного разрушения.

Попытка вывезти орудия была прервана вторичной атакой. Поляки, силою более двухсот сабель с автоматическими ружьями, повели наступление с двух сторон, потеснили прикрытие и стали обстреливать из пулемета дивизионы, стоящие у фл. Подмокло.

Начальник группы, получив донесение о потерях среди последних, решил вести резервную колонну в дер. Даши, взяв с собою часть пешего и конного прикрытия и поручив комдиву 14-го гаубичного Коннбергу прикрывать отход и, если поляки будут выбиты из Мелейчиц, прислать за ездовыми, чтобы вывести оставленные орудия.

Движение колонны совершалось медленно. Впереди и по бокам шла конная разведка. При выходе на опушку леса, что в двух верстах западнее Даши, у церкви был замечен раз'езд противника, при виде колонны поспешно скрывшийся за северо-восточной окраиной деревни. Полагая, что там находятся главные силы противника, начгруппы повел колонну на рысях, с целью обойти Даши с юга. Но поляки бросились наперерез колонне и взяли ее под обстрел из пулемета. Тогда т. Яковлев решил круто повернуть к северу, чтобы укрыться за высотой около дер. Грузки, ожидая подхода остальной части группы, которая продолжала биться у м. Мелейчицы.

Отход был совершен благополучно, но едва колонна успела сосредоточиться, как со стороны фл. Жуки раздался треск пулемета и вскоре с северо-востока появились новые цепи противника. Колонна

оказалась под перекрестным огнем. Единственным путем отхода осталось направление на север, но и здесь далеко пройти не удалось: запряжки попали в болото, орудия и повозки стали тонуть и лошади, сами по брюхо в воде, были не в силах сдвинуть их с места. Пришлось испортить орудия и оставить их, отведя людей и лошадей на север. В этом трехверстном переходе спаслись также не все.

С этого момента группа, надо считать, перестала существовать. Остатки ее, во главе с доблестным Коннбергом, недолго дрались у Мелейчиц: большие потери и недостаток патронов не дали им отбросить поляков. Получив сведения о гибели головной части колонны, Коннберг решил прекратить неравный бой и отходить, так как, если бы даже противник был принужден к отступлению, вывезти орудия было бы нечем—лошади ушли и утонули в болоте.

С тяжелым сердцем шли уцелевшие. Немного их осталось,—всего два орудия и обоз 14 гаубичного дивизиона, прикрываемые остатками отряда Евсеева, человек 50 и до 30 конных, при двух пулеметах.

В 16 часов разведка обнаружила раз'езды противника к северу и западу от д. Даши и завязала с ними перестрелку. Под давлением конных, посланных в обход его правого фланга, противник стал отходить к деревне. Подоспевшие пещие при пулеметах имея для охраны себя справа около 15 конных, рассыпались в цепь и повели наступление на Даши. Противник, видимо смущенный присутствием у нападающих артиллерии, видя бегущую на деревню с криками „ура" пехоту, и не осведомленный о численности конницы, обходившей его с севера, поспешно отошел на юг, оставив в деревне много снаряжения, несколько лошадей и повозок. Кроме того было освобождено значительное количество пленных красноармейцев головных дивизионов.

Считая, что дальнейший путь к отступлению свободен, остатки группы продолжали двигаться на Клещели. На полдороге от Даши были взяты в плен два польских кавалериста, из опроса которых выяснилось, что полчаса тому назад Клещели заняты эскадроном противника, прибывшим туда из Высоко-Литовска.

Для поверки показаний пленных в сторону Клещели был выслан раз'езд. Почти одновременно навстречу показалась польская конница, около 150 сабель; движение ее было встречено вытсрелами легкого орудия. Противник, расположившись по высотам южнее местечка, отвечал ружейным и пулеметным огнем. Пешее прикрытие повело наступление на занятые поляками высоты, но, под сильным огнем неприятеля, принуждено было залечь.

Около 20 часов противник начал перегруппировку, сосредоточивая часть своих сил в обход правого фланга цепи. Вторичная попытка сбить его не удалась; угроза правому флангу начала осуществляться. Из леса, что к югу от Даши, появилась группа поляков, выбитая перед тем из этой деревни.

Одновременно с началом обхода из цепи было получено донесение, что нет патронов, и, вместо движения вперед, пришлось отходить,

загибая правый фланг, к высоте у д. Погребы. Комдив Коннберг решил задержаться здесь до вечера, чтобы, если не поспеет откуда нибудь поддержка, под покровом темноты увести оставшихся людей и лошадей к северу. Мысль вывезти орудия и повозки пришлось оставить после того, как от высланной разведки было получено донесение, что на протяжении 10-12 верст от места боя—болото для них непроходимо.

Но этой надежде не суждено было сбыться. Противник налетел на прикрытие, не имевшее даже штыков, и одних изрубил, других взял в плен. Покончив с пешими и получив подкрепление, поляки повели наступление на расположенные за д. Погребы остатки группы. Орудие, выпустив свои последние патроны, а пулемет—ленту, стали добычей противника. Часть, наиболее малодушные, выкинули белый флаг и послали к полякам парламентерами пленных кавалеристов; другая же, предпочитая лучше погибнуть в болоте, чем сдаться, кто на лошади, кто пешком, бросились на север. Здесь, как и их прежние товарищи, многие нашли себе вечный сон—кого засосала трясина, а кто пал смертью от неприятельских пуль. Всего в этом бою погибло убитыми, раненымъ и пленными 49 чел. командного состава, 1613 красноармейцев, 1441 лощадь и захвачено орудий: 3 дм.—24, 40 лин.—3, 42 лин.—4 и 6 дм.—6.

Уцелевшие остатки ариергарда вскоре соединились с отходившими на восток спасшимися людьми головных дивизионов. После полного лишений путешествия, прячась от населения в лесах, они достигли Волковыска, откуда распоряжением штаба 17 дивизии были направлены в Слоним—Полонку.

Оценка действий и причины гибели группы.

Так погибла эта горсть людей, брошенная на произвол судьбы, смело шедшая прямо в лицо опасности и дерзновенно пытавшаяся своими слабыми средствами сохранить себе свободу и честь. Бесхитростные показания участников этого боя свидетельствуют, как люди гибли десятками, бросаясь на пулемет, как безоружное в схватке конное прикрытие ходило в атаку, одной своей стремительностью очищая поле от противника. Но сила солому ломит и не им было бороться с окружившими их поляками, более многочисленными, лучше вооруженными и, главное, обученными действиям в конном и пешем строю.

Беспристрастный исследователь должен отметить, что, среди скорбных страниц растерянности и паники, ударная группа показала, что русская артиллерия умеет не только стрелять, но и драться и умирать. Правда, и здесь были, наверное, отдельные отрицательные случаи, но все с лихвой окупается общим героизмом.

Оценивая действия группы на поле ее смерти, можно отметить только одну ошибку. Заключается она в том, что начальник группы увел дивизионы от фольварка Подмокло, разделил этим и без того

слабые свои силы и дал разбить себя по частям. Но вся обстановка, в которой шла и дралась группа, складывалась так, что гибель ее была неотразима. Мужество прикрытия, двенадцать часов отстаивавшего существование группы, только продлило агонию.

Начать с маршрута. После выступления из м. Дрогичин за общим перерывом связи, группа шла вслепую, наугад выбрав направление по пути общего потока и в своем Drang nach Osten не подозревала, что судьба влечет ее прямо в руки врагу. Изменить дорогу и уклониться к югу, как предлагалось на совещании 19 августа, вовсе не значило выйти из рокового кольца, потому что там шла польская конница, переправившаяся у Немирова и державшая путь в районе м. м. Нарев—Свислочь—Гайновка.

Большую роль сыграл недостаток вооружения, пушечных и винтовочных патронов и шашек. Можно пожалеть также об отсутствии прикрытия, ибо свое, наскоро импровизированное, при всей своей доблести, все же не знало элементарных правил действия в рукопашном и огнестрельном бою. К каким последствиям привело это на практике, видно из следующих фраз показания Коннберга: „дать артиллеристу в руки винтовку и внушить ему, что он представляет собой и номера, и ездового, и пехотинца и кавалериста равносильно маскараду... Сформированные на скорую руку пехотный и кавалерийский отряды, с назначенными от разных частей начальниками, показали полную свою неприменимость. Начальник и подчиненные не знают друг друга и, в большинстве случаев, низший комсостав и рядовые обращаются не к назначенному, неизвестному им, командиру роты, а к своему командиру батареи или дивизиона, а при отсутствии последних теряются и чувствуют себя выбитыми из колеи... В справедливости сказанного меня убедил следующий факт: когда я после взятии дер. Даши, ввиду отсутствия начальника группы и командиров других дивизионов, собрав остатки пехоты и конницы, принял на себя роль начальника отряда, во всем личном составе за полчаса до того, с криком „ура“ бросавшемся на противника, чувствовалось какое то уныние и равнодушие ко всему. Назначенные командиры куда то исчезли и солдаты не могли дать о них каких либо сведений, а мои приказания, хотя и исполнялись, но вяло и, как будто, нехотя. Благодаря такому настроению солдат, начальник конного отряда впал в уныние и стал настолько индифферентен ко всему окружающему, что никак не мог привести в порядок свой отряд, и приходилось чуть ли не митинговать, чтобы выслать необходимые для освещения местности раз‘езды. У меня же в отряде людей, могущих занять место начальника разведки, не было“. При этих условиях возникает предположение (и оно отнюдь не противоречит сказанному ранее о неотвратимости гибели группы), что, при более искусном прикрытии, группа, быть может, успела бы пробиться до подхода в Клещели новых сил противника и была бы спасена.

Несомненно, благоприятствующими обстоятельствами явилась также усталость людей и лошадей и большое количество повозок, своих и чужих (последних было около 200), которое явилось следствием отсутствия форменного обоза. Приказания начальника группы о сокращении обозов до 5 повозок на управление дивизиона и 10 на батарею игнорировались и за некоторыми дивизионами следовали до 100 подвод. Уж если, по тем или иным причинам, от них нельзя было отказаться, следовало, по крайней мере, не тащить всю эту громоздкую массу за собой, а держать в одном переходе сзади; этим были бы развязаны руки боевой части.

В области общих принципов применения артиллерийских масс особого назначения нельзя не отметить ненормальности подчинения, которая послужила одной из причин, подготовивших потерю группы. Принципиально дробить ее не разрешалось. Поэтому она была целиком придана одной из дивизий. Последняя, кроме своей штатной артиллерии, имела еще 14, 22 и 23 тяжелые дивизионы и 14 и 17 гаубичные, т. е. всего, считая с группой, 17 дивизионов вместо пяти. Такое количество артиллерии в дивизии (до 40 орудий на 1000 штыков), которая едва соответствовала пехотному полку, было ненормальным явлением, тем более, что, благодаря недостатку транспортных средств, питание было неудовлетворительно, и были моменты, когда большая часть из перечисленных дивизионов совершенно не имела боевого комплекта.

Это учитывал начарт 17 Нелле, докладывая об этом начальнику дивизии, об этом известно было и в армии. Но в последней, устами члена Реввоенсовета, т. Пятакова, считали, что артиллерия армии должна быть использована целиком и никаких артиллерийских резервов быть не может. Таким образом, к армии и армейской артиллерии прилагался принцип, установленный для дивизии и низших соединений.

Вопреки мнению начарта, указывавшего, что за Буг группу, двигать нельзя, начдив 17, не считаясь с отсутствием снарядов и с тем, что и своя, приданная дивизии, артиллерия не находит себе применения полностью и часто идет в переходе сзади, приказал выдвинуть ее вперед. Когда начался отход, о спасении группы думать было поздно и она попала в руки противника.

VII.
Выводы.

Приведенный обзор наиболее типичных случаев потери артиллерии, а равно и очерк тех условий, в которых работала последняя в августовско-сентябрьский период, позволяет указать три главнейших категории причин, способствовавших захвату орудий.

К первой необходимо отнести данные стратегического порядка — характер действий поляков, неподготовленность к отступлению и не-

обеспеченность коммуникаций, словом, все те вопросы, которым посвящено начало этого очерка.

Вторую группу причин составляют организационные недостатки: малая обученность и дисциплина в войсках; неподготовленность командного состава, с проистекающими отсюда ошибками в управлении; малочисленность пехоты; большое количество обозов; плохое качество конского состава; недостаток ручного оружия у артиллеристов, наконец, отсутствие в артиллерии запасных частей (напр. во взводе Шкора). На всех этих вопросах останавливаться не приходится, они ясны сами по себе.

Большего внимания заслуживает третья категория—ошибки самих войск, тактическая сторона их деятельности. Приведенные три примера захвата противником артиллерии, не могут претендовать на исчерпывающее освещение вопроса; многочисленные факты гибели орудий, каждый в отдельности, обнаружили столь разнообразные недочеты в деятельности всех родов войск Красной Армии, что, поневоле, приходится отказаться от дальнейшего перечисления эпизодов, ограничившись наиболее типичными.

Из числа тактических вопросов, на которых следует остановиться, может быть названо в первую очередь растянутое расположение пехоты. Выше был приведен пример, как дивизия, имевшая всего $2^1/_2$ тысячи штыков, т. е. называя вещи их именами,—два с половиной баталиона, занимала участок длинною в 60 верст; неудача 11 дивизии в описанном бою также, в значительной степени, должна быть приписана непомерно растянутому расположению пятисот человек на 12 верст. Это не единичные примеры, а общее явление. Конечно, такой фронт обладает самой ничтожной устойчивостью и прорывается с весьма малым усилием. Благодаря отсутствию резервов, образующиеся прорехи заткнуть нечем и приходится отводить войска назад. Этот маневр, в конце концов, становится настолько привычным, что части начинают смотреть на него, как на единственный и естественный ответ на наступление противника, и отходят иногда вследствие одной только угрозы наступления и охвата.

Трудность взаимодействия, которое могло бы еще в отдельных случаях спасти положение, усугубляется плохой организацией связи. При крайне подвижном характере боевых действий наладить широкую и прочную связь очень трудно. Необходимость известить соседа о своем положении также плохо осознана. Поэтому не только артиллерийские, но и общевойсковые начальники осведомлены об обстановке весьма слабо. Ярким примером этого является бой 11 дивизии на р. Свислочь.

Пехотная разведка не достаточно широка и сведения ее не всегда точны, поэтому часть работы берет на себя артиллерийская разведка. Несмотря на это, полковые и бригадные командиры относятся к донесениям артиллерийской разведки и артначальников с непонятной недоверчивостью.

Далее, сплошь и рядом, походное движение организовано неправильно. Из примера 11 дивизии видно, к каким последствиям привело 4-ю батарею отсутствие охранения и разведки на походе. В отдельных боевых эпизодах встречаются еще более грубые ошибки— напр. движение целой бригады компактной массой без авангардов, охранения, разведки и связи с соседями и по колонне.

Весьма распространенным явлением представляется отсутствие прикрытия у артиллерии. Впрочем и наличие его далеко не является гарантией безопасности для охранения батарей, ибо это прикрытие, будучи всегда крайне малочисленно, бросает орудия первым.

Практикуемое поголовно дробление артиллерии не только понижает пользу, которую она приносит пехоте, но и является одной из серьезных причин захвата ее противником. Батарея с полком, представляющим собою в сущности только роту, является противоестественным соединением, необ‘яснимым никакими доводами рассудка и логики. Вполне естественно, что растянутые на 10 верст, какие нибудь две—три сотни штыков не в силах защитить стоящую сзади артиллерию. Командиры же полков дают батареям иногда самые несуразные задачи и держат орудия на позиции до последней возможности, как бы стремясь восполнить артиллерийским огнем недостаточную стойкость пехоты. Несомненно, что, если бы этого ненужного дробления не было, немалая часть артиллерии вышла бы из польского мешка целою.

Благодаря постоянному разделению батарей по полкам, командиры дивизионов привыкают к пассивной роли и почти никогда не отрываются от штабов бригад (что вызывается также и недостатком средств технической связи), превращаясь иногда в „инспекторов артиллерии бригад“. Поэтому батареи предоставляются самим себе и неопытность их командиров сыграла в отдельных случаях гибели немалую роль.

Приведенные три примера, случайно дают образчик положительного исполнения артиллеристами своих обязаностей. Справедливость требует отметить, что это было далеко не всегда. Во многих случаях батареи отдавались в руки противника без всякой обороны и орудийная прислуга и комсостав бежали также малодушно, как и пехота.

В результате всего описанного и систематической утраты орудий, в некоторых частях Красной Армии к концу отступления выработалась совершенно новая черта—это боязнь своей собственной артиллерии, выливавшаяся подчас в уродливые формы, вроде напр., отказа начальника 11 дивизии ставить задачи артиллерии: указав роль каждой бригаде, этот начдив в своих приказах начал в последних боях писать—„начарту распределить артиллерию соответственным образом“.

Интересно подвести некоторые числовые итоги: какие из отмеченных недочетов встречались чаще других, какие реже. Об этом можно судить по следующей таблице.

Причины утраты артиллерии.	В скольких °/о общего числа случаев наблюдалось.
Малочисленность и нестойкость пехоты	80
Неправильное использование артиллерии	65
Недостаточность пехотной разведки	85
Дефекты службы связи	90
Неправильная организация походного движения	20
Отсутствие прикрытия, его малая стойкость или недостаток вооружения у батарей	100
Неумелое использование прикрытия	10
Изнуренность конского состава	45
Отсутствие самообороны артиллерии	30
Ошибки артиллерийских нач-ков	35

Из этого перечня видно, что только $^3/_{10}$ причин гибели орудий относится к вине артиллерии, а относительно общего числа допущенных ошибок, артиллеристами было сделано всего 15°/о. Следовательно, в 85°/о случаев артиллерия утрачена не по своей вине.

* * *

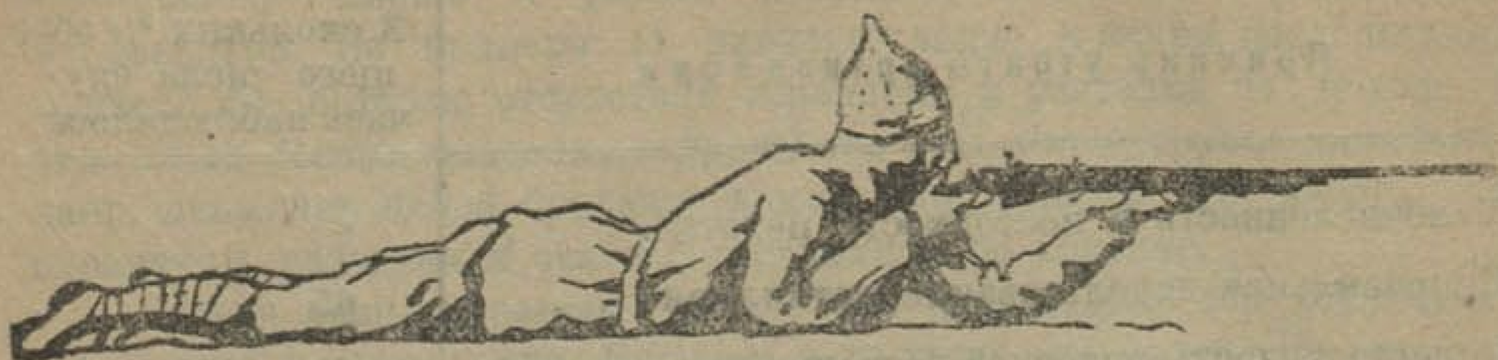
Тяжелые дни отступления оставили в памяти участников глубокий след. Быть может, жестокий урок заставил многих начальников призадуматься над прошлым и проанализировать свою деятельность.

В помощь им написан этот очерк и им посвящается. Пусть глубоко проникнет в души всех пожелание безвестного автора красноармейского стихотворения:

„...Для нас и то уж будет честь
Ошибки прошлого учесть
И больше их не повторять“.

Б. Леонидов.

Обход флангов.

Маневренный характер современной войны, отличающейся растянутостью фронта и малочисленностью частей, резко видоизменил приемы установившиеся во время позиционной войны.

Линия сплошного фронта, особенно при обороне, уступила свое место, в соответствии с указанными выше особенностями, групповому расположению.

При перерывчатости фронта и малочисленности частей, когда на долю бригады, в составе 600—800 штыков, весьма часто приходится участок в несколько десятков верст, естественно, прежнее понятие „боевой линии" потеряло свое первоначальное значение.

Групповое же расположение, открывая широкие возможности обхода флангов, привело к перемене значения стойкости частей при обороне, так как, несмотря даже на самую стойкую оборону, противник, располагая более крупными силами, имеет возможность обхода, проникновения в тыл и тем самым принудить к оставлению обороняемой позиции.

Таким образом, при современных условиях войны, обход становится как бы постоянным фактором с которым войскам надо свыкнуться, быть к этому постоянно готовым и отделаться от того испуга, который обычно вселяет угроза обхода, ведя в свою очередь к потере инициативы, смелости и решительности действий, а тем самым и к поражению.

Единственно верным залогом успеха при таком положении вещей является твердое сохранение инициативы в своих руках, смелость, решительность действий и способность к быстрому маневрированию.

Многочисленные примеры из прошлой войны с Польшей весьма убедительно доказывают, что при соблюдении этих условий, успех был всегда обеспечен, не только при обходе флангов, но даже при полном окружении значительно превосходящим численно противником и—наоборот,—потеря инициативы в таком случае означала верное поражение.

Приведенный ниже эпизод из боевых действий 6-й бригады 2-й стр. дивизии служит ярким примером, подтверждающим изложенное.

Из боевых эпизодов 6-й бриг. 2-й стр. див. в районе Городок—Раков—Радошковичи 11—13 октября 1920 г.

Обстановка.

К вечеру 10-го октября 6-ая бригада в составе 16, 17, 18, полков и 3 легк. артиллерийского дивизиона (5 и 6 легк. батарей), согласно приказа по 2-й стрелковой дивизии, развернулась на фронте д. д. Пожарище, Бакшты, Пугачи, Дубаши, Залесье, выдвинув сторожевое охранение на линию Доры (исключительно) Среднее село—Киевец (включ.) в общем направлении на юго-запад. Правее—в районе Городок была выдвинута приданная 6-й дивизии особая бригада; левее—в районе м. Раков была сосредоточена 5-ая бригада 2-й дивизии, имевшая сторожевое охранение в деревне Галимцы.

Противник перед фронтом бригады обнаружен не был. Высланная на м. Першай и д. Рудня (8 верст южнее Першай) разведка донесла, что весь этот район совершенно свободен от противника, но последний кавалерийскими частями занимает м. Ивенец. Таким образом, к 11 октября участок бригады был совершенно пассивным и соприкосновение с противником отсутствовало.

Характер местности и тактические условия.

Весь район расположения бригады и тыл отличался крайне пересеченным характером местности и изобиловал множеством возвышенностей, холмов, оврагов, отдельных перелесков и рощиц, представлявших в высшей степени удобные подступы к нашему расположению и образовавших ряд мертвых пространств, на ряду с этим дававшим и нашим частям скрытые подходы и многочисленные удобные для обороны естественные рубежи.

Вместе с тем наличие большого количества проселочных дорог, находившихся благодаря сухой погоде в хорошем состоянии, делали всю местность весьма легко и удобно проходимой для всех родов оружия и допускали свободу маневрирования. Однако, эти выгодные стороны местности для наших частей никакого преимущества дать не могли ввиду отсутствия инженерной подготовки и приспособления к обороне, и явились одинаково удобными, как для нас, так и для противника, позволяя ему использовать для сосредоточения своих сил каждую складку местности.

Стратегическое значение участка.

Непосредственно на участке занятом бригадой операционных направлений не было. Таковые лежали за пределами ее флангов на участках соседей: вправо через левый фланг особой бригады проходила важная дорога—большак Воложин — Городок — Красное; влево на правом фланге 5-й бригады большая дорога Ивенец—Раков—Радошковичи с разветвлением: Раков — Изославль. Бри-

гада расположилась в промежутке между этими важными операционными пунктами и в случае наступления противника сразу попадала под угрозу охвата обоих флангов и даже полного окружения, что и случилось впоследствии. Проходившая через участок бригады дорога Першай—Адамовцы—Дуброва значения операционного пути иметь не могла, так как на юго-запад от м. Першай простиралось болото и прежде чем выйти на нее противнику пришлось бы совершить фланговое движение вдоль нашего фронта. Поэтому расположение занимаемого бригадой участка с точки зрения общей задачи армии—прикрытия железной дороги Минск—Молодечно имело лишь то значение, что в случае продвижения противника по одному из главных операционных направлений, бригада могла быть брошена для удара во фланг противнику, а также прикрыть непосредственно участок ст. Алехновичи—Радошковичи.

Силы бригады.

Боевой состав бригады к 11 октября определялся следующими цифрами:

16-й	полк	штыков 193,	пулеметов	8.
17-й	„	„ 238,	„	10.
18-й	„	„ 357,	„	8.

Таким образом всего в бригаде имелось на лицо: штыков 788, пулеметов 26. Артиллерию бригады составляли 7 легк. орудий (три в 5-й батарее и четыре в 6-й бат.).

Группировка.

Вышеуказанные незначительные силы бригады, занимавшие участок на протяжении 12 верст (по воздушной линии) к утру 11 октября были сгруппированы следующим образом: *16 полк* на правом фланге в районе д. Пожарищи—Бакшты—Доугулы последний пункт исключит. и имел сторожевое охранение на линии Доры искл. Среднее Село—Комаровка (искл.) со штабом полка в Петровщина. *18 полк* на левом фланге в районе Лягезы—Дубаши—Михалово, выдвинув охранение на линию Комаровка—Киевец (оба пункта исключит.), со штаобм полка в д. Залесье. *17 полк*, составляя бриг. резерв, расположился в районе Пугачи—Татары со штабом полка.

Указанное расположение бригрезерва давало ему возможность оказать содействие как правому, так и левому флангу бригады.

Относительная близость его к правому флангу вытекала из тех соображений, что левый участок занимается наиболее боеспособным и значительным по своей численности 18-м полком, всегда отличавшимся своей стойкостью и, кроме того, связь с левым флангом бригады для бригрезерва была обеспечена вполне хорошими дорогами. Из двух батарей бригады на позицию была поставлена лишь 6-я батарея, выдвинутая из д. Заречье с задачей обстрела дорог Раков—Першай

и Раков—Городок. Полештабриг был расположен в д. Дуброва, штадив—в м. Радошковичи.

Положение 11-го октября.

С рассветом 11 октября ударная группа противника в составе*) 2-х кавалерийских бригад и пехотной дивизии с артиллерией не менее 6 батарей, повела наступление из района Камень—Ивенец в направлении Глинцыраков.

Около 10 часов сильный авангард противника сбил передовую заставу правого фланга 5-й бригады и на ее плечах ворвался в д. Пережары, где опрокинул части 13 полка и, стремительно развивая свой успех, около 16—17 часов занял м. Раков.

Одновременно с наступлением противника на правый фланг 5-й бригады, его конные отряды появились на участке 18 полка в районе Киевец. Находившаяся здесь 6-я рота 18 полка, благодаря своей выдающейся стойкости, отбила три атаки противника, помешав его дальнейшему распространению на север. Но ввиду отхода правого крыла 5-й бригады от д. Глимцы и Пережары, роте приказано было отойти на основную линию обороны в район Михалова, где сосредоточивался весь второй баталион 18 полка с целью создания кулака на нашем левом фланге и нанесения удара противнику с севера во фланг.

Между тем правофланговые части 5-й бригады были приведены в полное расстройство и противник, задержанный непосредственно перед фронтом 6-й бригады, быстро распространялся на восток на участке 5-й бригады, создавая, таким образом, угрозу охвата для 18 полка. Вместе с тем нажим его на левом фланге не прекращался и с отходом левофланговых частей 6-й бригады на линию Михалова, где непрерывно появлялась его кавалерия, отгоняемая нашим огнем. Связывающие нас действия противника на левом фланге бригады с одновременным прорывом фронта соседа, создали опасность для сильно выдвинутых вперед частей 16 полка, тем более, что сосед справа—особая бригада—своего охранения на одну линию с 6-й бригадой (в районе Доры) не выдвинул. Вследствии этого всем передовым частям было отдано приказание отойти на основную линию: Пожарищи—Бакшты—Доугула—Михалова. В то же время участок 16 полка был увеличен до д. Лягезы включительно с тем, чтобы 18 полк имел возможность выделить целый баталион для обеспечения левого фланга бригады.

Однако, все указанные перегруппировки потребовали слишком много времени. Едва лишь они были начаты, противник успел уже занять м. Раков и продвинуться около 8 верст на восток. Вследствие плохой связи и хаотичного состояния отходивших частей 5-й бригады известие о занятии противником м. Раков получилось в 6-й бригаде

*) В точности данных о пр-ке, хотя они нами взяты из официальных документов штабригов мы не уверены, т. к. по другим сведениям силы пр-ка были меньше; стратегическая разведка на флангах, как видно, отсутствовала.

с опозданием на два—три часа, когда бригада уже фактически была обойдена противником.

Ввиду создавшейся тяжелой обстановки на левом фланге бригады в 16 часов было отдано приказание бригрезерву—17 полку: немедленно двигаться из района д. Пугачи—Татары в район Гирвели—Гиневичи, откуда выставить сторожевое охранение на линию Бузуны—Кучкуны, имея задачей обеспечить левый фланг бригады и прикрыть ее тыл, и в кратчайший срок занять дорогу Раков—Дуброва и Раков—Радошковичи. Одновременно в район Гиневичи из д. Дубровы была выдвинута резервная 5-я батарея.

Левофланговые части 18 полка, при поддержке 6 батареи не перестававшие отбивать атаки наседавшего противника, были сосредоточены д. Дубаши. С наступлением темноты бой на левом фланге бригады стал затихать, сменившись ружейной и пулеметной перестрелкой с противником продолжавшейся затем всю ночь.

К 24 часам 11 октября части бригады заняли следующее расположение: *16 полк*—участок по линии Пожáрище (вкл.)—Лягезы (искл.), имея полковой резерв (полторы роты) д. Пугачи куда перешел и штаб полка. *18 полк*—участок от Лягезы включительно, Дубаши включительно. *17 полк*—сосредоточился в д. Гирвели—Бузуны, выставив сторожевое охранение на линию Орловщина (вкл.) Леоновка (южн.) включ.

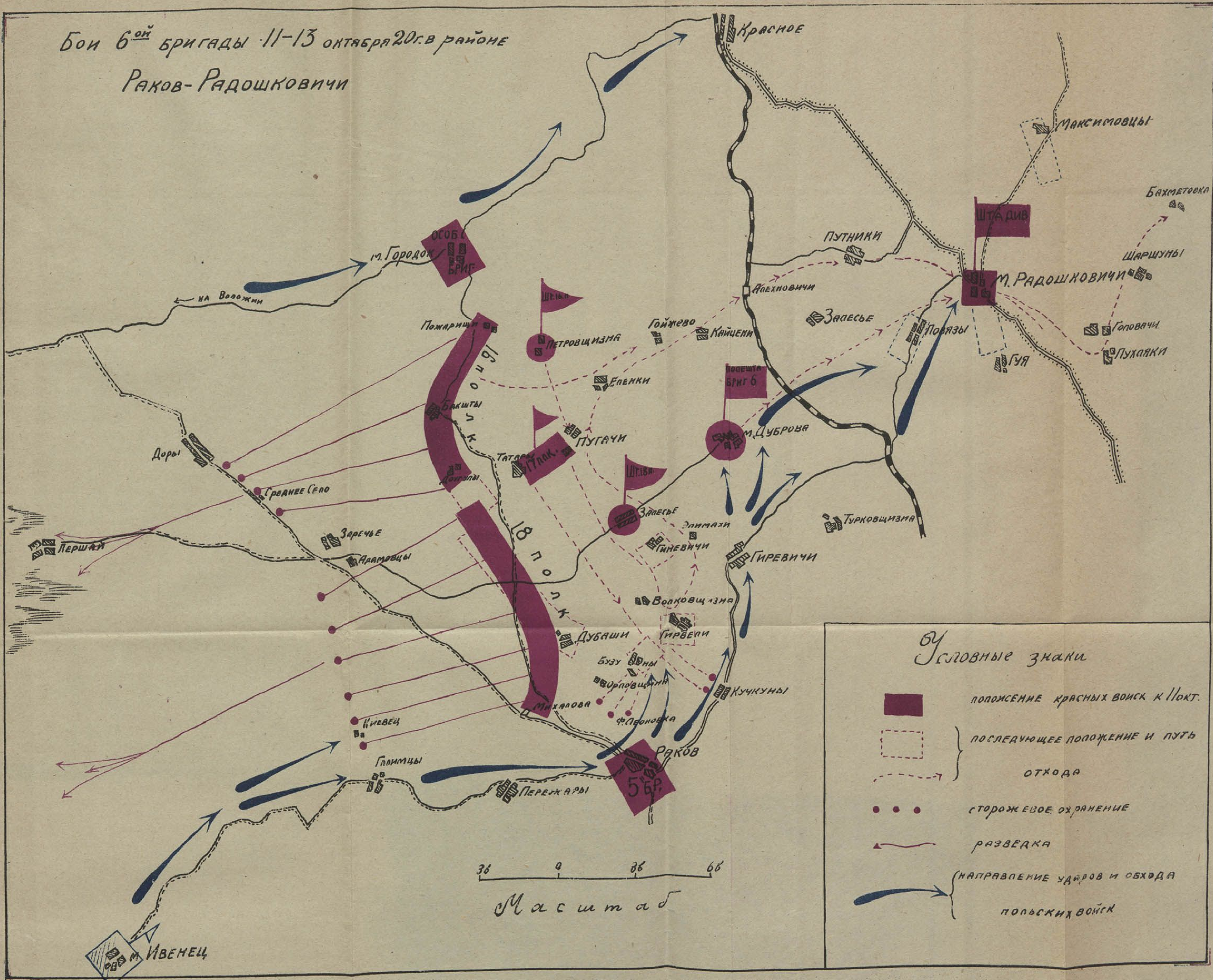
Для прикрытия дороги Раков—Радошковичи в д. Кучкуны была выслана 3-я рота 17 полка от которой к этому времени не было еще никаких известий. В этом положении части оставались до 3 часов 12 октября, когда вновь разгорелся встречный бой с противником.

Бой 12 октября.

Согласно вновь полученного оперприказа по дивизии, с рассветом 12-го октября 4—5 бригады должны были перейти в наступление, с целью восстановления положения, утраченного в бою 11 октября и занятия м. Раков.

6-й бригаде было приказано одним полком оказать содействие с севера частям 4 и 5 бригад. Эта задача была возложена на 17 полк и второй баталион 18 полка. сосредоточенный в д. Дубаши.

Однако, гораздо раньше наступления рассвета, на левом фланге бригады вновь закипел бой с превосходными силами противника. В 3 часа, противник, обойдя с севера д. Бузуны, охватил ее с трех сторон и вынудил части 2-го баталиона 17-го полка к отходу на опушку леса, что севернее упомянутой деревни. Одновременно 3 рота того же полка, при подходе к д. Кучкуны, была встречена сильным ружейным и пулеметным огнем противника и вступила с ним в бой, но обошедшим противником была отрезана от своего тыла и с трудом пробилась на северо-восток, присоединившись впоследствии к частям 4-й бригады, оперировавшим в районе восточнее м. Изяславль. Противник, получив подкрепление со стороны м. Раков, продолжал наступление на север. По всему участку 18 и 17 полков происходила

Бои 6ой бригады 11-13 октября 20г. в районе
Раков-Радошковичи
Красное
Максимовцы
Бахметовка
ШТА ДИВ
Путники
Шаршуны
м. Радошковичи
м. Городок
ОСОБ. БРИГ
на Воложин
Шт.18п
Гойжево
Кайцени
Алехновичи
Залесье
Поразы
Гоповачи
Пухаяки
Гуя
Пожарищи
Петровщизна
Еленки
Поешта Бриг 6
16 полк
Бакшты
Пугачи
м. Дуброва
Доры
Татары
17 пак.
Шт.18п
Среднее Село
Залесье
Туровщизна
Першай
Заречье
Арамовцы
Гиревичи
18 полк
Волковщизна
Гирвени
Дубаши
Бузуны
Урповщизна
Кучкуны
Михалова
Ф. Леоновка
Киевец
Раков
Глимцы
Пережары
5 бр.
Ивенец
36 0 36 66
Масштаб
Условные знаки
положение красных войск к 11 окт.
последующее положение и путь отхода
сторожевое охранение
разведка
направление ударов и обхода польских войск

оживленная перестрелка. Пользуясь прорывом фронта, противник оказывал непрерывное давление на левый фланг бригады и в 6 часов его часть силою около 150 конных охватила с северо-востока части 17 полка, находившиеся на опушке леса севернее д. Бузуны, вследствие чего последние вынуждены были начать отход к северу на д. Волковщина; однако, к этой деревне также подошли превосходные силы противника, под давлением которых части 17 полка принуждены были отойти в д. Гиневичи. В таком положении части 17 полка оставались до полного рассвета. 18 полк удерживался на прежней линии, ведя перестрелку с противником в районе д. Дубаши.

На остальном участке бригады все спокойно.

В 7 часов 30 мин. 17 полк перешел в наступление на д. Волковщина—Гирвели и к 9 часам после упорного боя овладел названным пунктом. Продолжая дальнейшее наступление на д. Бузуны, первый баталион 17 полка в ¾ версты к северу от деревни столкнулся с крупными силами противника, вынудившего наши части отойти на южную окраину д. Волковщина. Между тем, части 4-й и 5-й бригад крайне медленно вели продвижение, благодаря, чему образовавшийся на левом фланге прорыв простирался на расстоянии около 10 верст. Этот прорыв ничем не прикрывался, что дало возможность противнику бросить крупные силы на наш тыл по дороге Раков—Радошковичи.

С рассветом кавалерийские части противника в составе 2-х кавбригад хлынули на м. Радошковичи, за ними двинулась дивизия пехоты. Не встречая на своем пути никаких препятствий и обеспечив себя достаточно сильными боковыми отрядами, противник быстро распространился на северо-восток, оставляя бригаду „в мешке“. Одновременно противник крупными силами повел наступление на правого соседа особой бригады—Витебский баталион и вскоре занял м. Городок, продолжая дальнейшее движение на м. Красное. Таким образом, для бригады создалась серьезная угроза полного окружения.

Крупные силы противника двигались по главнейшим операционным направлениям, между которыми находилась бригада и, сковав наши части брошенными боковыми отрядами, оперировали главными силами в ее тылу. Несмотря на обход соседей, поставивших бригаду в катастрофическое положение, части все еще продолжали борьбу с противником в надежде на продвижение 4-й и 5-й бригад. Однако, это продвижение не дало никаких результатов.

Около 11 часов боковая колонна противника силою около 2-х эскадронов появилась в тылу передовых частей бригады у д. Дуброва, где был расположен полевой штаб бригады. В 12 часов после непродолжительной перестрелки, предупредив по телефону комбрига и полки, полештабриг под давлением противника начал отход на м. Радошковичи. Конница противника энергично преследовала отступавший обоз полештабрига, прикрываемый небольшой группой вооруженных красноармейцев человек в 20—25. Преследование продолжа-

лось до м. Радошковичи, где полештабриг присоединился к полештадиву и вместе с ним отошел далее на д. Дениски.

Вследствие поспешного отступления полештабрига и стремительного преследования конницы противника, часть отставших людей полештабрига была захвачена противником в плен, в том числе военный комиссар бригады и начальник артиллерии с ад'ютантом впоследствии бежавшие из плена.

В то время, когда голова главных сил южной колонны противника захватила уже м. Радошковичи и быстро двинулась на север в направлении на м. Илия, полки бригады оставались на прежних позициях и продолжали вести бой с боковыми авангардами противника. Одновременно, вследствие отхода правого соседа особой бригады (Витебского б-на), крупные силы противника отрезали ее с севера, заняв м. Красное. Таким образом, к 14—15 часам бригада оказалась обойденной значительными силами кавалерии и пехоты противника, в 5—6 раз превосходившими бригаду.

Связь с соседями и штадивом совершенно прекратилась после налета противника на полештабриг.

Дабы спасти бригаду и вывести ее из катастрофического положения, командир бригады, находившийся при 17 полку, по получении известия о занятии д. Дуброва отдал приказ всей бригаде сосредоточиться в районе ст. Алехновичи, откуда было решено следовать на м. Радошковичи, где прорваться и присоединиться к своим частям.

Около 13—14 часов части бригады начали отход в следующем порядке: в голове 17 полк, — (2-й баталион полка, под натиском противника оставил д. д. Волковщина—Эпимахи и сосредоточился в дер. Гиневичи, куда прибыл и 1-й баталион). Отсюда 17 полк с двумя баталионами двинулся на д. Зелесье, подходя к которой был встречен огнем противника обходившего с северо-востока. Нашим ответным огнем и несколькими выстрелами артиллерии противник был отогнан и 17 полк беспрепятственно продолжал отход по маршруту: Пугачи—Гиневичи—Гойжево—Алехновичи, куда прибыл с наступлением темноты. Вслед за полком, прикрывая его отход, двигался 18 полк, без труда отражавший появлявшисся мелкие группы и раз'езды противника. Общий отход бригады прикрыл 16-й полк, который к 15 часам занял участок: Еленки—Гойжево—Кайцени, прикрыв таким образом дорогу Пугачи—Еленки—ст. Алехновичи и обеспечив беспрепятственный отход всей бригады. С севера частями 16 полка был выставлен заслон по линии Пожарище—Петровщизно—Еленки. Пропустив 17—18 полки и артиллерию ариергард бригады—16 полк в 18 часов по сосредоточении в д. Турковщизне начал отход на ст. Алехновичи.

По сосредоточении на ст. Алехновичи, бригада около 19 часов двинулась с мерами охранения на м. Радошковичи через д. Путники в следующем порядке: 1) авангард—18 полк, 2) главные силы (с боковыми отрядами) артиллерия, 17 полк с обозом, 3) ариергард—16 полк.

Бригаде поставлена задача: во чтобы то ни стало прорваться через м. Радошковичи и пробиться к своим частям.

В 21 час бригада беспрепятственно проследовала через д. Путники и к 24 часам подошла на 1—2 версты к м. Радошковичи, где увидела многочисленные костры противника, через которые предстояло пройти.

Прорыв на м. Радошковичи 13-го октября.

М. Радошковичи занималось штабами двух кавбригад противника и большими обозами с прикрытием 1 полка пехоты и 2 эскадрона кавалерии. Кроме того, в дер. Повязы было расположено значительное количество кавалерии и пехоты противника (до 2 полков), в районе ст. Радошковичи—Гуя были расположены части 1-й пехотной дивизии легионеров. Главные силы двух кавбригад противника с артиллерией, заняв м. Радошковичи, проследовали на север (на м. Илия) и к моменту подхода 6-й бригады к Радошковичам находились в районе д. Максимовцы.

После тщательной разведки подступов к расположению противника, под прикрытием темноты, бригада двинулась на м. Радошковичи с северо-западной стороны в прежнем порядке. В 5 часов, не доходя до местечка, головной 18 полк развернулся в боевой порядок, имея в передовой цепи 2-й баталион, который приблизившись к постам противника, открыл сильный ружейный и пулеметный огонь и решительно бросился в атаку с криком „ура“ несмотря на открытый противником сильный пулеметный и ружейный огонь. Противник, не выдержав удара, в панике разбежался, но часть его засела в дома и продолжала обстреливать наши ворвавшиеся в местечко части из окон и из-за углов. Подошедший 1-й баталион 18 полка, во главе с комполка, окончательно опрокинул противника, выбил его из помещений и окончательно очистил путь бригаде, захватив при этом пленных и богатые трофеи, которые, однако, вследствие тяжелой обстановки для наших частей полностью увезены не были. (Благодаря стремительному натиску потери полка были ничтожны; два раненых стрелка). Для предупреждения удара противника с юга был выставлен заслон от 17 полка в сторону д. Повязы.

Подобрав из обоза противника часть трофеев—лошадей, несколько пулеметов и пленных, 18 полк двинулся на д. Дениски. За ним беспрепятственно проследовала артиллерия и обозы и двинулся 17 полк.

Опомнившийся противник вновь начал обстрел из домов и дворов, но в уличном бою был опрокинут и 17 полк в полном порядке продвинулся вслед за авангардом на д. Дениски. Следовавший в арьергарде бригады 16 стр. полк прикрыв движение через м. Радошковичи главных сил бригады, двинулся со своим обозом за 17 полком. Но противник, успевши привести в порядок свои части, загородил полку дорогу у мельницы в центре местечка, где он поставил и рассыпал стрелковую цепь, чем отрезал полк от остальных

наших частей. 16 полк, открыв в свою очередь огонь из пулеметов, продолжал с криком „ура“ движение, пробивая себе дорогу и опрокинув противника, вышел на большак Минск—Радошковичи, по которому и двинулся, имея ввиду по первой встретившейся дороге повернуть на север и присоединиться к бригаде, следовавшей на д. Дениски. Около версты полк двигался не встречая препятствий, а затем по главной части вновь был открыт ружейный и пулеметный огонь. После 10 минутного боя, энергичным движением головной части, противник был разогнан и полк двинулся дальше, гоня перед собой расстроенные части противника отступавшие по Минскому большаку. Положение полка было чрезвычайно тяжело, так как будучи оторван от своей бригады, имея вокруг себя противника, он в любой момент мог подвергнуться неожиданному нападению и быть принужденным к беспорядочному отступлению. К тому же, движение полка и ведение боя сильно затруднилось наличием обоза, что ставило в необходимость двигаться исключительно по дороге и связывало свободу маневрирования. Тем не менее доблестный полк энергично пробивался вперед, сбивая короткими ударами противника при всякой его попытке задержать полк и с боем подошел в д. Пухляки, что 5—6 верст восточнее м. Радошковичи. Противник несколько раз пытался лобовым ударом остановить движение полка, неинтенсивным ружейным и пулеметным огнем и переходом в атаку, полк теснил противника и на его плечах продолжал движение. У д. Пухляки, где пересекается ряд дорог, противник сделал попытку еще раз остановить полк для чего им была занята деревня, узел дорог и дорога, идущая на юго-запад от Пухляки, что давало ему возможность действовать с фронта и с фланга. Со стороны противника был развит сильный ружпульогонь, но после 15—20 мин. напряженного боя, противник был выбит из деревни и принужден к дальнейшему отступлению на юго-восток. От д. Пухляки 16 полк повернул на север на Головачи и далее беспрепятственно двигался по маршруту Головачи—Шармуны—Бахметовка—Дубарева, где в 9 часов присоединился к своей бригаде, пройдя, без привалов, подряд около 80 верст.

В дальнейшем, согласно ранее полученной директивы из штадива, бригада двинулась на дер. Дениски, куда прибыла около 16 часов и заняла участок в районе названной деревни.

Выводы.

1) Расположение бригрезерва даже в относительной близости к правому флангу не отвечало обстановке, так как, по имевшимся данным о противнике, можно было ожидать активных действий именно на левом фланге. Правильнее было-бы в данном случае разделить бригрезерв.

2) Когда обнаружилось наступление пр-ка на правое крыло 5-й бригады, 6-я бригада почему-то не приняла никакого участия в

развивавшейся операции, несмотря на то, что движение пр-ка угрожало непосредственно ее левому флангу. Вместо того, что-бы сразу же ударить во фланг, ввести немедленно же в дело бригрезерв, бригада медлила, чего то выжидала и предприняла это уже тогда, когда про-ком был занят Раков, когда помощь не могла уже повлиять на исход боя.

Впрочем, надо отметить, что если-бы даже бригрезерв и сразу получил приказ двинуться для удара во фланг наступающему пр-ку и обеспечения левого фланга бригады, вряд-ли он успел бы это сделать во время.

Это обстоятельство только лишний раз подтвержд. положение, что при растянутости фронта, при обходе фланга, ввод в дело резерва, вследствие его обычной удаленности и невозможности прибыть своевременно к решающему пункту, не может оказать влияния. Здесь именно нужны *смелость, решительность и быстрота действий.*

В данном случае, если бы связь с соседом была хорошо налажена, а это лежало на обязанности 6-й бригады (справо налево), перегруппировку произвести немедленно и решительно ударить во фланг пр-ку, что хотя и было сделано, но поздно. Кроме сего в данном случае именно и сказалось невыгодное расположение бригрезервов.

3) Отход особой и 5 бригад, занимавших важнейшие операционные направления, не только открыл фланги 6-й бригады, но дал возможность полякам зайти по этим главным путям крупными силами в тыл нашим частям.

Здесь надо отметить отсутствие согласованности в действиях 5-й и 6-й бригад, что весьма важно вообще и, в особенности, при современных условиях войны—при групповом расположении. При наличии согласованности в действиях бригад, картина верно была-бы иная. Кроме этого, промедление в действиях 6-й бригады говорит еще о слабо развитом чувстве взаимной выручки, что, к сожалению, приходится наблюдать иногда у наших частей.

Все это об'ясняется с одной стороны—обычно плохо организованной связью и с другой,—недостаточной тактической подготовкой комсостава.

4) Приказ штадива 2 о переходе в контр-наступление с целью восстановления утраченного положения в то время, когда противник проник уже глубоко в тыл довольно значительными силами, несоответствовал уже обстановке. Хотя предпринятое контр-наступление и говорит о решительности и смелости командования дивизии и его способности не выпускать инициативы из своих рук при самой неблагоприятной обстановке, тем не менее, несмотря на временный первоначальный успех, это повело к излишнему трепанию частей, потере времени и, в конечном результате—к нападению на полештабриг, бегству последнего и потере возможности управления.

Создавшаяся обстановка не давала данных расчитывать на успех контр-наступления, принимая во внимание малочисленность бригад и отсутствие согласованности в действиях с соседней бригадой. Выигрыша времени также достигнуто не было, так как поляки продолжали все таки свое движение, сковав малочисленные части бригады сильными боковыми отрядами; наоборот—была потеря времени.

Очевидно, что при таких условиях было бы правильнее и целесообразнее своевременно начать планомерный отход с тем, чтобы с одной стороны не быть так обойденным, как это случилось, а с другой,— остановиться на другой линии и там попытаться задержать наступающего.

5) Штабриг почему то бежал не на свои войска, как это следовало бы делать ему, а в противоположную сторону—в тыл, окончательно расстроив и без того слабое управление частями.

6) Решение комбрига прорваться сосредоточенными силами было вполне правильным. Опыт показывает, что только таким путем удавалось прорваться, т. к. это дает возможность располагать достаточно мощным кулаком для прорыва в намеченном пункте.

Однако, в принятии самого решения, комбриг очевидно колебался и долго думал, т. к. несколько часов части были расположены на виду у противника, вместо того, чтобы сразу ударить, использовав элемент неожиданности.

Самый прорыв производился также неверно, т. к. ночью не следовало рассыпаться в цепь и открывать огонь, а атаковать без стрельбы и боевой порядок иметь в колоннах и разомкнутых строях, 16-й полк, составлявший арьергард, так именно и действовал.

Заключение.

Несмотря на указанный ряд недочетов в действиях 6-й бригады, несмотря на ошибки в управлении, надо тем не менее признать, что в общем и целом бригада показала себя с самой лучшей стороны, проявив много доблести, стойкости и подлинного героизма. Особенно эти качества выступают рельефно, если иметь ввиду, что операция эта происходила в период отступления по всему фронту, когда части были изнурены предыдущими боями и походами, морально угнетены под влиянием постигших неудач и, кроме сего, были чрезвычайно малочисленны.

Начальник сумел прочно удержать инициативу в своих руках и смело выполнять задуманную операцию.

Б. Волков.

Отход в район Минска.

(15-го октября 1920 года).

В период отхода частей запфронта осенью 1920 года части 27-й стрелковой дивизии получили приказание отойти и, заняв позиции по течению реки Птичь, оборонять подступы к Минску. 79-й стрелковой бригаде было приказано оборонять участок от большой дороги Минск—Старое Село до госп. дв. Новый Двор.

Части бригады, без давления со стороны противника, благополучно отошли в указанный район совершив ночной марш, и к 11 час. 15-го октября заняли: 237-й стрелковый полк участок от тракта у дер. Головки исключительно до д. Боярщина включительно, 236-й полк от д. Боярщино исключительно до госп. дв. Новый Двор включительно, 237-й полк, составляя бригрезерв, сначала расположился в районе Гумнище—Марьина Горка, а затем перешел в д. Дехтяровка, 27-й кавполк, приданный бригаде, двумя эскадронами расположился в д. Дехтяровка, а один его эскадрон охранял правый фланг дивизии, имея заставу в д. Старое Село и ведя разведку на фронте Ляховщина—Красное Село—Дуличи. Полештабриг расположился в ф. Марьина Горка и штабриг в д. Сухарево.

Правее, в районе станции Ратомка располагалась 33-я стрелковая бригада 11-й дивизии, левее должна была расположиться 81-я стрелковая бригада. Повидимому она отходила с боем, так как с юга была слышна довольно оживленная перестрелка.

У полештабрига 79 к полудню была установлена телефонная связь со штабригом 33 и со своими полками; со штадивом и штабригом 81 к этому времени связи не было.

Особенно штабриг 79 был обеспокоен отсутствием связи с 81 бригадой, из района которой слышалась, как указано выше, довольно интенсивная перестрелка. Ординарцы, высланные для установления связи со штабригом 81, доложили, что в районе жел. дороги к юго-западу от д. Петровщина идет бой.

Наконец, около 13 часов удалось установить связь с комбригом 81. Последний сообщил по телефону, что утром, согласно директивы

штадива, 81-я бригада заняла позицию в районе Волчковичи—Прилучки и была атакована поляками, которые направили главный удар в охват 241-го стрелкового полка, занимавшего левый боевой участок. Вскоре противнику удалось охватить левый фланг и занять угрожающее его тылу положение, вследствие чего 241-й полк начал отходить на Минск вдоль тракта Прилучки—Сеница. Далее комбриг 81 сообщил, что связь у него с 80 бригадой, действовавшей левее, была потеряна и, что под влиянием сложившейся обстановки, около полудня он начнет отводить бригаду в район восточнее Минска.

В это же время из штабрига 79, расположенного в д. Сухарево по телефону сообщили, что разведчики противника появились в непосредственной близости к югу от деревни. Повидимому противник расширил сделанный им прорыв и с его стороны являлась угроза тылу 79-й бригады. Связь со штадивом так и не удалось установить. На фронте 33-й бригады, находившейся правее, и на фронте 79-й противник не появлялся.

Принимая во внимание невыгодно сложившуюся обстановку: левая соседка, 81-я бригада в отступлении, повидимому довольно поспешном, так как разведчики поляков уже проникли к д. Сухарево; отсутствие связи со своим штадивом, целый ряд совершенных перед тем усиленных маршей, лишивших бойцов сна и отдыха, учитывая продовольственные затруднения, а также толки о близком перемирии с поляками, несколько понизили дух бойцов, бывший до того на должной высоте, и, считая при данной обстановке рискованным принимать активное решение, комбриг 79 решает начать немедленный отход через Минск на реку Свислочь.

Около 14 час. 235-й полк, полештабриг и 27-й кавполк выступили на Сухарево. Один эскадрон был выслан вперед для выяснения обстановки в Минске, а другой должен был прикрывать отход 236-го и 237-го полков, которым указано было двигаться по Раковскому тракту на Под'ярково—Недвежино—Минск. 235 полку, составлявшему боковой авангард бригады, было приказано занять позицию юго-западнее д. Петровщина и удерживать ее до прохода 236 и 237 полков, после чего сняться с занимаемой позиции и следовать через Минск.

Полк от ф. Волковщина свернул к югу для занятия указанной позиции, но высоты к юго-западу от Петровщина оказались уже в руках поляков, которые открыли пулеметный огонь по цепям 235 полка. Тогда полк занял позицию восточнее д. Петровщина, от тракта Городище—Минск и далее на юго-восток, пересекая линию железной дороги. Левее него стал занимать позицию 243-й полк 81-й бригады, который однако был вскоре сбит противником и начал отходить к северу.

В это время колонна главных сил, следуя по Раковскому тракту, проходила д. Под'ярково; впереди следовал 236-й полк, а за ним 237-й. По проходе последнего 235-й полк стал отходить на тракт Раков—Минск, по достижении которого полк свернулся в колонну и последовал за хвостом колонны главных сил.

В то время, как 236 полк без всяких мер охранения с песнями двигался по улицам Минска, с одной из соседних улиц послышались звуки марша; все полагали, что это проходил один из полков 81-й бригады. Однако, как вскоре выяснилось, это двигался по одной из параллельных улиц полк польских легионеров, с музыкой вступавший в занятый город. Поляки, ранее заметившие своих противников, в упор открыли огонь и бросились в атаку на 236-й полк. Одновременно из окон и крыш домов послышались выстрелы; мост через реку Свислочь оказался в руках поляков.

Полку, двинувшись на северо-восточную окраину города, после двух контр-атак удалось в брод переправиться через реку Свислочь.

Подойдя к Минску и выяснив, что переправы в руках противника, 237-й и 235-й полки двинулись северной окраиной города, причем 237-й полк был атакован противником. Отбив атаки поляков, полки переправились в брод через реку Свислочь.

Во время неожиданного столкновения на улицах Минска 236-й полк потерял около 200 человек комсостава и красноармейцев; в прочих двух полках потери незначительны.

ВЫВОДЫ:

1) Полоса отхода для 79-й бригады выбрана неудачно: движение через Минск заставляло проходить через город с узкими улицами под непосредственной угрозой со стороны поляков, двигавшихся на Минск по тракту Городище--Петровщина—Минск, да и по расчету времени, вытекавшему из обстановки, было ясно, что противник мог предупредить в занятии города.

Более безопасным было бы движение севернее города; к тому же и южная разграничительная линия бригады проходила севернее Минска.

2) Организация флангового движения несоответствовала ни обстановке, ни указаниям полевого устава: боковому авангарду (235-й полк) указан путь следования на Дехтяровку—Сухарово и далее по Раковскому тракту на Минск, в то же время и колонне главных сил (236-й и 237-й полки) было приказано двигаться по тому же пути.

Таким образом, при подходе к городу и колонна главных сил и боковой авангард должны были двигаться одной общей колонной, не имея мер бокового охранения, что и привело к неожиданному столкновению на улицах Минска, сравнительно благополучный исход которого об'ясняется тем, что и поляки двигались по городу без всяких мер охранения.

3) Значительная часть кавалерии (три эскадрона на бригаду) не была в должной мере использована: один эскадрон был выслан в Минск для выяснения обстановки в городе, но о присутствии там поляков не донес, а отошел на восточный берег реки Свислочь; два другие эскадрона составляли конвой штабрига, вместо того чтобы вести разведку польских колонн, двигавшихся к Минску с юго-запада.

4) Сложившаяся обстановка давала для 79-й бригады прекрасный случай проявить активность, чтобы остановить продвижение поляков вдоль тракта Городище—Минск.

Заслонившись конницей или одним из полков от могущих появиться с запада поляков в районе Старое Село—Боярщина, прочими силами бригада могла предпринять наступление во фланг и тыл поляков, двигавшихся на Минск вдоль железной дороги. Общая обстановка благоприятствовала этому, так как с фронта на части 79-й бригады никакого давления со стороны противника не было. На участке 33-й бригады тоже было спокойно.

Одним из препятствий к выполнению этого маневра могло служить то обстоятельство, что части бригады были утомлены длинными маршами, вследствие чего и дух войск был понижен.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Запнев.

„Уроки гражданской войны".

(С. И. Гусев. Изд. Укрпура, 1921 г.).

Работа тов. Гусева является одною из первых попыток подытожить наш богатейший опыт ведения гражданской войны.

Эта работа, разумеется, отнюдь не претендует на всеоб'емлющую полноту—она лишь намечает вехи для будущих более обширных и детальных трудов.

Подымающемуся пролетариату целого мира, а, в первую очередь, западных стран,—следует избежать повторения наших ошибок, как следует понять и причины наших успехов и удач. Поэтому, именно, автор своей работе придает „не только научно-историческое", но и „практическо-политическое" значение. Еще подобные работы нужны и потому, что (по словам автора) „западные контр-революционеры учли уже опыт русских контр-революционеров и уже теперь, еще до захвата власти пролетариатом, организовали свои белогвардейские армии" (стр. 9).

Автор посвящает достаточно места рассмотрению особенностей ведения гражданской войны, выяснению роли всех родов оружия, истории организации военных учреждений и специальных институтов, вроде института военных комиссаров.

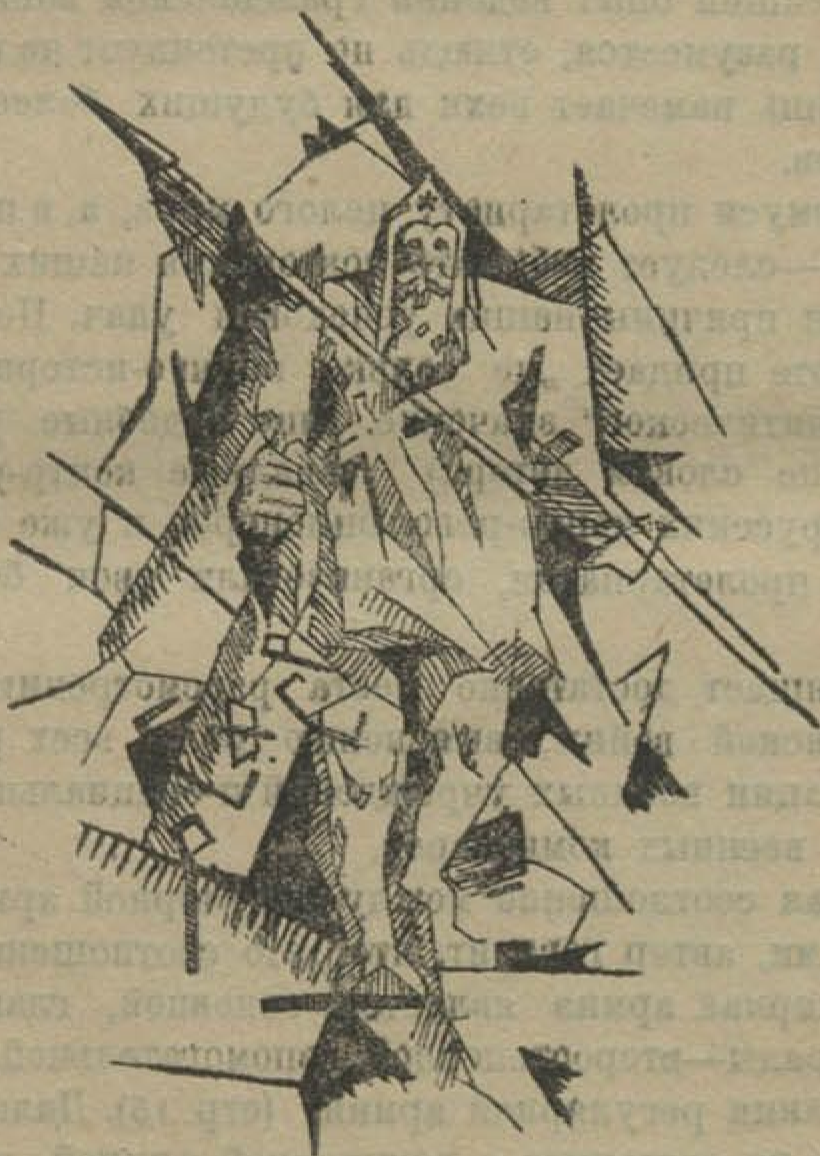
Рассматривая соотношение между регулярной армией и партизанскими отрядами, автор говорит, что „это соотношение заключается в том, что регулярная армия является основной, главной силой, а партизанские отряды—второстепенной, вспомогательной, выполняющей оперативные задания регулярной армии" (стр. 15). Дальше он говорит, что партизанство не связанное с регулярной армией и идущее под лозунгом „экспроприация экспроприаторов" извращает этот лозунг и „скатывается к бандитизму".

Анализируя партизанщину и бандитизм—автор делает ряд практических выводов и указывает на то, чего следует избегать впредь.

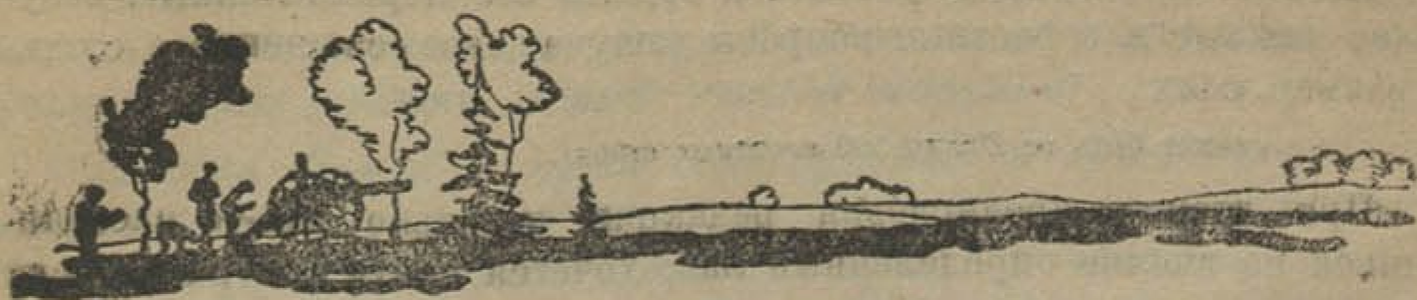
Целый ряд страниц посвящен вопросам о дисциплине, военных специалистах, подготовке красного комсостава (здесь приводятся интересные цифры Гувуза) милиционной системе, партийной работе в армии. В конце работы—в приложении: инструкции, приказы и положения (о комиссарах, ячейках Р. К. П. и т. д.).

Слабо освещена работа политических отделов, управлений и учреждений армии.

Труд может рассматриваться как первый опыт и может быть принят как костяк, который следует усердно и спешно одевать в живое тело.

Б. Л—в.

„Армия и Революция"

(Научный Военно-Политический журнал № 1-й, июнь 1921 г. Изд. Штаба Командующего всеми вооруженными силами на Украине. 137 стр.).

Новый журнал, обогащающий своим появлением в свет, нашу довольно таки скудную военную литературу, вышел в момент боевого затишья, когда на очереди весьма важный вопрос—реорганизация Красной Армии на основе учета приобретенного опыта и качественного улучшения за счет количественного ее сокращения. Естественно, что в такой момент выход этого журнала можно только приветствовать, не входя даже в оценку его содержания, а просто как факт, знаменующий собой отрадное явление—стремление работников армии собрать свой накопленный опыт, сделать его достоянием широких масс Красной Армии, изучить и выводы положить в основу строительства армии.

Журнал ставит себе задачей: „облегчить сложную работу работникам армии, определить общую линию, внушить научно-правильный взгляд на вопросы военного искусства и, наконец, развить творческую энергию в рядах самой армии".

Конкретизируя эту задачу, редакция в своем обращении к читателям указывает,—что на страницах журнала должны найти место:

> «вопросы политического воспитания и пролетаризации армии, определение содержания, форм и методов политработы, вопросы организации политорганов, воспитание и развитие боевых качеств комсостава, использование опыта войны в методах ведения боя и устранение тактических недочетов, вопросы комплектования, транспорта, снабжения. Наконец, изучение наших окраин и соседних государств, как возможного театра военных действий, — вот в общих и грубых штрихах наша далеко неполная программа».

Определяя свои задачи, редакция указывает и читателя на которого расчитан журнал:

> «наш журнал, «Армия и Революция» предназначается для среднего командного и политического состава, не ниже командиров и комиссаров полков и должен находиться в тесной связи с сетью других журналов, предположенных к изданию в армиях и округах, более популярных, предназначающихся для развития военных и политических знаний командиров ниже комполков. Все эти журналы вместе с нашим опять таки находятся в связи с военно-научным журналом, который, как руководящий орган, выходит (?!) в Москве под названием «Военная Наука и Революция».

Не забыла редакция указать и то, что все перечисленные, безусловно важные и серьезные вопросы, получат свое освещение в статьях размер коих

«может быть от 200 до 500 печатных строк».

При чтении предисловия редакции невольно как-то настраиваешься на вполне определенный лад: хочется найти в журнале, если не откровения, то, по крайней мере, что то оригинальное, новое, или уже во всяком случае что то... солидное.

Ведь невольно имеешь при этом ввиду, что берущий на себя какое либо обязательство, берет его с тем, чтобы выполнить. Конечно, этим мы не хотим сказать, что обязательство взятое на себя редакцией должно быть выполнено сразу и целиком.

К великому сожалению, при дальнейшем знакомстве с содержанием 1-го номера журнала, приходится довольно таки основательно разочароваться, так как оно не вселяет особенно большой уверенности, что журнал сможет разрешить поставленные себе задачи в намеченном об'еме.

Но не будем забегать вперед и перейдем к краткому рассмотрению содержания журнала.

Из 16-ти статей, напечатанных в журнале, чисто военных—всего 4, остальные—на политические темы.

Из военных статей серьезного внимания заслуживает только статья тов. Фрунзе: „Единая военная доктрина и Красная Армия“.

Написать эту статью тов. Фрунзе побудило очевидно то, что

«Одним из наиболее важных вопросов приковывающих внимание нашей современной военной мысли является вопрос о так называемой

„Единой военной доктрине“.

Необходимость в обсуждении этого вопроса безусловно давно назрела, тем более, что как справедливо отмечает тов. Фрунзе:

«до сих пор мы не только не имеем попыток систематизации учений о нашей военной доктрине, но и самое содержание этого понятия является в достаточной степени смутным и неопределенным».

Тем больший интерес приобретает статья тов. Фрунзе, если принять во внимание, что она является в нашей военной литературе первой серьезной попыткой „поставить вопрос о „единой военной доктрине“ с точки зрения интересов рабочего государства и революции“.

В рамках, намеченных автором, им безусловно разрешен этот вопрос в положительном смысле, так как т. Фрунзе совершенно правильно подходит к вопросу и в беглом, но обстоятельном обзоре военной идеологии таких трех государств как Германия, Франция и Англия, приходит к выводу, что *„все военное дело данного государства вплоть до учения, на основе которого строятся его вооруженные силы, является отражением всего уклада его жизни и, в конечном счете, его экономического быта, как первоисточника всех сил и рессурсов“ (курсив авт.)*.

Стоя на такой точке зрения, автор, не претендуя „на конструктивную, законченную и логическую безупречность“ предлагает—такую формулировку понятия „единой военной доктрины“.

„Единая военная доктрина есть принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск, их вождения на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ними военных задач, и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и определяемые уровнем развития производственных сил страны“ (курсив авт).

Несмотря на то, что такое определение понятия, „военной доктрины“ далеко не исчерпывающее, оно вместе с тем имеет ту ценность, что вносит в этот вопрос известную ясность, намечает правильный к нему подход, могущий служить отправной точкой при его рассмотрении и, кроме сего, рассеивает туман, напущенный некоторыми военспецами, вроде того, который указывает тов. Фрунзе: „военная доктрина есть пророческий глас военного гения и т. п. чепуха“.

Определив понятие „военной доктрины“, автор задается вопросом: „какие же основные элементы должны лечь в основу военной доктрины нашей рабоче-крестьянской Красной Армии?“

Анализируя характер нашего государства т. Фрунзе говорит, что

> „между нашим пролетарским государством и всем остальным буржуазным миром может быть только одно состояние: долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть, войны, требующей колоссальной выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли“.

Отсюда автор получает тот вывод, что:

> „сознание каждого рабочего, каждого крестьянина, каждого красноармейца и, в первую очередь, каждого члена руководящей государственной жизнью коммунистической рабочей партии должно быть пропитано той мыслью, что наша страна попрежнему находится в положении осаждаемой крепости и будет в нем находиться, пока в мире царит капитал, что энергия и воля страны должны быть направлены попрежнему на создание и укрепление нашей военной мощи; что государственная пропаганда идеи неизбежности активной борьбы с нашими классовыми врагами должна подготовить ту психологическую среду всенародного внимания, заботливости и попечения о нуждах армии, в атмосфере которой только и может итти успешно дело строительства наших вооруженных сил“.

Касаясь дальше вопроса о характере военных задач, могущих встать перед Советской Республикой, автор говорит:

> „Общая политика рабочего класса, класса активного по преимуществу, стремящегося к завоеванию всего буржуазного мира, не может быть активной в самой высокой степени“.

Этим собственно тов. Фрунзе и определяет уже в известной части основные элементы нашей военной доктрины. Как логический вывод

> „отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, подготовлять ее к завершению задач революции путем энергичных, решительно и смело проводимых, наступательных операций“.

Остальные военные статьи, за исключением еще неоконченной, но видно, дельной статьи тов. Карбышева, можно было-бы обойти молчанием, как не представляющих ничего серьезного и интересного; но, считаясь с тем, что журнал „Армия и Революция“ предназначен для комполков, что редакция ставит себе задачей „внушить научно-правильный взгляд на вопросы военного искусства“, о них надо все-же сказать несколько слов.

Статья Б. Верховского „Связь пешей и конной разведки“, очевидно попала случайно в журнал, предназначенный не ниже, чем для комполков. Вряд-ли можно допустить, что даже при всей слабости тактической подготовки нашего комсостава, в частности—комполков, чтобы последние не знали той азбуки разведки, которую преподносит им статья тов. Верховского, так как если-бы это допустить, то невольно должен встать вопрос (для редакции): насколько-же подготовлены комполки, чтобы читать серьезные статьи, трактующие о „единой военной доктрине?

Помимо своей излишней популярности и элементарности сообщаемых сведений, статья еще грешит и некоторыми прямыми ошибками. Так, автор говорит, —что „в условиях маневренной войны из всех органов разведки первое место несомненно принадлежит коннице, так как она лучше других сочетает три основных свойства нужных для разведки: 1) **подвижность**, 2) **независимость от местности и погоды (т. е. всюду-проходимость и** 3) **боевую силу**“ (курсив автора).

Относительно свойства „всюду-проходимость“ можно с автором поспорить и не согласиться. Считает-ли автор, что в болотистой местности, или в горах кавалерия может действовать совершенно свободно, и считает-ли автор, что кавалерия менее зависима от погоды и местности, чем пехота?

Относительно воздушной разведки взгляд автора надо признать уже устаревшим, так как при современном развитии авиации, последняя может соперничать с кавалерией, как органом дальней разведки, если не у нас, благодаря нашей отсталости, то, по крайней мере, в западной Европе.

По вопросу о действиях стратегической конницы при встрече с кавалерией противника, автор говорит: „одни полагают необходимым броситься на врага с целью разбить его“, „другие—рекомендуют избегать столкновения во что бы то ни стало, продолжая выполнять свою основную задачу—разведку“.

Если когда-то этот вопрос и вызывал споры, то в настоящее время он уже не вызывает сомнений при его решении.

Для правильного же решения не следует допускать довольно таки грубой ошибки, как это делает автор разбираемой статьи, и думать, что основной задачей стратегической конницы является **только разведка**. На нее возлагается еще две задачи не менее основных: 1) воспрепятсвовать коннице противника проникнуть в наше расположе-

ние, т. е. стратегическая конница должна играть роль завесы для наших войск и 2) занятие определенных рубежей, переправ и т. п.

При таком положении уже не может—вызвать споров вопрос о том, как должна действовать конница при встрече с конницей противника: безусловно должна броситься на нее и, если не разбить, то уже во всяком случае опрокинуть, так как без этого она не сможет выполнить ни одной из возложенных на нее задач в более или менее полной мере.

За военно-историческими примерами почему-то понадобилось автору отправиться для раскопок в архив империалистической войны, как будто таких „классических" примеров нельзя найти в гражданской войне, которые безусловно были-бы более наглядны, как более свежие и близкие нам.

Краткая заметка тов. Попова об „операции Врангеля на правом берегу Днепра", никак не может быть принята в качестве статьи для военно-научного журнала.

С известной натяжкой ее можно было поместить в газете, как „военный обзор" и то ее надо было бы признать неудовлетворительной.

Сколько нибудь серьезно подойти к ее оценке никак нельзя. Это просто кусочек, отрывок без начала и конца из богатой боевой жизни южного фронта, почему-то втиснутый в журнал.

Начинается она без указания об обстановке, о боевой численности и группировке сторон и пр. Заканчивается без каких бы то ни было выводов и попыток дать оценку этой безусловно важной и интересной операции.

Вряд-ли такого рода статьи смогут помочь „подвести научный фундамент" Красной Армии и „внушить научно-правильный взгляд на вопросы военного искусства".

Приходится только выразить сожаление и удивление, что такая сырая заметка могла попасть на страницы серьезного журнала.

Из статей на политические темы, помещенных в журнале, некоторые представляют безусловный интерес, как например, статья тов. Гайлиса, касающаяся некоторых практических мероприятий по углублению полит-просветработы в Красной Армии.

Большинство же—не подымаются выше заурядной газетной статьи, где собственно и должны были-бы найти себе место.

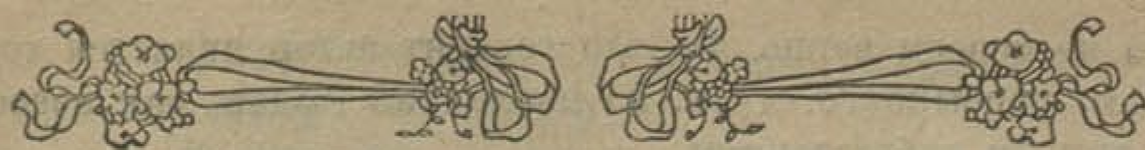
Отдел библиографии в журнале не совсем понятен по своей задаче: имеет ли он в виду все вообще выходящие в свет книги, независимо от предмета о котором они трактуют, или же, как это было бы естественным полагать, отдел библиографии будет интересоваться только теми вопросами, которыми занят журнал „Армия и Революция"? Если предполагать последнее, то станет непонятным, почему наряду с отзывом о „Тактике артиллерии" Теодори, дается также отзыв и о таких вещах как: „Сказки и наука о происхождении мира", „Наши невидимые враги и друзья. Бактерии" и пр.

Если в данном случае исходить с точки зрения полезности той или иной книги для Красной Армии, то это заведет очень далеко, так как немного таких книг найдется, которые не могли-бы быть полезными для Красной Армии, и тогда небольшой отдел библиографии не сможет сколько нибудь вместить в себе даже просто перечня названий всех вновь выходящих книг.

Казалось бы целесообразнее сузить рамки отдела библиографии вопросами, которыми занят журнал.

Заканчивая обзор журнала, позволим выразить надежду, что в последующих номерах редакция даст более интересный материал, пред'явив к печатаемым статьям более серьезные требования,—а также уделит больше места вопросам военным, тем более, что это вполне по силам штабу вооруженных сил Украины. Мы не сомневаемся, что тогда журнал принесет немалую пользу нашей Красной Армии.

„Военный Вестник".

(Орган отдела военной литературы при Р. В. С. Р. Выходит два раза в месяц. № 1—15 мая и № 2—3—15 июня 21 г.)

Вышедший в свет военный журнал „Военный Вестник" в мае месяце т. г. к нам в Смоленск попал едва в августе, (справка: от Москвы до Смоленска 12 час. езды скорым поездом и 19 час. почтовым).

Но лучше поздно, чем никогда!

Новый журнал является первой ласточкой (из центра) и обещает, что в скором времени выйдет еще другой „Военная наука и Революция", задачей коего будет:

„Научная разработка всех вопросов военного искусства в его широком понимании, имея своей конечной целью выработку и установление основных принципов военной доктрины, согласованной с духом нашей революционной эпохи".

Не приходится, конечно, и говорить, что в последнем давно назрела потребность и что отсутствие центрального руководящего военного органа в армии весьма заметно. Назрела несомненно потребность и в центральном военном органе, который был бы занят освещением текущих вопросов военного строительства.

Поэтому выход в свет „Военного Вестника" является как нельзя более своевременным. Этот орган ставит себе задачей:

„Популярное освещение всех текущих вопросов военного строительства в свете опыта всей последней эпохи, имея своей основной целью—помочь командному составу Красной Армии и всем работникам Красной Армии в деле военного самообразования и планомерного военного обучения всей Армии Революции".

По первым номерам трудно еще судить о том, насколько сможет справиться журнал с поставленной задачей в полной мере, но в части ее—„популярное освещение текущих вопросов военного строительства"—первые номера журнала дают основание думать, что она справится.

Журнал довольно разнообразен по своему содержанию и охватывает такие вопросы, как обучение войск, опыт войны, военное снабжение и хозяйство, организация и быт и др.

Из отдельных статей можно отметить дельную статью т. Павлова (№ 1) „Наша стрелковая немощь". Автор касается действительно весьма больного вопроса нашей армии и указывает ряд конкретных мероприятий для борьбы с этой болезнью. Автором допущены некоторые ошибки. Например: говоря о дисциплине огня, автор замечает:

„Ведь рассыпной строй создан для того, чтобы дать возможность шире проявиться индивидуальным особенностям бойца".

Это не совсем верно. То, что говорит автор, является только особенностью рассыпного строя, но последний создан, как известно, совсем по другим побуждениям.

Далее, говоря о пулеметных тачанках, применяемых в текущей войне и указывая, что во время стрельбы, благодаря нервозности лошадей, тачанки дергаются и не дают возможности правильно стрелять, т. Павлов приходит к выводу, что тачанки следует сохранить, как удобное перевозочное средство, „но запретить стрельбу с них".

Вывод этот надо признать неверным, так как применяемая тачанка вызвана к жизни не только теми соображениями, что это удобная повозка, но и рядом других соображений, из которых мы укажем на одно самое главное—по нашему мнению.

Как известно, армии в гражданской войне отличаются малой устойчивостью и большой впечатлительностью. Выезд на позицию ряда тачанок с пулеметами, как мы знаем из опыта, безусловно производит большое моральное воздействие, независимо от % наносимого поражения. В то же время стрельба из пулемета, установленного где либо просто на позиции, не на тачанке, такого впечатления не производит и стрелки не приостанавливают своего наступления.

Очевидно, что самое сильное впечатление производит не сама стрельба пулемета, а именно то, что он установлен на тачанке и создает верно сознание, что пулемет нельзя ничем остановить в его движении; создается, видимо, такое же впечатление, как при виде атакующей конницы.

Таким образом, нам кажется нецелесообразным запретить совершенно стрельбу из пулемета на тачанке. Все зависит от того, с каким противником иметь дело: если это антоновцы, положение одно; если это вышколенная, стойкая, скажем, немецкая пехота,—положение другое.

Напечатаны в разбираемом журнале еще некоторые дельные статьи, останавливаться на которых нам не позволяет ограниченный размер рецензии. Укажем только на одну еще, но не дельную, а, наоборот.

В № 3 напечатана статья В. Меликова „Связь как обеспечение победы". Там, где автор говорит о связи „вообще и безотносительно" он проявляет известное знание предмета, но когда он начинает касаться опыта текущей войны, получается нечто несуразное и автор сразу же обнаруживает свое незнакомство с опытом гражданской войны. Автор говорит:

„все, что связано с организацией и устройством связи, относится к технике".

И только? т. Меликов, очевидно не допускает и мысли о существовании еще и тактики связи.

Далее автор заявляет, что

„идея применения полевых штабов является не только крайне вредным явлением в полевом управлении войсками, но и полным абсурдом в военном искусстве".

В том то и дело, что абсурдом является не полевые штабы, а утверждение тов. Меликова.

Всякий, кто знаком с гражданской войной, скажет тов. Меликову, что именно выделение полевых штабов только и обеспечивало возможность управления и то не в полной мере, так как еще пришлось создавать и оперпункты.

И то и другое сыграло немаловажную роль в деле управления войсками в польскую кампанию, с которой не мешало бы ознакомиться тов. Меликову.

„Революционная военная мысль".

(№ 1 — август 1921 г. Издание штаба войск Киевского Военного Округа 107 стр.).

Под таким названием вышел в свет № 1 журнала, издаваемого штабом войск Киевского Военного Округа.

Книжка небольшого формата, несколько меньше 1/4 листа, при нынешних недостатках, весьма аккуратно и тщательно изданная, по внешнему виду производит хорошее впечатление и говорит о том, что издатели ее делали свое дело с любовью и большой заботливостью.

Производит журнал хорошее впечатление не только по внешнему виду, но и по внутреннему содержанию.

Редакция (или вернее, военно-историческая комиссия по изучению опыта гражданской войны Киевского Округа) в своем обращении к читателям говорит, что она „не может претендовать на издание строго военно-научного журнала, ее цель будет достигнута, если его страницы внесут известную лепту в историю гражданской войны и дадут материал для обогащения военной науки".

В указанных пределах 1-й номер дает основания думать, что журнал справится с поставленной задачей.

В журнале напечатаны небольшие статьи, затрагивающие разнообразные вопросы жизни армии; среди них есть весьма дельные, как например: „политическая роль командира" Н. Рабичева. „управление ружейным огнем" (занятия в поле) Е. Юрьева, неоконченная статья Грендаля „Действия артиллерии правобрежной группы 13-ой армии в боях за Бериславльскую переправу" и некоторые другие.

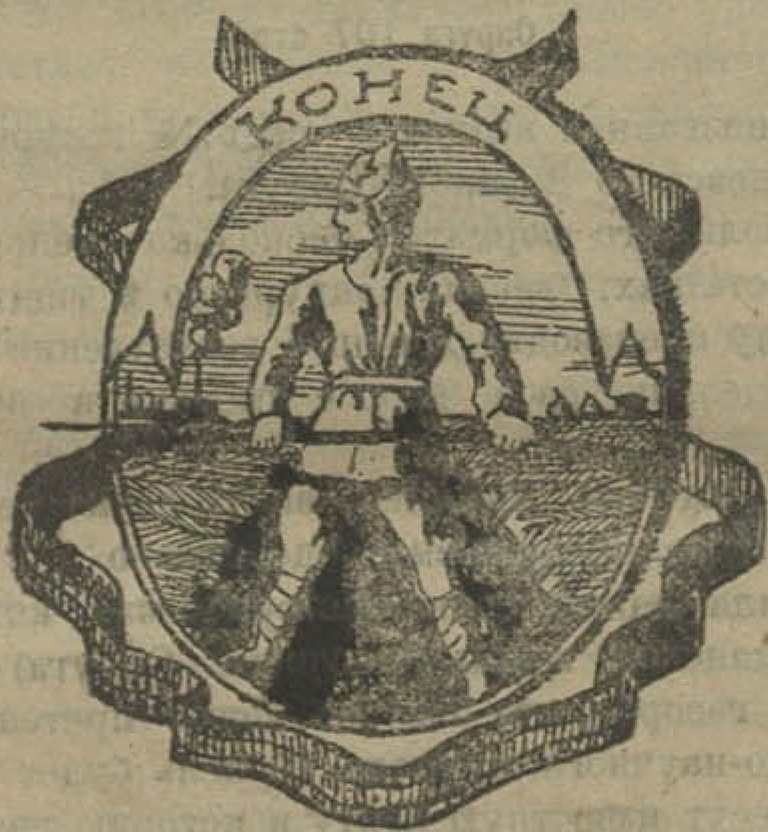
В общем, судя по 1-му номеру, можно сказать, что журнал взял верный тон и живет действительной жизнью.

Поправка к сборнику № 8 журнала.

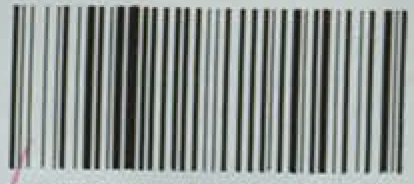
Редакция просит исправить следующие неточности вкравшиеся в рецензию Ив. Московитина о „Тактике артиллерии“ Теодори.

1) Труд ген. шт. Плющевского-Плющик представляет неопубликованные записки для слушателей академии генерального штаба.

2) Г. И. Теодори книги „Хозяйственный справочник“ не составлял.

Редактор: Редакционная коллегия.

Смоленск, типография Совнархоза № 14.—5.000 экз.